КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Морис Леблан

АРСЕН ЛЮПЕН ПРОТИВ ХЕРЛОКА ШОЛМСА

«ИНОСТРАНКА»

Арсен Люпен против Херлока Шолмса

Морис Леблан

Аннотация
Морис Леблан. Арсен Люпен против Херлока Шолмса
Часть первая. Белокурая дама
Глава первая. Номер 514, серия 23
Глава вторая. Голубой бриллиант
Глава третья. Херлок Шолмс открывает военные действия
Глава четвертая. Немного света в сумерках
Глава пятая. Похищение
Глава шестая. Второй арест Арсена Люпена
Часть вторая. Еврейская лампа
Глава первая
Глава вторая

Аннотация

Книги французского писателя Мориса Леблана о приключениях Арсена Люпена раскупались при жизни автора огромными тиражами, превышающими тиражи книг самого Конан Дойла. Кто же такой этот Арсен Люпен?

Арсен Люпен – неуловимый грабитель, о подвигах которого трубят все газеты, таинственный персонаж, джентльмен с неистощимой фантазией, орудующий лишь в замках и великосветских гостиных. Арсен Люпен – человек с тысячью обличий. Поймать его невозможно, предсказать его следующий шаг – исключено. Его хитрость, его благородство, его изобретательность не знают границ. Разве что великий и непобедимый Херлок Шолмс примчится из окутанного туманами Лондона, чтобы справиться с самым известным преступником Франции…

Роман сопровождается иллюстрациями французских художников из первых оригинальных изданий.

Морис Леблан
Арсен Люпен против Херлока Шолмса

КЛАССИКА

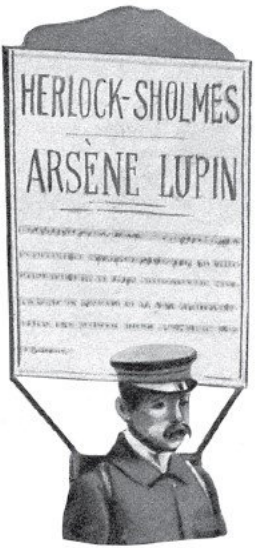
ДЕТЕКТИВА

Maurice Leblanc
ARSÈNE LUPIN CONTRE HERLOCK SHOLMÈS.
© Т. А. Ворсанова (наследник), перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

* * *

Посвящается Марселю Эрё
В знак приязни.
М. Л.

Часть первая
Белокурая дама



Глава первая
Номер 514, серия 23

Восьмого декабря прошлого года господин Жербуа, учитель математики версальского лицея, среди хлама в лавке у старьевщика откопал маленький секретер красного дерева, который понравился ему обилием своих ящичков.

«Это именно то, что мне нужно, прекрасный подарок Сюзанне на день рождения», — подумал он.

И, стремясь в меру своих скромных средств доставить удовольствие дочери, он, поторговавшись, выложил шестьдесят пять франков.

Когда он давал свой адрес, молодой человек весьма элегантной наружности, уже некоторое время рывшийся в мебельном хламе, заметил секретер и спросил:

— Сколько?

— Продано, — ответил торговец.

— О!.. вероятно, вот этому господину?

Господин Жербуа поклонился и, почувствовав себя еще более счастливым, оттого что купленная вещь приглянулась ближнему, вышел из лавки.

Однако не успел он сделать и десяти шагов, как молодой человек догнал его и, держа шляпу на отлете, безупречно вежливым тоном спросил:

— Бесконечно виноват… но позволю себе задать вам бестактный вопрос… Вы искали именно этот секретер?

— Нет. Я хотел по случаю купить весы для кое-каких опытов по физике.

— Стало быть, он вам не очень дорог?

— Да нет, дорог, и кончено с этим.

— Потому что он старинный, быть может?

— Потому что он удобный.

— В таком случае не согласитесь ли вы обменять его на столь же удобный, но в лучшем состоянии?

— Этот в приличном состоянии, и менять его мне кажется бессмысленным.

— И все же…

Господин Жербуа был человеком раздражительным и нрава довольно мрачного. И потому он сухо ответил:

— Очень прошу вас, не надо настаивать.

Незнакомец забежал вперед:

— Не знаю, сколько вы заплатили, но предлагаю двойную цену.

— Нет.

— Тройную?

— Да прекратим же, — вскричал учитель, выведенный из себя, — это моя собственность, и она не продается.

Молодой человек пристально посмотрел на него — такой взгляд господину Жербуа вряд ли удалось бы забыть — и, ни слова не говоря, развернулся на каблуках и удалился.

Часом позже секретер принесли в домик на шоссе Вирофлэ, где жил учитель. Он позвал дочь.

— Это для тебя, Сюзанна, если, конечно, он тебе подходит.

Сюзанна была девушка красивая, экспансивная и счастливая. Она бросилась отцу на шею и так радостно поцеловала его, словно он сделал ей королевский подарок.

В тот же вечер, поставив секретер у себя в комнате, она вместе с Гортензией, горничной, протерла пыль в ящичках и разложила по ним свои бумажки, коробочки с письменными принадлежностями, всю свою переписку, коллекцию почтовых открыток, а также несколько тайных подарков своего кузена Филиппа, которые она бережно хранила.

Наутро, в половине восьмого, господин Жербуа отправился в лицей. В десять Сюзанна, как обыч-

но, ждала его у выхода: он очень обрадовался, когда за воротами увидел ее стройную фигуру и детскую улыбку на устах.

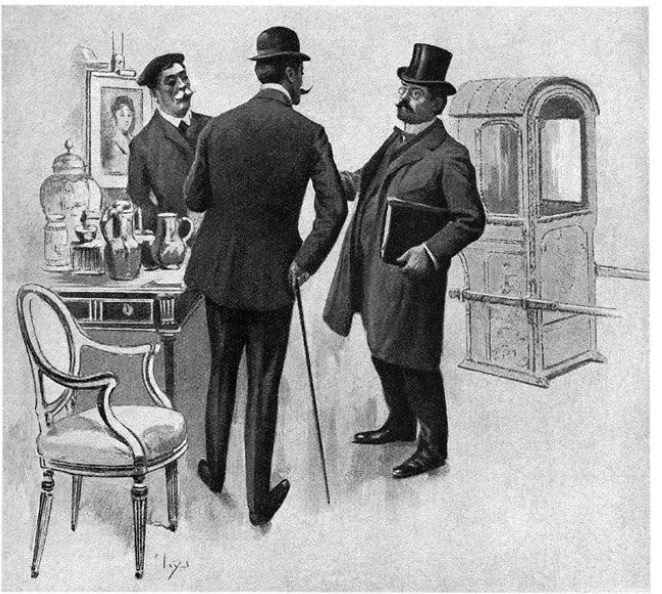
Они вместе вернулись домой.

— Так тебе правится секретер?

— Настоящее чудо! Мы с Гортензией отчистили медные украшения. Ну прямо золото!

— Значит, ты довольна?

— Довольна ли я! Да я просто не знаю, как до сих пор без него обходилась!



Они прошли через палисад. Господин Жербуа предложил:

— Может, пойдем посмотрим на него до зав-

трака?

— О! Это прекрасная мысль.

Она поднялась первой, но, оказавшись на пороге своей комнаты, испуганно закричала.

— Что там такое? — пробормотал господин Жербуа.

И вслед за дочерью вошел в комнату. СЕКРЕТЕРА НА МЕСТЕ НЕ БЫЛО.

…Следователя поразила восхитительная простота, с которой все было проделано. Когда Сюзанны не было дома, а горничная отправилась за покупками, посыльный с бляхой на груди — соседи видели его — остановил свою повозку у ворот и два раза позвонил. Соседи, не знавшие, что горничная ушла, ничего не заподозрили, мнимый посыльный в полном спокойствии сделал свое дело.

И кстати: ни один шкаф не был поцарапан, ни одни стенные часы не задеты. Больше того, полный золотых монет кошелек Сюзанны, который лежал на мраморной столешнице секретера, нашелся на соседнем столе; так что цель кражи была совершенно ясна, отчего становилась еще менее понятной, да и к чему, в конце концов, идти на такой огромный риск ради такой минимальной добычи?

Единственной зацепкой был рассказ учителя об инциденте, случившемся накануне.

— Этот молодой человек был страшно недоволен моим отказом, и у меня осталось совершенно четкое ощущение, что он покидал меня с угрозой.

Все это звучало весьма туманно. Допросили торговца. Он никогда раньше не видел ни одного, ни другого джентльмена. Что до секретера, так его он купил за сорок франков в Шеврёзе на распродаже вещей одного умершего господина и считал, что хорошо перепродал вещь, взяв ее настоящую цену. Дальнейшее расследование никаких результатов не дало.

Но господин Жербуа был убежден, что ему нанесли огромный ущерб. Должно быть, в одном из ящичков с двойным дном хранилось целое состояние; потому-то молодой человек, знавший о тайнике, и действовал с такой решимостью.

— Отец, бедный ты мой, ну что бы мы стали делать с этим богатством? — повторяла Сюзанна.

— Как то есть! С таким приданым ты могла бы претендовать на самые блестящие партии.

Сюзанна, которая претендовала исключительно на кузена Филиппа, а он представлял собой партию ничтожную, горько вздыхала. В малень-

ком версальском домике жизнь потекла своим чередом, менее веселая, менее беззаботная, омраченная сожалениями и разочарованиями.

Минуло два месяца. И вдруг одно за другим — самые серьезные события, целая череда совершенно неожиданно открывшихся возможностей и катастроф!..

Первого февраля, в половине шестого, господин Жербуа, вернувшись из лицея с газетой в руках, надел очки и сел ее читать. Политика его не интересовала, он перевернул страницу. Внимание его тут же привлекла заметка, которая называлась «Третий тираж лотереи Ассоциации прессы».

«Номер 514, серия 23, выиграл миллион…»

Он выронил газету. Стены перед глазами зашатались, сердце перестало биться. Номер 514, серия 23, был его номером! Он купил билет случайно, оказав услугу одному из своих друзей, потому что совершенно не верил в удачу судьбы; и вот — выиграл!

Он тут же достал свою записную книжку. Там был записан номер 514, серия 23, на отдельной страничке, для памяти. Но где сам билет?

Господин Жербуа пошел к себе в кабинет, чтобы взять коробочку с почтовыми конвертами, куда он положил драгоценный теперь билет, и

на пороге застыл со сжавшимся сердцем — коробочки с конвертами там не было, и, к своему ужасу, он сразу вспомнил, что не видел ее уже довольно давно, не одну неделю! Много недель он не замечал ее перед собой, часами сидя за столом и проверяя домашние задания учеников!

В саду зашуршал гравий… Он позвал:

— Сюзанна! Сюзанна!

Она возвращалась с прогулки. Быстро поднялась наверх. Он пробормотал сдавленным голосом:

— Сюзанна… коробочка… коробочка с конвертами?..

— Какая?

— Ну та, из Лувра… которую я принес как-то в четверг… она была здесь, на этом конце стола.

— Но вспомни, отец… мы же вместе с тобой положили ее…

— Когда?

— В тот вечер… ну, знаешь, накануне того дня…

— Но куда?.. Отвечай же… ты меня убиваешь…

— Куда?.. В секретер.

— В секретер, который у нас украли?

— Да.

— В секретер, который украли! — в ужасе по-

вторил он.

Затем, схватив Сюзанну за руку, еще тише он сказал:

— В коробочке был миллион, дочка…

— О, отец, отчего ты мне не сказал этого? — наивно прошептала она.

— Миллион! — снова заговорил он. — Это был билет, выигравший в лотерее прессы.

Огромность катастрофы раздавила их, они погрузились в долгое молчание, не в силах нарушить его.

Наконец Сюзанна проговорила:

— Но, отец, тебе все-таки должны выплатить деньги.

— Почему? Какие у нас доказательства?

— А нужны доказательства?

— Черт побери!

— И у тебя их нет?

— Да есть одно…

— Так в чем дело?

— Оно было в той же коробочке.

— В коробочке, которая исчезла?

— Да. И теперь кто-то другой получит деньги.

— Но это же отвратительно! И ты никак не можешь помешать этому?

— Откуда я знаю? Откуда я знаю? Этот человек,

должно быть, очень силен! У него такие возможности!.. Вспомни-ка историю с секретером…

И вдруг он энергично встал, пристукнув каблуком:

— Так вот нет, нет, не получит он этого миллиона, не получит он его! Как это он его получит? В конце концов, насколько бы он ловок ни был, он ничего не сможет сделать. Стоит ему предъявить билет, как его тут же схватят! Ну-ну, мил человек, мы еще посмотрим, чья возьмет!

— У тебя есть идея, отец?

— Мы будем защищать свои права до конца, что бы ни произошло! И мы победим!.. Миллион мой: я его получу!

Несколькими минутами позже он отправлял в банк такую телеграмму:

УПРАВЛЯЮЩЕМУ ЗЕМЕЛЬНЫМИ КРЕДИТАМИ, БУЛЬВАР КАПУЦИНОК, ПАРИЖ. Я — ОБЛАДАТЕЛЬ БИЛЕТА НОМЕР 514, СЕРИЯ 23. НА ЗАКОННЫХ ОСНОВАНИЯХ ВОЗРАЖАЮ ПРОТИВ ВЫДАЧИ ДЕНЕГ ЛЮБОМУ ПОСТОРОННЕМУ ЛИЦУ… ЖЕРБУА.

Почти одновременно с этой телеграммой в Земельные кредиты поступила другая:

БИЛЕТ НОМЕР 514, СЕРИЯ 23, У МЕНЯ. АРСЕН ЛЮПЕН.

Всякий раз, когда я принимаюсь рассказывать об одном из бесчисленных приключений, из коих

состоит жизнь Арсена Люпена, я испытываю настоящее смущение, настолько мне кажется, что самая простая из этих историй известна всем, кто будет меня читать. То есть нет ни одного поступка нашего «национального вора», как его очень мило именуют, о котором бы самым звонким образом не растрезвонили бы, нет ни одного подвига, который бы не был изучен со всех возможных сторон, ни одного действия, которое не было бы откомментировано с тем обилием подробностей, каким свойственно окружать героические поступки.

Кому, к примеру, не известна эта странная история Белокурой дамы? Забавные рассказы о ней репортеры публиковали, выделяя заголовки крупным шрифтом: *«НОМЕР 514, СЕРИЯ 23…»*, *«ПРЕСТУПЛЕНИЕ НА ПРОСПЕКТЕ АНРИ МАРТЕН!..»*, *«ГОЛУБОЙ БРИЛЛИАНТ…»*. Какой шум вызвал приезд знаменитого английского детектива Херлока Шолмса! Какое возбуждение в массах производила каждая перипетия борьбы этих великих художников! А какой содом был на бульварах в тот день, когда газетчики вопили: «Арест Арсена Люпена!»

Меня извиняет то, что я сообщаю новые сведения: я сообщаю разгадку. Приключения эти оку-

таны туманом — я его рассеиваю. Воспроизвожу читаные и перечитанные заметки, переписываю старые интервью, но все это я привожу в соответствие, классифицирую и докапываюсь до истины. Мой помощник — Арсен Люпен, чья любезность по отношению ко мне неисчерпаема. При случае мне помогает и неподражаемый Вильсон, друг и конфидент Шолмса.

Все помнят, сколько смеху было, когда опубликовали обе телеграммы. Одно имя Арсена Люпена было залогом всего непредвиденного, обещало галерке массу развлечений. А галеркой был весь мир.

Изыскания, тут же проведенные Земельными кредитами, выявили, что билет номер 514, серия 23, был вручен через посредничество версальского отделения Лионского кредита майору артиллерии Бесси. Но майор погиб, упав с лошади. От друзей его узнали, что незадолго до кончины он передал билет одному из своих друзей.

— Этот его друг — я, — подтвердил господин Жербуа.

— Докажите, — потребовал управляющий Земельными кредитами.

— Доказать это? С легкостью. Человек двадцать подтвердят вам, что я давно дружил с майором и

что мы встречались с ним в кафе на Оружейной площади. И вот там однажды, когда у него были денежные затруднения, я за двадцать франков и купил у него билет.

— У вас есть свидетели?

— Нет.

— В таком случае на чем основывается ваше требование?

— На расписке, которую он дал мне.

— Покажите ее.

— Но она была в украденном секретере!

— Найдите ее.

О расписке объявил Арсен Люпен. Заметочка, опубликованная в газете «Эко де Франс», которая имеет честь быть официальным органом Арсена Люпена (он, похоже, один из главных акционеров газеты), гласила, что он передал в руки мэтра Дэтинана, своего адвоката-консультанта, письмо майора Бесси, которое тот написал лично ему.

Последовал взрыв веселья: Арсен Люпен нанял адвоката, Арсен Люпен считается с общепринятыми правилами. Он доверился члену коллегии адвокатов!

Вся пресса ринулась к мэтру Дэтинану, влиятельному депутату-радикалу, человеку в высшей степени порядочному, известному к тому же ост-

рым, довольно скептическим умом и склонному к парадоксам.

Мэтр Дэтинан никогда не имел удовольствия встречаться с Арсеном Люпеном — о чем он живо сожалел, — но он действительно получил от него инструкции и был очень тронут и горд тем, что выбор Люпена остановился именно на нем. Он открыл только что заведенное досье и предъявил журналистам письмо майора. Оно подтверждало передачу билета, но в нем не упоминалось имя получателя. «Дорогой друг…» — значилось там, вот и все.

«„Дорогой друг“ — это я, — добавил Арсен Люпен в записочке, приложенной к письму майора, — и лучшее тому доказательство, что письмо это в моих руках».

Туча репортеров тут же налетела на господина Жербуа, а он лишь повторял:

— «Дорогой друг» — это я, и никто иной. Арсен Люпен украл письмо вместе с лотерейным билетом.

— Пусть он это докажет! — парировал Арсен Люпен.

— Но ведь это он украл секретер! — восклицал господин Жербуа в присутствии тех же журналистов.

— Пусть он это докажет! — опять парировал Арсен Люпен.

Что за прелестный и затейливый спектакль это был: публичная дуэль между двумя обладателями номера 514, серия 23, — беготня репортеров, хладнокровие Арсена Люпена и рядом — безумное отчаяние бедного господина Жербуа.

Несчастный, газеты были полны его жалобами. Он трогательно и простодушно делился своим невезением.

— Поймите, господа, ведь этот мерзавец крадет приданое у Сюзанны! Если бы речь шла обо мне, я бы наплевал, но ради Сюзанны... Только подумайте, миллион! Десять раз по сто тысяч франков! О! Я прекрасно знал, что секретер таил в себе сокровище!

Напрасно возражали ему, что его противник, унося секретер, никак не мог знать, что там был лотерейный билет, тем более предвидеть, что на этот билет выпадет такой огромный выигрыш; Жербуа только стенал:

— Да бросьте вы, знал он это!.. А иначе зачем бы ему понадобился этот жалкий секретер?

— По причинам нам неизвестным, но уж наверняка не для того, чтобы завладеть клочком бумаги, которому цена тогда была весьма скром-

ная — двадцать франков.

— Цена — миллион! Он это знал!.. Он все знает!.. О, вы не представляете себе этого бандита! Он же не вас лишил миллиона, не вас!

Диалог мог бы длиться очень долго. Но на двадцатый день господин Жербуа получил от Арсена Люпена послание с надписью: «Конфиденциально». С нарастающим волнением он принялся читать:

Господин Жербуа, галерка веселится за наш с Вами счет. Не полагаете ли Вы, что настал момент быть серьезными? Я полон решимости.

Ситуация ясна: у меня есть билет, но нет права им воспользоваться, а у Вас есть право воспользоваться билетом, которого у Вас нет. Так что мы друг без друга не можем сделать ничего.

Однако Вы не согласитесь уступить мне ВАШЕ право, а я не отдам Вам МОЙ билет.

Что делать?

Я вижу только одно решение этой проблемы, давайте поделимся. Полмиллиона Вам, полмиллиона мне. Разве это

не правильно? И это соломоново решение вполне утолит ту жажду справедливости, которую испытывает каждый из нас.

Решение разумное, но оно должно быть осуществлено немедленно. Это не то предложение, которое можно обсуждать в свое удовольствие, это – необходимость, и обстоятельства повелевают Вам подчиниться. Я даю Вам три дня на раздумья. Надеюсь и верю, что в пятницу утром среди маленьких объявлений в «Эко де Франс» я прочту обращение, адресованное г-ну Арс. Люп., где в завуалированной форме будет выражено Ваше безоговорочное и полное согласие на пакт, который я Вам предлагаю. В этом случае Вы немедленно получаете билет, а затем и миллион, в полной готовности отдать мне пятьсот тысяч франков тем способом, какой я Вам укажу позже.

В случае отказа я принял меры, чтобы все равно все вышло по-моему. Но Вам, кроме очень серьезных неприятностей, в случае Вашего упрямства придется выложить мне еще двадцать пять тысяч

франков на дополнительные расходы.
С совершеннейшим к Вам почтением,

Арсен Люпен.

Крайне раздраженный, господин Жербуа совершил колоссальную ошибку, показав письмо и позволив снять с него копию. Негодуя, он делал одну глупость за другой.

— Ничего он не получит! Ничего! — кричал Жербуа собравшимся репортерам. — Делить то, что принадлежит мне одному? Ни за что в жизни! Пусть порвет свой билет, если ему угодно!

— Но ведь пятьсот тысяч франков лучше, чем ничего.

— Не в этом суть, право на моей стороне, и я буду отстаивать его в суде!

— Вы возбудите дело против Арсена Люпена? Это же смешно.

— Нет, против Земельных кредитов. Они обязаны выдать мне мой миллион.

— Но вы ведь должны предъявить билет или, по крайней мере, доказательство, что вы приобрели его.

— Это доказательство существует, раз Арсен Люпен признал, что секретер украл он.

— Неужто суд удовлетворится словом Арсена

Люпена?

— Не важно. Я буду добиваться своего.

Галерка неистовствовала. Заключались пари, одни ставили на Люпена, другие считали, что он будет наказан за свои угрозы. Все испытывали опасения, настолько неравны были силы противников. Один был изощрен в своих нападках, другой — растерян, как затравленное животное.

В пятницу все набросились на «Эко де Франс», жадно вчитываясь в маленькие объявления на пятой странице. Ни одна строчка для господина Арсена Люпена не предназначалась. На предписания Арсена Люпена господин Жербуа ответил молчанием. Война была объявлена.

Вечером из газет стало известно о похищении мадемуазель Жербуа.

Во всех, если так можно выразиться, спектаклях, которые устраивал Арсен Люпен, самое смешное — это комическая роль полиции. Все происходит помимо нее. Он говорит, он пишет, предупреждает, приказывает, угрожает, приводит свои угрозы в исполнение, и будто бы нет в природе ни шефа Сюрте, ни полицейских, ни комиссаров, словом, никого, способного разрушить его замыслы. Всех их словно нет и не было никогда. И все их усилия курам на смех.

А меж тем полиция из кожи вон лезет! Как только речь заходит об Арсене Люпене, вспыхивают, кипятятся, приходят в ярость все-все — от полицейского до шефа. Это враг, и враг, который плюет на вас, провоцирует, презирает вас или, хуже того, знать вас не желает.

Ну, что можно сделать с таким врагом? По свидетельству горничной, Сюзанна вышла из дома без двадцати минут десять. В пять минут одиннадцатого, выходя из лицея, отец не увидел ее на тротуаре, где она обычно ждала его. Стало быть, все произошло за время двадцатиминутной прогулки Сюзанны от дома до лицея.

Двое соседей утверждали, что она встретилась им в трехстах шагах от дома. Одна дама видела, как юная девушка, по описанию похожая на Сюзанну, шла по улице. А потом? Что было потом, не знал никто.

Искали повсюду, допрашивали служащих вокзалов, расспрашивали людей на выездах за городскую черту. Никто в тот день не заметил ничего, что могло бы иметь какое-то отношение к похищению девушки. Однако бакалейщик из Виль-д'Авре заявил, что он заправил маслом автомобиль с закрытым верхом, ехавший из Парижа. За рулем сидел шофер, а в машине была бело-

курая дама — поразительно белокурая, уточнил свидетель. Часом позже автомобиль возвращался из Версаля. Был затор, машине пришлось замедлить ход, и потому бакалейщик смог разглядеть рядом с уже примеченной им белокурой дамой другую, всю закутанную в шали и вуали. Никаких сомнений в том, что это была Сюзанна Жербуа, не оставалось.

Но тогда надо было предположить, что похищение состоялось среди бела дня, на дороге, где полно людей, да еще в самом центре города!

Каким образом? В каком месте? Ни крика не было слышно, ни чьих-нибудь подозрительных действий не замечено.

Бакалейщик сообщил приметы автомобиля: лимузин в 24 лошадиные силы, фирмы «Пежо», кузов темно-синий. На всякий случай навели справки у директрисы «Гранд гаража», мадам Боб-Вальтур, ставшей прямо-таки специалисткой по автомобильным похищениям. Выяснилось, что в пятницу утром она действительно сдала на один день лимузин марки «Пежо» белокурой даме, которой с тех пор так и не видела.

— А шофера?

— Это был некто по имени Эрнест, он только накануне устроился к нам на работу и был

принят, поскольку пришел с блестящими рекомендациями.

— Он сейчас здесь?

— Нет, он возвратил автомобиль и с тех пор больше не появлялся.

— Можем ли мы отыскать его следы?

— Разумеется, следует обратиться к тем людям, которые его рекомендовали. Вот их имена.

Обратились к этим людям. Ни один из них назвавшегося Эрнестом не знал.

И вот так было все время: по какому бы следу ни двинулись, вместо того чтобы выбраться из потемок, опять в них оказывались, сталкиваясь со все новыми загадками.

У господина Жербуа не было никаких сил выдержать баталию, начавшуюся для него так чудовищно. Неутешный с тех самых пор, как исчезла дочь, мучимый угрызениями совести, он сдался.

В маленьком объявлении, бурно всеми обсуждавшемся, сообщалось о безоговорочной и полной капитуляции безо всякого подвоха.

Это была победа, война была закончена в четверо суток — четырежды двадцать четыре часа.

Двумя днями позже господин Жербуа шел через двор Земельных кредитов. Его провели к управ-

ляющему, и он протянул ему билет номер 514, серия 23. Управляющий вздрогнул:

— О! Так он, значит, у вас? Вам его вернули?

— Он потерялся, а теперь нашелся.

— Но ведь вы говорили… и даже собирались…

— Все это вранье и сплетни.

— Но в подтверждение нам нужен еще какой-нибудь документ.

— Расписки майора вам будет довольно?

— Разумеется.

— Вот она.

— Прекрасно. Оставьте билет и расписку. На все проверки нам даются две недели. Как только будет возможно вручить вам деньги, я приглашу вас. Я полагаю, сударь, что отныне в ваших же интересах ничего никому не говорить и завершить это дело в полнейшей тишине.

— Именно таковы мои намерения.

Господин Жербуа молчал, управляющий тоже. Но такие секреты, бывает, раскрываются, даже если никто и не пробалтывается: вдруг всем стало известно, что Арсен Люпен имел смелость послать господину Жербуа билет номер 514, серия 23! Новость была воспринята с изумлением, равным восхищению. Нет, решительно, это был великолепный игрок, выбросивший на стол та-

кой важный козырь — драгоценный билет! И уж, конечно, решился он на это не без достаточных оснований, взамен карты, устанавливающей равновесие. Ну а вдруг девушка сбежит? Вдруг удастся отнять у него заложницу?

Полиция почувствовала слабое место у противника и удвоила свои усилия. Безоружный Арсен Люпен, сам лишивший себя защиты, запутавшийся в хитросплетениях собственных махинаций, не получающий ни одного подлого су из желанного миллиона… все насмешники разом окажутся в дураках.

Но для этого надо было найти Сюзанну. А она не находилась и, хуже того, не сбегала!

Ну и пусть, в одном он победил. Первый тур Арсен выиграл. Но ведь самое трудное впереди! У него мадемуазель Жербуа, мы это понимаем, и отдаст он ее только в обмен на пятьсот тысяч франков. Но где и как будет произведен обмен? Чтобы он состоялся, должно быть назначено свидание, а кто помешает господину Жербуа предупредить полицию и, таким образом, получить дочь, сохранив все деньги?

Обратились с вопросами к учителю. Страшно подавленный, он, не желая нарушать молчания, был непроницаем.

— Мне нечего сказать, я жду.
— А мадемуазель Жербуа?
— Поиски продолжаются.
— Но ведь Арсен Люпен написал вам письмо?
— Нет.
— Вы подтверждаете это?
— Нет.
— Значит, да. Какие он вам дал инструкции?
— Мне нечего сказать.

Стали допытываться, не скажет ли что-нибудь мэтр Дэтинан. То же молчание.

— Арсен Люпен — мой клиент, — отвечал он, подчеркивая весомость каждого сказанного им слова, — и вы должны понять, что я склонен по меньшей мере проявить сдержанность.

Публику раздражали все эти тайны. Разумеется, все планы вызревают не на виду. Арсен Люпен стягивает и растягивает свои сети, а полиция тем временем организует неусыпную слежку за господином Жербуа, не оставляя его без внимания ни днем ни ночью. Рассматривалось три возможных варианта развязки: арест, триумф и жалкая и смешная неудача.

Случилось так, что любопытство публики удовлетворено было лишь частично, и вот сейчас, на этих страницах, впервые будет открыта вся

правда.

Во вторник, 12 марта, господин Жербуа получил обычное по виду письмо, в котором содержалось приглашение прийти в Земельные кредиты.

В четверг, в час дня, он сел на поезд, уходивший в Париж. А в два часа ему уже вручили тысячу купюр по тысяче франков.

Пока господин Жербуа дрожащими руками пересчитывал купюру за купюрой, ведь эти деньги — выкуп за Сюзанну, — двое сидели в машине, стоявшей в некотором отдалении от парадного входа. У одного из них седеющие волосы и выразительное лицо контрастировали с одеждой и повадками скромного клерка. Это был старший инспектор Ганимар, старина Ганимар, извечный враг Люпена. Ганимар говорил инспектору Фолянфану:

— Недолго нам осталось ждать… не пройдет и пяти минут, как мы увидим нашего дорогого… Все готово?

— Абсолютно все.

— Сколько нас?

— Восемь человек, двое на велосипедах.

— И я, которого можно считать за троих. Этого достаточно, но не слишком. Никоим образом нельзя упустить Жербуа… если упустим… пиши

пропало: он встретится с Люпеном, они, конечно же, должны были где-то назначить свидание, обменяет мадемуазель на полмиллиона, и игра будет сыграна.

— Но почему же этот человечек не действует заодно с нами? Все было бы так просто. Приняв нас в свою игру, он сохранил бы весь свой миллион.

— Да, но он боится. Если он попробует посадить того в тюрьму, он не получит дочери.

— Кого того?

— *Его.*

Ганимар произнес это слово слегка боязливо и таким серьезным тоном, будто говорил о существе сверхъестественном, чьи коготки уже почти коснулись его.

— Это довольно забавно, — разумно заметил Фолянфан, — мы должны защищать этого человека против его воли.

— С Люпеном мир перевернулся, — вздохнул Ганимар.

Прошла минута.

— Внимание, — сказал он.

Выходил господин Жербуа. В конце бульвара Капуцинок он свернул на бульвары, пошел по левой стороне. Он медленно удалялся, шел мимо магазинов, рассматривая витрины.

— Слишком спокоен наш клиент, — сказал Ганимар. — Человек, в кармане которого лежит миллион, не может быть таким спокойным.

— Что он может сделать?

— О, ничего, по всей вероятности… Не важно, я все равно начеку. Люпен — это Люпен.

В ту же минуту господин Жербуа подошел к киоску, купил газету, взяв сдачу, перевернул страницу и на ходу, держа в вытянутых руках газету, принялся ее читать. Вдруг одним прыжком он подскочил к машине, стоявшей у тротуара, и сел в нее. Мотор был заведен, потому что автомобиль рванул в одну секунду, объехал площадь Мадлен и скрылся из виду.

— Черт побери! — вскричал Ганимар. — Еще один трюк в *его* духе!

Он устремился вперед, за ним бросились остальные, все они бегали по площади Мадлен.

И вдруг Ганимар рассмеялся. В начале бульвара Мальзерба стоял тот самый автомобиль, что-то в нем испортилось, и господин Жербуа выходил из него.

— Быстро, Фолянфан… шофер… может, это тот самый Эрнест.

Фолянфан занялся шофером. Его звали Гастон, он был служащим Общества автомобилей и

фиакров; его наняли десять минут назад, некий господин остановил его и попросил ждать с включенным мотором, пока не появится другой господин.

— А второй клиент, — спросил Фолянфан, — какой адрес он вам дал?

— Никакого адреса… «Бульвар Мальзерба… улица Мессины… чаевые в двойном размере…» Вот и все.

А тем временем, не теряя ни минуты, господин Жербуа сел в первую подъехавшую машину.

— Шофер, станция метро «Пляс-де-ля-Конкорд».

Учитель вышел из метро на площади Пале-Руаяль, подбежал к еще одному автомобилю и доехал до биржи. Второе путешествие на метро, затем улица Вилье и третий автомобиль.

— Шофер, улица Клаперон, двадцать пять.

Дом 25 по улице Клаперон отделяет от бульвара Батиньоль угловой дом. Господин Жербуа поднялся на второй этаж и позвонил. Ему открыл мужчина.

— Это ведь здесь живет мэтр Дэтинан?

— Он самый и есть. Господин Жербуа, без всякого сомнения?

— Именно.

— Я вас ждал. Извольте войти.

Когда господин Жербуа вошел в кабинет адвоката, на стенных часах было три часа, и он тут же сказал:

— Именно это время он мне и назначил. Его нет?

— Пока нет.

Господин Жербуа сел, отер рукой лоб, посмотрел на свои часы, словно не знал, сколько времени, и снова нетерпеливо заговорил:

— А он придет?

— Вы спрашиваете меня о том, господин Жербуа, — ответил ему адвокат, — что мне более всего на свете любопытно знать самому. Никогда в жизни я не испытывал подобного нетерпения. Во всяком случае, если он придет, он здорово рискует, вот уже две недели, как за домом ведется постоянное наблюдение… Мне не доверяют.

— А мне еще меньше. И я не могу ручаться, что полицейские, приставленные ко мне, потеряли мой след.

— Но в таком случае…

— Это случилось бы никак не по моей вине, — живо воскликнул учитель, — меня упрекнуть не в чем. Что я обещал? Во всем следовать его распоряжениям. Ну так я слепо выполнял его

распоряжения: я получил деньги в час, им назначенный, и добирался до вас тем способом, который он мне предписал. Я в ответе за несчастье, случившееся с дочерью, и я честно сдержал свои обещания. Теперь очередь за ним.

И добавил так же нетерпеливо:

— Он ведь придет с моей дочерью, правда?

— Надеюсь.

— И все-таки… Скажите, вы его видели?

— Я? Да нет же! Просто он прислал мне письмо, в котором просил принять вас обоих, отослать слуг, не дожидаясь трех часов, и не пускать никого в свою квартиру от вашего прихода до его ухода. Если бы я не согласился на это предложение, он просил предупредить его двумя строчками в «Эко де Франс». Но я счастлив оказать услугу Арсену Люпену и на все согласен.

— Увы! И чем все это только кончится? — простонал господин Жербуа.

Он вынул деньги из кармана, разложил их на столе и поделил на две равные пачки. Они замолчали. Время от времени господин Жербуа прислушивался… Разве не звонили?

С каждой минутой тревога его росла, да и мэтр Дэтинан испытывал ощущения почти болезненные.

В какой-то момент адвокат потерял все свое хладнокровие. Он резко встал:

— Мы его не увидим… А как бы вы хотели?.. Это с его стороны было бы глупостью! Пусть он даже доверяет нам, мы — честные люди, неспособные на предательство. Но опасность подстерегает его не только здесь.

И тогда господин Жербуа, теряя последние силы и положа руки на купюры, прошептал:

— Бог мой, только бы он пришел, только бы он пришел! Я бы все это отдал, чтобы вернуть Сюзанну.

Дверь открылась.

— Хватит и половины, господин Жербуа.

На пороге стоял человек, молодой, элегантно одетый, в котором Жербуа сразу же узнал того, кто приставал к нему в лавке старьевщика в Версале. Он кинулся к нему.

— А Сюзанна? Где моя дочь?

Арсен Люпен тщательно закрыл за собой дверь и, спокойно снимая перчатки, сказал, обращаясь к адвокату:

— Дорогой мэтр, моя благодарность за ваше любезное согласие взять на себя защиту моих прав безгранична. Я этого никогда не забуду.

Мэтр Дэтинан пробормотал:

— Но вы же не звонили. Я не слышал, чтобы дверь…

— Звонки и двери должны работать так, чтобы их никогда не было слышно. Но ведь я здесь, и это — самое главное.

— А моя дочь! Сюзанна! Что вы с ней сделали? — повторил учитель.

— Господи боже, — сказал Люпен, — господин Жербуа, ну что вы так спешите! Успокойтесь, еще минута, и дочь ваша будет в ваших объятиях.

Он прошелся по комнате и затем, тоном властелина, раздающего награды, произнес:

— Поздравляю вас, господин Жербуа, вы весьма ловко проделали все сегодня. Если бы не эта нелепая поломка автомобиля, мы бы просто встретились на площади Этуаль и избавили бы мэтра Дэтинана от неудобств, связанных с нашим визитом… Ну да ладно! Видно, так надо было.

Он заметил две пачки банкнот на столе и воскликнул:

— О, это отлично! Миллион здесь… Не будем терять времени. Вы позволите?

— Но, — возразил мэтр Дэтинан, закрывая собой стол, — ведь мадемуазель Жербуа еще не появилась.

— Ну так и что же?

— Ну так разве присутствие ее не обязательно?

— Понимаю! Понимаю! Арсен Люпен внушает лишь относительное доверие. Он может присвоить полмиллиона и не отдать выкупа. Ах, дорогой мой мэтр, я — великий незнакомец! Раз судьба уготовила мне поступки довольно… необычного свойства, моя честь под подозрением… моя честь! Честь такого щепетильного и деликатного человека. Впрочем, дорогой мэтр, если вы чего-то опасаетесь, откройте окно и только крикните. Там, на улице, не меньше дюжины полицейских.

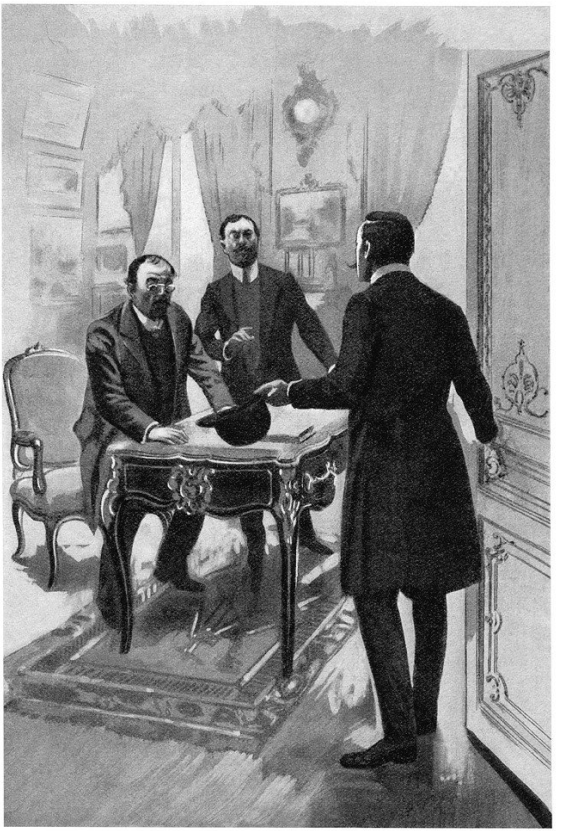
— Вы так полагаете?

Арсен Люпен приподнял штору:

— Я полагаю, что господин Жербуа не способен сбить со следа Ганимара… Так что я вам говорил? Вот он, наш славный друг!

— Возможно ли это! — воскликнул учитель. — Я вас тем не менее уверяю…

— Что вы меня ни в чем не предали?.. Я и не сомневаюсь, но ребята довольно ловкие. Смотрите-ка, вон я вижу Фолянфана!.. И Греома!.. И Дьези!.. Все мои лучшие друзья, вот так-то!



Мэтр Дэтинан изумленно смотрел на него. Какое спокойствие! Люпен смеялся счастливым смехом, словно получал удовольствие от какой-то детской игры, будто угрозы для него никакой и не существовало.

Еще больше, чем вид полицейских, адвоката успокоила эта беззаботность. Он отошел от стола, где лежали банкноты.

Арсен Люпен взял в руки одну пачку, затем другую, отсчитал от каждой по двадцать пять банкнот и протянул мэтру Дэтинану образовавшиеся таким образом пятьдесят тысяч:

— Часть гонорара от господина Жербуа, дорогой мэтр, и часть от Арсена Люпена. Мы вполне обязаны вам этим.

— Вы мне ничего не должны, — ответствовал мэтр Дэтинан.

— Как? А сколько неприятностей мы вам причинили!

— А сколько удовольствия я получаю от этих неприятностей!

— Иными словами, дорогой мэтр, от Арсена Люпена вы ничего не примете. Вот что значит, — вздохнул он, — иметь дурную репутацию.

Он протянул пятьдесят тысяч учителю.

— Господин Жербуа, в честь нашей доброй

встречи позвольте преподнести вам *это:* мой свадебный подарок мадемуазель Жербуа.

Господин Жербуа быстро взял деньги, но возразил:

— Моя дочь замуж не выходит.

— Она не выходит замуж, если вы отказываетесь дать ей свое согласие на брак. Но она сгорает от желания выйти замуж.

— Да что вы об этом знаете?

— Я знаю, что юные девушки часто мечтают, не спрашивая разрешения у своих папочек. К счастью, есть на свете добрые гении, которых зовут Арсенами Люпенами и которые в глубине секретеров обнаруживают сердечные тайны этих очаровательных особ.

— А больше вы там ничего не обнаружили? — поинтересовался мэтр Дэтинан. — Признаюсь, мне было бы очень любопытно знать, почему этот секретер так заинтересовал вас.

— Вещь эта имеет историческую ценность, дорогой мэтр. И хотя, вопреки тому, что считал господин Жербуа, в нем не было никаких сокровищ, кроме лотерейного билета — а об этом я не знал, — я очень хотел его иметь и давно искал. Этот секретер из тиса и красного дерева с резными капителями в форме акантовых листьев

был найден в скромном маленьком домишке в Булони, где жила Мария Валевская[1], на одном из ящичков — надпись: «Наполеону I, Императору Франции, от его преданнейшего слуги Мансиона». И чуть пониже вырезано кончиком ножа: «Тебе, Мария». Потом Наполеон заказал копию этого секретера для императрицы Жозефины[2] — так что секретер, которым все восхищаются в Мальмезоне, всего лишь далеко не идеальная копия того, который теперь в моей коллекции.

— Увы, если бы я знал это тогда, в лавке старьевщика, с какой бы радостью я уступил бы его вам! — простонал учитель.

— И имели бы, кроме всего прочего, замечательное преимущество сохранить для себя одного билет номер пятьсот четырнадцать, серия двадцать три.

— Что не привело бы вас к похищению моей дочери, которую все это, должно быть, сильно потрясло.

— Все это… Что именно?

---

[1] Notes: 1

Валевская Мария (1786–1817) — польская графиня, любовница императора Наполеона I, мать его сына — графа Александра Валевского. — *Примеч. ред.*

[2] Notes: 2

Богарне Жозефина (1763–1814) — первая жена Наполеона Бонапарта, в 1804–1809 гг. императрица Франции. — *Примеч. ред.*

— Это похищение…

— Но, дорогой господин Жербуа, вы ошибаетесь. Мадемуазель Жербуа не была похищена.

— Моя дочь не была похищена?!

— Никоим образом. Когда говорят о похищении, подразумевается насилие. А она совершенно добровольно согласилась стать заложницей.

— Совершенно добровольно!.. — смущенно повторил господин Жербуа.

— И почти сама просила об этом! Еще бы! Какая юная особа, сообразительная к тому же, как мадемуазель Жербуа, и, больше того, в тайниках своего сердца вынашивающая тайную страсть, отказалась бы от возможности заработать себе приданое! Уверяю вас, очень несложно было дать ей понять, что другого способа победить ваше упрямство просто не существует.

Мэтр Дэтинан был в восторге от всего услышанного. Но возразил:

— Самое трудное, однако, было с ней договориться. Невозможно поверить, что она позволила вам даже подойти к ней с этим.

— О, мне — нет. Я даже не имею чести знать ее. Одна из моих приятельниц с удовольствием согласилась вести переговоры.

— Белокурая дама, которая была в автомобиле,

без сомнения, — перебил его мэтр Дэтинан.

— Совершенно верно. В первом же разговоре возле лицея все решилось. С тех пор мадемуазель Жербуа и ее новая приятельница путешествовали: они побывали в Бельгии и Голландии, причем путешествие было очень приятным и весьма познавательным для юной девушки. Впрочем, она сама вам все объяснит…

В холле у входных дверей раздались звонки, три коротких, потом, после паузы, еще один и еще один.

— Это они, — сказал Люпен. — Дорогой мэтр, пожалуйста…

Адвокат поспешил к дверям.

Появились две молодые женщины. Одна из них бросилась в объятия господина Жербуа. Другая подошла к Люпену. Она была довольно высокого роста, с хорошей фигурой, и ее светлые волосы, яркие, светящиеся белокурые волосы, распадались на прямой пробор свободными волнистыми локонами. Одетая во все черное, с единственным украшением на шее — колье в пять ниток из гагата, — она производила впечатление изысканной элегантности.

Арсен Люпен сказал ей несколько слов; затем, приветственно поклонившись мадемуазель Жер-

буа, обратился к той:

— Прошу прощения, мадемуазель, за все мучения, но надеюсь, что вы не были слишком несчастны…

— Несчастна! Я была бы даже счастлива, если бы не бедный мой отец!

— Тогда все к лучшему. Поцелуйте его еще раз и воспользуйтесь случаем — он великолепно подходит для этого, — чтобы поговорить с ним о вашем кузене.

— О моем кузене… что это значит?.. Я не понимаю…

— Ну да, вы все прекрасно понимаете… Ваш кузен Филипп… тот молодой человек, чьи письма вы так бережно храните…

Сюзанна покраснела, смутилась и в конце концов, поступила так, как ей советовал Люпен, снова бросившись к отцу на шею.

Люпен смотрел на них обоих с нежностью.

«Какая награда за добрые дела! Трогательная картина! Счастлив отец! Счастлива дочь! И ты можешь сказать себе: это счастье — твоя работа, Люпен! Эти люди потом будут благословлять тебя… Твое имя благочестиво будут повторять внукам… О! Семья!.. Семья!..»

Он подошел к окну:

— Голубчик Ганимар все еще здесь?.. Как бы ему хотелось присутствовать при этой трогательной и очаровательной сцене!.. Но нет, его уже нет… Никого уже нет… ни его, ни всех остальных… Черт! Ситуация становится серьезной… Ничего удивительного, если они уже у черного хода… у консьержа, может быть, или даже на лестнице!

Господин Жербуа невольно рванулся с места. Теперь, когда дочь была ему возвращена, к нему вернулось чувство реальности. Арест противника означал для него получение полумиллиона. Инстинктивно он сделал шаг… Будто невзначай Люпен оказался на его пути.

— Куда вы, господин Жербуа? Защитить меня от них? Боже, как мило с вашей стороны! Но не беспокойтесь. К тому же они куда больше волнуются, чем я.

И, размышляя, он продолжал:

— Собственно говоря, что им известно? Что вы здесь, а может, и мадемуазель Жербуа тоже, они должны были видеть, как она появилась с неизвестной им дамой. Но я? Они уверены, что меня нет. Как бы я мог появиться в доме, который они утром тщательно обыскали от чердака до подвала? Нет, по всей вероятности, они ждут меня, чтобы перехватить на пути сюда… Бедняжки!..

Если только они не догадались, что неизвестная им дама послана мной, и подозревают, что ей поручено произвести обмен… В этом случае они готовятся арестовать ее, когда она будет уходить…

Раздался звонок в дверь.

Резким жестом Люпен остановил господина Жербуа и сухо, повелительно сказал ему:

— Стойте, Жербуа, подумайте о своей дочери и будьте благоразумны, если же нет… Что до вас, мэтр Дэтинан, то я рассчитываю на ваше слово.

Господина Жербуа словно пригвоздили к месту. Адвокат даже не пошевелился.

Без малейшей спешки Люпен взял шляпу. Она немного запылилась, и он краем рукава почистил ее.

— Дорогой мэтр, если я когда-нибудь понадоблюсь вам… Мои наилучшие пожелания, мадемуазель Сюзанна, и дружеский привет господину Филиппу.

Он вынул из кармана тяжелые часы с двойной золотой крышкой.

— Господин Жербуа, сейчас три часа сорок две минуты; в три сорок шесть я разрешаю вам покинуть гостиную… Ни минутой раньше чем в три сорок шесть, вы согласны?

— Но они же силой войдут, — не сдержавшись, сказал мэтр Дэтинан.

— Вы забываете о законах, дорогой мой мэтр! Никогда Ганимар не осмелится ворваться в жилище французского гражданина. Мы могли бы даже сыграть чудную партию в бридж. Но простите меня, вы трое, кажется, немного взволнованы, я не хотел бы злоупотреблять вашим терпением…

Он положил свои часы на стол, открыл дверь из гостиной и обратился к Белокурой даме:

— Вы готовы, дорогая?

Он пропустил ее вперед и, в последний раз вежливо поклонившись мадемуазель Жербуа, вышел и закрыл за собой дверь.

Из вестибюля послышался его громкий голос:

— Добрый день, Ганимар, как поживаете? Напомните обо мне мадам Ганимар… На днях я приглашу ее позавтракать со мной… До свидания, Ганимар.

Опять раздался звонок, резкий, сильный, потом снова, один за другим; послышался шум голосов за дверью.

— Три часа сорок пять, — прошептал господин Жербуа.

Через несколько секунд он решительно двинулся в вестибюль. Люпена и Белокурой дамы

там не было.

— Отец!.. Не надо!.. Подожди!.. — закричала Сюзанна.

— Ждать? Ты с ума сошла! Джентльменский договор с этим негодяем… А полмиллиона?

Он отпер дверь.

Ганимар тут же влетел в вестибюль.

— Эта дама… где она? А Люпен?

— Он был здесь… Он здесь.

Ганимар издал победный клич:

— Мы его захватили… дом окружен.

Мэтр Дэтинан возразил:

— Но ведь есть же еще черный ход?

— Черный ход ведет во двор, и есть только один выход — через парадную дверь: ее охраняют десять человек.

— Но он не входил через парадную дверь… и не станет так выходить…

— А как он выйдет? — парировал Ганимар. — По воздуху?

Он отодвинул штору. Длинный коридор вел в кухню. Ганимар побежал туда и удостоверился, что дверь черного хода заперта на два оборота ключа.

Высунувшись из окна, он позвал одного из полицейских:

— Ну что, никого?

— Никого.

— Стало быть, они в квартире!.. Они спрятались в одной из комнат!.. Физически невозможно, чтобы они улизнули… О, малыш Люпен, ты посмеялся надо мной, но на этот раз — мой реванш.

В семь часов вечера господин Дюдуи, шеф Сюрте, удивленный тем, что до сих пор у него нет никаких новостей, сам явился на улицу Клаперон. Порасспросив полицейских, охранявших здание, он поднялся к мэтру Дэтинану, который провел его к себе в спальню. Там он увидел человека, точнее, две его ноги, шевелящиеся на ковре, тогда как торс того, кому они принадлежали, засел глубоко в камине.

— Ау!.. Ау!.. — вопил придушенный голос.

И еще более дальний голос, идущий откуда-то совсем сверху, ответил ему: «Ау! Ау!..»

Господин Дюдуи, смеясь, закричал:

— Что там такое, Ганимар, с чего это вы решили заделаться печным мастером?

Инспектор вытащил свое бренное тело из дымохода. Почерневшее лицо, одежда, перепачканная сажей, лихорадочно блестящие глаза — узнать Ганимара было невозможно.

— Я ищу его, — проворчал он.

— Кого?

— Арсена Люпена… Арсена Люпена и его приятельницу.

— Ах вот оно что! Но не воображаете же вы, что они прячутся в печных трубах?

Ганимар поднялся, положил на рукав начальника свою измазанную углем пятерню и глухо и гневно произнес:

— А где вам угодно, чтобы они были, шеф? Они же где-то здесь. Это такие же, как мы с вами, люди, из плоти и крови. Они же не улетучились вместе с дымом.

— Нет, конечно, но они все же улетучились.

— Каким образом? Как? Дом окружен! Несколько полицейских дежурят на крыше.

— А через соседний дом?

— С ним нет коммуникаций.

— А как насчет квартир на других этажах?

— Я знаю всех жильцов: они никого не видели… они даже не слышали никого.

— Вы совершенно уверены, что знаете их всех?

— Всех знаю. Консьерж за них ручается. Впрочем, я для контроля в каждой квартире оставил по полицейскому.

— Надо все-таки его взять.

— Вот и я говорю, шеф, вот и я о том же. Надо

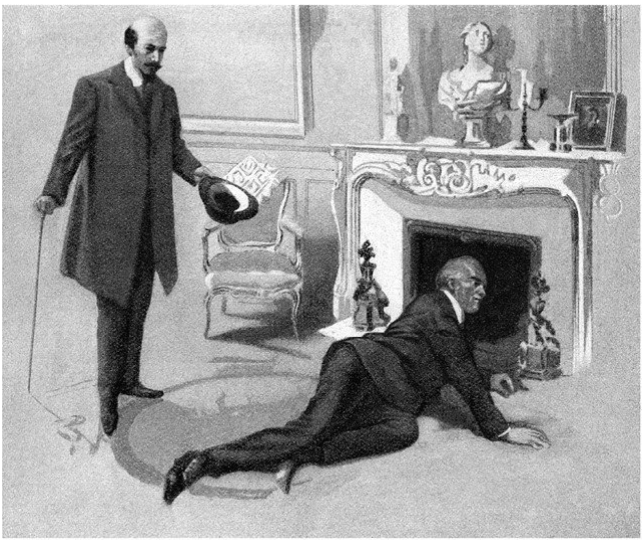
его взять, и так оно и будет, раз они здесь вдвоем, их не может здесь не быть. Будьте покойны, шеф, не сегодня вечером, так завтра они будут у меня в руках… Я здесь на ночь останусь! Останусь на ночь!..

Он и правда остался на эту ночь, и на следующую, и на третью. А когда целых три дня и три ночи истекли, он не только не обнаружил ни неуловимого Люпена, ни его не менее неуловимую спутницу, он даже не нашел ни малейшего следа, который позволил бы ему выстроить хоть какую-нибудь гипотезу.

Вот почему его мнение, составленное им в первый же час, оставалось неизменным.

«Раз нет никаких следов их бегства, значит они здесь!»

Быть может, где-то в глубине души он был менее убежден в этом. Но сознаваться не желал. Нет, тысячу раз нет, мужчина и женщина не исчезают так, как злые духи в детских сказках. И, не теряя мужества, он продолжал поиски и расспросы, словно надеялся обнаружить их, спрятавшихся в каком-то непроницаемом убежище, скрытом в каменных стенах дома.



Глава вторая
Голубой бриллиант

Вечером 27 марта в доме № 134 по проспекту Анри Мартен старый генерал, барон д'Отрек, посол в Берлине во времена Второй империи[3], унаследовавший этот особнячок от брата, умершего полгода тому назад, дремал под чтение своей молодой компаньонки в глубине удобного кресла, пока сестра Августа грела грелкой ему постель и зажигала ночник.

В одиннадцать часов монахиня, которой этим вечером нужно было вернуться к себе в монастырь и в виде исключения провести ночь подле старшей по чину монахини, напомнила об этом компаньонке:

— Мадемуазель Антуанетта, моя работа окончена, я ухожу.

— Хорошо, сестра.

— Главное, не забудьте, что у кухарки сегодня выходной и вы в доме одна, не считая слуги.

---

[3] Notes: 3

Вторая империя во Франции — период правления императора Наполеона III (2 декабря 1852 г. — 4 сентября 1870 г.). Конец Второй империи положила Сентябрьская революция 1870 г. — *Примеч. ред.*

— Не беспокойтесь о господине бароне, я буду спать в соседней комнате; как мы и договаривались, оставлю свою дверь открытой.

Монахиня ушла. Через какое-то время Шарль, слуга, явился за распоряжениями. Барон проснулся и ответил сам:

— Все то же, Шарль: проверьте, хорошо ли работает в вашей комнате электрический звонок, и будьте готовы по первому зову спуститься и бежать за доктором.

— Мой генерал все беспокоится.

— Да плоховато мне… здорово плохо. Так что же, мадемуазель, что там мы читаем?

— Господин барон не собирается ложиться спать?

— Нет, нет, я ложусь очень поздно, впрочем, мне никто не нужен.

Двадцать минут спустя старик снова задремал, и Антуанетта на цыпочках вышла из комнаты.

В это время Шарль, как обычно, тщательно закрывал все ставни на первом этаже.

В кухне он запер на засов дверь, выходящую в сад, и сверх того надел предохранительную цепь, соединяющую обе створки. Потом он пошел к себе в мансарду на четвертом этаже, улегся и заснул.

Прошел, быть может, час, когда он вдруг мигом

соскочил с кровати: звенел звонок. Он звучал долго, секунд семь или восемь, и очень настойчиво, без передышки…

«Ладно, — подумал Шарль, приходя в себя, — очередная причуда барона».

Он оделся, быстро спустился по лестнице, остановился перед дверью и по привычке постучал. Ответа не последовало. Он вошел.

— Надо же, — прошептал он, — свет не горит… Почему, черт возьми, они его погасили?

И тихо позвал:

— Мадемуазель?

Никто не ответил.

— Мадемуазель, вы здесь?.. Что происходит, в конце концов? Господину барону плохо?

И то же молчание, тяжелое молчание, которое наконец испугало его. Он сделал два шага вперед: ногой задев кресло, он понял, что оно перевернуто. И тут же рукой нащупал на полу другие предметы: одноногий столик, ширму. Встревоженный, он подошел к стене и на ощупь стал искать выключатель. Найдя, повернул его.

В середине комнаты между столом и зеркальным шкафом лежало распростертое тело его хозяина, барона д'Отрека.

— Что!.. Не может быть!.. — пробормотал

Шарль.

Не понимая, что делать дальше, не шевелясь, он, вытаращив глаза, смотрел на комнату, в которой все было перевернуто вверх дном: стулья валялись на полу, большой хрустальный канделябр разбился на тысячи осколков, часы лежали на мраморной каминной полке — все свидетельствовало о жуткой и зверской борьбе. Недалеко от трупа поблескивало лезвие кинжала. На нем была кровь. Со стола свисал носовой платок, весь в красных пятнах.

Шарль в ужасе закричал: тело в последнем невероятном усилии напряглось и скрючилось… Две или три судороги, и все было кончено.

Он наклонился. Из тонкого пореза на шее сочилась кровь, оставляя на ковре темные пятна. На лице покойного застыло выражение безумного страха.

— Его убили, — бормотал Шарль, — его убили.

И вздрогнул при мысли о том, что, возможно, совершено еще одно убийство: ведь в соседней комнате спала компаньонка, мадемуазель Антуанетта. И не убил ли и ее убийца барона?

Он открыл дверь: в комнате никого не было. Шарль сделал вывод, что Антуанетту либо похитили, либо она ушла до того, как произошло

преступление.

Он вернулся в комнату барона и, увидев секретер, сразу понял, что он не взломан.

Больше того, на столе возле связки ключей и кошелька (барон каждый вечер клал их сюда) лежала кучка луидоров. Шарль схватил кошелек и вывернул его содержимое. В одном из отделений лежали банкноты. Он пересчитал их: тринадцать купюр по сто франков.

Это было сильнее его: инстинктивно, почти механически, не отдавая себе отчета в том, что делает, он взял деньги, спрятал их в карман куртки, затем побежал вниз по лестнице, отодвинул засов, снял цепочку, закрыл дверь и бросился бегом через сад.

Шарль был честным человеком. Не успев выйти за ворота, оказавшись на свежем воздухе и почувствовав на своем лице освежающие капли дождя, он застыл на месте. Совершенный им проступок предстал перед ним в истинном свете, и он внезапно ужаснулся ему.

Мимо проезжал фиакр. Он окликнул кучера:

— Приятель, быстро езжай в полицейский участок и привези комиссара… Галопом! Скажи, здесь смерть.

Кучер погнал лошадь. Когда Шарль захотел

вернуться, это было невозможно; он сам закрыл ворота, а снаружи они не отпирались.

Звонить тоже было бесполезно — в особняке никого не было.

Тогда он пошел прогуляться по улице, по той стороне, где расположен Охотничий двор, окруженный очаровательным, аккуратно подстриженным зеленым кустарником. И только прождав целый час, он смог наконец рассказать комиссару все подробности преступления и вручить ему тринадцать купюр по сто франков.

Пока Шарль рассказывал о случившемся, сыскали слесаря, которому с большим трудом удалось открыть ворота и входную дверь. Комиссар поднялся наверх и сразу же, едва бросив взгляд в комнату, сказал слуге:

— Послушайте-ка, вы мне только что заявили, что комната была в страшном беспорядке.

Шарль обернулся. Его словно пригвоздило на пороге, он стоял как загипнотизированный: все было как всегда! Круглый столик на одной ноге красовался между двумя окнами, и стулья были на своих местах, и каминные часы стояли, как всегда, на мраморной полке. Осколки канделябра исчезли.

Шарль едва мог говорить, открытый рот его в

оцепенении едва закрывался.

— Труп… господин барон…

— Да, действительно, — воскликнул комиссар, — где же жертва?

Он двинулся к кровати. Под большой простыней, которую откинул комиссар, покоился генерал, барон д'Отрек, бывший посол Франции в Берлине. Он был покрыт широким генеральским плащом, украшенным орденом Почетного легиона.

Лицо его было спокойным. Глаза закрыты.

Слуга прошептал:

— Кто-то приходил сюда.

— Каким образом он мог войти?

— Не знаю, но кто-то приходил, пока меня не было… Постойте-ка, здесь, на полу, лежал маленький кинжал, стальной… И потом, на столе был платок, весь в крови… А теперь ничего этого нет… Все унесли… Навели порядок…

— Но кто?

— Убийца!

— Но ведь все двери были заперты, когда мы пришли.

— Значит, он оставался в доме.

— В таком случае он и сейчас, должно быть, здесь, вы же от ворот далеко не уходили.

Слуга подумал и медленно произнес:

— В самом деле… в самом деле… я не уходил… и все-таки…

— Послушайте, кого последнего вы видели подле барона?

— Мадемуазель Антуанетту, компаньонку.

— Что с ней сталось?

— Как мне показалось, постель ее даже не была разобрана, она, должно быть, воспользовалась отсутствием сестры Августы, чтобы тоже уйти. Это меня не очень-то удивляет, она хороша собой… молода…

— Но как она могла выйти?

— Через дверь.

— Вы же закрыли ее на задвижку и навесили цепь!

— Это было гораздо позже! К этому времени она, верно, уже ушла из особняка.

— А преступление свершилось уже после ее ухода?

— Естественно.

Дом обыскали сверху донизу, облазили подвалы и чердаки, но убийца сбежал. Как? И в какой момент? Он ли сам или его соучастник вернулся на место преступления и убрал все, что могло его скомпрометировать? Все эти вопросы предстояло

решить правосудию.

В семь часов прибыл медицинский эксперт, в восемь — шеф Сюрте. Потом настала очередь прокурора Республики и следователя. Еще в особняке толпились полицейские, инспекторы, журналисты, племянник барона д'Отрека и другие члены его семейства.

Повсюду шел обыск, изучали положение трупа по тому, как его описал Шарль, допросили, как только она появилась, сестру Августу. Обнаружить ничего не удалось. Больше всего сестру Августу поразило исчезновение Антуанетты Бреа. Она наняла эту девушку двенадцать дней назад, поверив ее блестящему аттестату, и отказывалась даже подумать, что она могла бросить больного, которого ей доверили, и сбежала одна среди ночи.

— И в этом случае, — поддержал ее следователь, — она бы уже вернулась сюда. Перед нами все тот же вопрос: что с ней произошло?

— По-моему, — сказал Шарль, — она была похищена убийцей.

Гипотеза эта была приемлемой и довольно логичной. Однако шеф Сюрте возразил:

— Похищена? Но, клянусь честью, это совершенно невероятно.

— Не только невероятно, — сказал кто-то, — но находится в полном противоречии с фактами, с результатами следствия, короче, с самой очевидностью.

Голос был грубый, с резким акцентом, и никто не удивился, узнав Ганимара. Впрочем, только ему одному прощалась эта кавалерийская манера так высказывать свое мнение.

— Надо же, это вы, Ганимар? — воскликнул господин Дюдуи. — А я вас и не видел.

— Я уже два часа как здесь.

— Вам, значит, сколько-нибудь интересно что-то, помимо лотерейного билета номер пятьсот четырнадцать, серия двадцать три, случая на улице Клаперон, Белокурой дамы и Арсена Люпена?

— Хо-хо! — усмехнулся старый инспектор. — Я бы не взялся утверждать, что в деле, которым мы тут занимаемся, Люпен ни при чем… Но оставим пока, до новых событий, историю с лотерейным билетом и посмотрим, в чем дело здесь.

Ганимар не принадлежит к тем талантливым и блестящим сыщикам, чей опыт изучают и чьи имена остаются в анналах правосудия. Ему не хватает гениальных озарений, которые вдохновляют Дюпенов, Лекоков и Херлоков Шолмсов. Но у него есть отличные рабочие качества: он

наблюдателен, прозорлив, упорен и даже обладает интуицией. Его достоинство в том, что он умеет работать совершенно независимо. Ничто, разве только воздействие гипноза Арсена Люпена, не способно смутить его или оказать на него влияние.

Какой бы она ни была, его роль в это утро принесла ему известность, и его участие в расследовании высоко оценил бы любой судья.

— Прежде всего, — начал он, — я попросил бы господина Шарля уточнить следующее: все ли предметы, которые он видел перевернутыми или переставленными куда-то, точно возвращены на свои обычные места?

— Совершенно точно.

— Стало быть, очевидно, что предметы эти были поставлены на свои места кем-то, кто прекрасно знал, где они стояли.

Это замечание поразило всех присутствующих. Ганимар заговорил снова:

— Еще один вопрос, господин Шарль… Вас разбудил звонок… Как по-вашему, кто звал вас?

— Господин барон, черт побери.

— Пусть так, но в какой момент он мог позвонить?

— После схватки… когда умирал.

— Это невозможно, потому что вы нашли его распростертым, без признаков жизни, в четырех метрах от кнопки звонка.

— Значит, он звонил, когда шла борьба.

— Тоже невозможно, потому что, как вы сказали, звонок был долгим, звонили беспрерывно семь или восемь секунд. Вы полагаете, что тот, кто напал на барона, мог позволить ему звонить так долго?

— Значит, это было до того, как на него напали.

— Невозможно, вы же нам сказали, что от звонка до того момента, когда вы вошли в комнату, прошло самое большее три минуты. Таким образом, если барон звонил раньше, борьба, убийство, агония и бегство должны были произойти в этот короткий промежуток в три минуты. Повторяю, это невозможно.

— И однако, — сказал следователь, — кто-то ведь звонил. Если не барон, то кто же?

— Убийца.

— Зачем?

— Я не знаю, зачем ему это было нужно. Но в любом случае это доказывает нам, что он знал, что звонок соединен с комнатой слуги. А кто мог знать эту подробность, кроме человека, живу-

щего в доме?

Круг подозрений сужался. Несколькими быстрыми, четкими и логичными фразами Ганимар ставил все с головы на ноги, мысль старого полицейского становилась понятной, и никто не удивился, когда следователь сделал вывод:

— Короче, в двух словах, вы подозреваете Антуанетту Бреа.

— Я не подозреваю ее, я ее обвиняю.

— Вы обвиняете ее в соучастии в убийстве?

— Я обвиняю ее в том, что она убила генерала барона д'Отрека.

— Ну и ну! А где доказательства?

— Волосы, которые я обнаружил в правой руке жертвы: когда барон с силой сжал руку, ногти впились ему в ладонь и волосы попали под кожу.

Он показал эти волосы: они были невероятно яркого цвета, похожие на золотые нити, и Шарль прошептал:

— Это волосы мадемуазель Антуанетты, без всякого сомнения, ошибиться никак невозможно.

И добавил:

— Потом… вот еще что… Я уверен, что нож, которого я потом не увидел… это был ее нож… Она пользовалась им для разрезания страниц

в книгах.

Молчание было долгим и мучительным, словно преступление становилось еще более ужасным, оттого что его совершила женщина. Следователь начал размышлять вслух:

— Предположим, до получения более подробных сведений, что барон убит Антуанеттой Бреа. Но надо будет еще объяснить, каким путем она могла выйти после того, как совершила преступление, войти после ухода Шарля и снова выйти до того, как появился комиссар. У вас есть мнение по этому поводу, Ганимар?

— Никакого.

— Так как же?

У Ганимара был обескураженный вид. Наконец он заговорил, с видимым усилием:

— По этому поводу я могу сказать только то, что мы сталкиваемся здесь с тем же, что было в деле с билетом пятьсот четырнадцать — двадцать три, с тем же феноменом, который можно назвать способностью исчезать. Антуанетта Бреа появляется и исчезает в этом особняке так же таинственно, как Арсен Люпен оказался у мэтра Дэтинана и сбежал оттуда вместе с Белокурой дамой.

— Что значит?..

— Что значит, что я не могу не думать о двух

совпадениях по меньшей мере странных: Антуанетта Бреа была нанята сестрой Августой двенадцать дней назад, то есть на следующий день после того, как Белокурая дама выскользнула у меня из рук. И второе: волосы Белокурой дамы точно такого же яркого цвета, с тем же золотым отблеском, как и те, которые мы обнаружили здесь.

— Иными словами, по-вашему, Антуанетта Бреа…

— Не кто иная, как Белокурая дама.

— И следовательно, Арсен Люпен провернул обе эти аферы?

— Я полагаю, что так.

Кто-то рассмеялся. Это был шеф Сюрте, ему было весело.

— Люпен! Как всегда, Люпен! Люпен во всем, Люпен повсюду!

— Где он есть, там он и есть, — раздельно и обиженно произнес Ганимар.

— Но ведь у него должны быть какие-то причины, чтобы оказываться там или сям, — заметил господин Дюдуи, — а в данном случае его резоны совершенно не ясны мне. Секретер не взломали, кошелек не был украден. На столе даже осталось золото.

— Да, но знаменитый бриллиант?

— Какой бриллиант?

— Голубой бриллиант! Знаменитый голубой бриллиант из французской королевской короны, подаренный герцогом д'А. Леониду Л. и после смерти Леонида Л. купленный бароном д'Отреком в память актрисы, которую он безумно любил. Это одно из тех воспоминаний, что не забываются, тем более такими старыми парижанами, как я.

— Тогда, если бриллиант не найдется, — сказал следователь, — все станет очевидным, все разъяснится… Но где его искать?

— На пальце господина барона, — ответил Шарль. — Он никогда не снимал его со своей левой руки.

— Я видел эту руку, — заявил Ганимар, подходя к жертве, — и, как вы можете убедиться, на ней только обычное золотое кольцо.

— Посмотрите со стороны ладони, — сказал слуга. Ганимар разжал руку барона. Кольцо было повернуто оправой внутрь, и в центре ее сиял голубой бриллиант.

— Черт побери, — озадаченно прошептал Ганимар, — я уже ничего не понимаю.

— И надеюсь, больше не подозреваете бедного Люпена? — ухмыльнулся господин Дюдуи.

Ганимар выдержал паузу, подумал и ответил сентенцией:

— Именно тогда, когда я отказываюсь что-либо понимать, я и подозреваю Арсена Люпена.

Таковы были первые выводы следствия. Выводы нетвердые и непоследовательные, которые и в ходе следствия тверже и последовательнее не стали. Приходы и уходы Антуанетты оставались абсолютно необъяснимыми, как и визиты Белокурой дамы, и даже больше: полиции так и не удалось выяснить, что за златовласое создание это было, убившее барона д'Отрека и не надевшее себе на палец сказочный бриллиант из короны французских королей.

И сверх всего, любопытство, вызванное ее персоной, придавало преступлению характер чудовищного злодеяния, крайне раздражавшего общественное мнение.

Наследники барона д'Отрека могли только радоваться подобной рекламе. Они устроили на проспекте Анри Мартен, прямо в особняке, выставку всех предметов и мебели, предназначавшихся на продажу в салоне Друо. Мебель была современная, довольно посредственного вкуса, предметы художественной ценности не имели, но в самой середине комнаты, на постаменте,

обтянутом малиновым бархатом, защищенный стеклянным колпаком и охраняемый двумя полицейскими, поблескивал перстень с голубым бриллиантом.

Бриллиант был великолепный, огромный, несравненной чистоты и того неопределенно голубого цвета, какой приобретает чистая вода, когда в ней отражается небо, того голубого цвета, которым светится белоснежное белье. Им восхищались, восторгались и… с ужасом оглядывали комнату жертвы, то место, где лежал труп, паркет, с которого был убран окровавленный ковер, а главное, стены, непроницаемые стены, сквозь которые проникла преступница. Убеждались, что мрамор камина неподвижен, что резная рама зеркала не таит в себе скрытой пружины, способной вращать его. Представляли себе зияющие провалы в стенах — входы в тоннели с водосточными трубами и катакомбами…

Продажа голубого бриллианта должна была состояться в отеле Друо. Публика давилась у входа, и аукционная лихорадка порождала безумие.

Как всегда по торжественным случаям, там был весь Париж, все, кто мог купить, и все, кто хотел показать, что может купить, — биржевики, художники, дамы света и полусвета, два министра,

один итальянский тенор и даже один король в изгнании, который, дабы укрепить свои кредиты, позволил себе роскошь выкрикнуть дрожащим голосом, но с большим апломбом сумму в сто тысяч франков. Сто тысяч франков! Он мог выложить их, чтобы не скомпрометировать себя. Итальянский тенор рискнул на сто пятьдесят тысяч, а один член Общества французских кредитов на сто шестьдесят.

На двухстах тысячах франков тем не менее любители сдались. Когда была названа сумма в двести пятьдесят тысяч, остались только двое: Гершманн, известный финансист, король золотых приисков, и графиня де Крозон, богатейшая американка, чья коллекция бриллиантов и драгоценных камней ценилась очень высоко.

— Двести шестьдесят тысяч… двести семьдесят тысяч… двести семьдесят пять… двести восемьдесят… — произносил аукционист, вопросительно поглядывая то на одного, то на другого участника борьбы… — Двести восемьдесят тысяч предлагает мадам… Никто больше не желает сказать свое слово?..

— Триста тысяч, — прошептал Гершманн.

Стояла тишина. Все смотрели на графиню де Крозон. Она улыбалась, опершись на спинку сту-

ла, стоявшего перед ней, но бледность выдавала ее замешательство. В самом деле, графиня, так же как и все здесь присутствующие, знала, что исход дуэли не вызывает никаких сомнений: логически рассуждая, она неизбежно должна была закончиться в пользу финансиста, чьи прихоти обеспечивались более чем полумиллиардным состоянием. И все-таки она произнесла:

— Триста пять тысяч.

И опять наступила тишина. Все обернулись к королю приисков в ожидании, что он непременно увеличит названную сумму. Наверняка же это произойдет, и сумма будет увеличена резко, существенно и окончательно.

Однако этого вовсе не случилось. Гершманн безучастно смотрел на какой-то листок, который он держал в правой руке, в левой у него был разорванный конверт.

— Триста пять тысяч, — повторил аукционист… — Триста пять тысяч — раз… триста пять тысяч — два… Еще есть время… никто не говорит своего слова? Я повторяю: триста пять тысяч — раз… триста пять тысяч — два…

Гершманн даже не пошевелился. В последний раз наступила тишина. Раздался удар молотка.

— Четыреста тысяч, — закричал Гершманн,

вздрогнув, словно раздавшийся звук вывел его из оцепенения.

Слишком поздно. Торг был закончен, и бесповоротно.

Вокруг Гершманна столпился народ. Что произошло? Почему он раньше не заговорил?

Он рассмеялся:

— Что произошло? Честное слово, понятия не имею. Я на минуту отвлекся.

— Разве это возможно?

— Ну конечно, мне вручили письмо.

— И этого письма оказалось достаточно, чтобы вас…

— Чтобы я растерялся, да, и как раз в тот момент.

Ганимар тоже был там. Перстень купили при нем. Он подошел к одному из рассыльных:

— Это, без сомнения, вы передали письмо господину Гершманну?

— Да.

— От кого?

— От одной дамы.

— Где она?

— Где она?.. Смотрите, вон там, та дама в густой вуали.

— Которая уходит?

— Да.

Ганимар поспешил к двери и увидел даму уже на лестнице. Он побежал за ней. Толпа преградила ему путь, и он на секунду застрял в дверях. Когда он вышел на улицу, дамы найти уже не удалось.

Он вернулся в салон, подошел к Гершманну, представился и спросил его о письме. Гершманн протянул ему это письмо. В спешке кто-то, чей почерк финансисту был незнаком, карандашом написал вот такие простые слова:

Голубой бриллиант приносит несчастье. Вспомните барона д'Отрека.

Треволнения вокруг голубого бриллианта еще не утихли, когда ставший известным после убийства барона д'Отрека и инцидента в отеле Друо этот голубой бриллиант через полгода приобрел чуть не всемирную славу. Дело в том, что перстень, с таким трудом доставшийся графине, летом у нее украли.

Расскажем вкратце эту забавную историю, полную драматизма и насыщенную впечатляющими подробностями, историю, на которую мне наконец-то позволено пролить немного света.

Вечером 10 августа гости господина и госпожи

де Крозон собрались в гостиной великолепного замка, возвышающегося над заливом Соммы. Они музицировали. Графиня, сев за пианино, поставила на маленький столик возле инструмента свой ларчик с драгоценностями, среди которых был и перстень барона д'Отрека.

Час спустя ушел граф, два его кузена д'Андели и госпожа де Реаль, близкая приятельница графини де Крозон. Графиня осталась в гостиной с господином Блейшеном, австрийским консулом, и его супругой. Они еще немного поболтали, затем графиня погасила большую настольную лампу. В ту же минуту господин Блейшен потушил обе лампы, стоявшие на пианино. Какое-то время было совершенно темно, они слегка растерялись, потом консул зажег свечу, и все трое спокойно разошлись по своим апартаментам. Но, едва перешагнув порог, графиня тут же вспомнила об оставленных драгоценностях и отправила за ними горничную. Та вскоре вернулась с ларчиком и поставила его на каминную полку. Хозяйка драгоценностей ларчика не открывала. Наутро она обнаружила, что одного кольца, а именно перстня с голубым бриллиантом, не хватает.

Она сказала об этом мужу. Поскольку горничная была вне подозрений, они немедленно

сделали вывод, что виновным может быть только один человек: господин Блейшен.

Граф дал знать о случившемся главному комиссару Амьена, и тот, заведя дело, организовал тайную, но неусыпную слежку за австрийским консулом, чтобы он не мог продать или отослать куда-нибудь перстень.

Днем и ночью замок был окружен полицейскими.

Две недели протекли без всяких происшествий. Господин Блейшен объявил о своем отъезде. В тот же день на него поступила жалоба. Комиссар появился в доме официально и потребовал досмотра багажа. В небольшом саквояже, с ключом от которого консул никогда не расставался, во флаконе с зубным порошком был обнаружен перстень!

Госпожа Блейшен упала в обморок. Ее мужа арестовали.

Все помнят, какую защиту избрал обвиняемый. Он заявил, что не может объяснить, как к нему попал перстень, и считает это местью господина де Крозона. «Граф очень груб, и жена его из-за этого несчастна. Я имел с ней долгую беседу и горячо советовал ей развестись с ним. Узнав о пропаже перстня, он отомстил мне, когда, воспользовав-

шись моим отсутствием, подбросил мне его в несессер». Граф и графиня энергично настаивали на своем иске. Из двух объяснений (оба были вполне вероятными, вполне допустимыми) публике предоставлялось выбирать любое. Ни один новый факт чаши весов не перевешивал. Месяц болтовни, догадок и расследований не добавил ни грана уверенности.

Утомленные всем этим шумом, будучи не в состоянии предоставить улики, которые подтвердили бы их обвинения, господин и госпожа де Крозон потребовали присылки из Парижа сыщика Сюрте, способного распутать этот клубок. Прислали Ганимара.

Целых четыре дня старый инспектор все выведывал, разнюхивал, гулял в парке, подолгу разговаривал с горничной, шофером, садовниками и служащими с соседней почты, побывал в апартаментах, которые занимали супруги Блейшен, кузены д'Андели и госпожа де Реаль. И вдруг утром исчез, не сказав хозяевам замка даже «до свидания».

Однако через неделю они получили такую телеграмму:

ПРОШУ ВАС ПРИЕХАТЬ ЗАВТРА, В ПЯТНИЦУ, К ПЯТИ ЧАСАМ ВЕЧЕРА В «ЯПОНСКИЙ ЧАЙ». УЛИЦА

БУАССИ Д'АНГЛА. ГАНИМАР.

Ровно в пять часов в пятницу их автомобиль остановился у дома № 9 по улице Буасси д'Англа. Без единого слова объяснений старый инспектор, поджидавший их на тротуаре, повел их на второй этаж кафе «Японский чай».

В одном из залов сидели двое, Ганимар представил их:

— Господин Жербуа, учитель лицея в Версале, вы его помните — Арсен Люпен украл у него полмиллиона, господин Леоне д'Отрек, племянник и единственный наследник барона д'Отрека.

Все четверо сели. Через несколько минут подошел и пятый. Это был шеф Сюрте.

Господин Дюдуи был в довольно плохом настроении. Он поздоровался и спросил:

— В чем дело, Ганимар? В префектуре мне передали ваш телефонный вызов. Что-нибудь серьезное?

— Очень серьезное, шеф. Не пройдет и часа, как последние приключения, в которых мне пришлось участвовать, найдут здесь свою развязку. Мне показалось, что ваше присутствие совершенно необходимо.

— А также присутствие Дьези и Фолянфана, которых я заметил внизу, у двери?

— Да, шеф.

— И что это будет за развязка? Речь идет об аресте? Ну и мизансцена! Но давайте же, Ганимар, мы вас слушаем.

Несколько секунд Ганимар в нерешительности помолчал, затем, с очевидным намерением потрясти своих слушателей, сказал:

— Прежде всего я утверждаю, что господин Блейшен в краже перстня не замешан.

— Ну-ну! — фыркнул господин Дюдуи. — Это просто заявление, и… довольно серьезное.

А граф спросил:

— И этим… открытием и исчерпываются все ваши усилия?

— Нет, господин де Крозон. Через день после кражи трое из ваших гостей, совершая экскурсию на автомобиле, доехали до городка Креси. И пока двое из них осматривали знаменитое поле сражения[4], третья особа поспешила в почтовое отделение и отправила оттуда маленькую коробочку, упакованную по всем правилам, с объявленной ценностью в сто франков.

Господин де Крозон возразил:

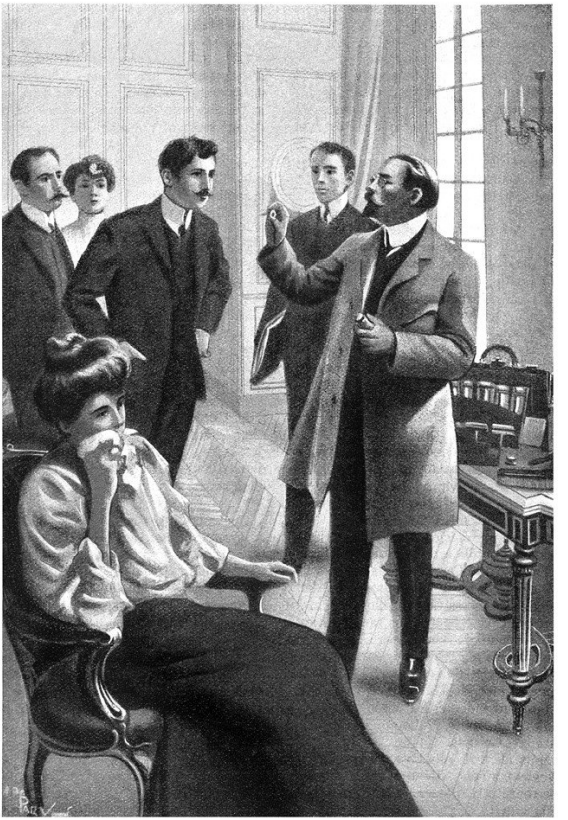
---

[4] Notes: 4

Битва у поселка Креси на севере Франции произошла 26 августа 1346 г. Это было одно из важнейших сражений Столетней войны между Англией и Францией (1337–1453). — *Примеч. ред.*

— Во всем этом нет ничего неестественного.

— Быть может, вам покажется менее естественным, что эта особа, вместо того чтобы назвать свое подлинное имя, сделала отправление от имени Руссо, а получатель, некто господин Белу, проживающий в Париже, вечером того же дня, когда он получил эту коробочку, то есть перстень, переехал.



— Может быть, — спросил граф, — речь идет об одном из моих кузенов д'Анделей?

— Нет, об этих господах речь не идет.

— Стало быть, о госпоже де Реаль?

— Да.

Потрясенная услышанным, графиня воскликнула:

— Вы обвиняете мою подругу госпожу де Реаль?

— Один простой вопрос, госпожа де Крозон, — ответил Ганимар. — Присутствовала ли госпожа де Реаль при продаже голубого бриллианта?

— Да, но сама по себе. Мы были не вместе.

— Она предлагала вам приобрести перстень?

Графиня стала припоминать:

— Да... в самом деле... я даже думаю, что это именно она первая сказала мне о нем...

— Беру на заметку ваш ответ, госпожа де Крозон. Теперь мы точно установили, что госпожа де Реаль первая сообщила вам об этом перстне и она же уговаривала вас купить его.

— И все же... моя приятельница не способна...

— Простите, простите, пожалуйста, но госпожа де Реаль — ваша случайная знакомая, а не близкая подруга, как было напечатано в газетах, что избавило ее от подозрений. Вы познакомились с

ней только этой зимой. И я ручаюсь, что докажу вам, что все, что она рассказала вам о себе, о своем прошлом, о своих связях, — совершеннейшая ложь, никакой госпожи Бланш де Реаль вообще не существовало до тех пор, пока она не встретила вас, не существует ее и сейчас.

— И что тогда?

— Когда? — не понял Ганимар.

— Эта ваша история очень забавна, но какое она имеет отношение к нашему делу? Коль скоро и уж если госпожа де Реаль взяла перстень, что никоим образом не доказано, с чего бы она стала прятать его в зубном порошке господина Блейшена? Черт побери! Уж если дают себе труд украсть голубой бриллиант, с ним не расстаются. Что вы на это можете ответить?

— Я — ничего, но госпожа де Реаль вам ответит.

— Стало быть, она существует?

— Она есть, но… ее нет. В нескольких словах я вот что вам скажу. Три дня назад, читая газету, которую я читаю каждый день, я увидел в самом начале списка приехавших в Трувиль: «Гостиница „Бориваж“: госпожа де Реаль и т. д.». Вы, конечно, понимаете, что в тот же вечер я был в Трувиле и разговаривал с директором гостиницы

«Бориваж». По его описанию и еще по нескольким приметам, которые мне удалось раздобыть, эта госпожа де Реаль была именно той особой, которую я искал, но она покинула отель, оставив свой парижский адрес: улица Колизея, дом 3. Позавчера я отправился по этому адресу и выяснил, что там на третьем этаже живет не госпожа де Реаль, а просто некая госпожа Реаль, посредница по продаже бриллиантов, часто бывающая в отлучке. Только вчера она вернулась откуда-то. Вчера же вечером я был у нее и под чужим именем предложил ей свои посреднические услуги от лица тех, кто хочет купить драгоценные камни. Сегодня здесь у нас с ней первое деловое свидание.

— Как! Вы ее ожидаете?

— В пять часов тридцать минут.

— И вы уверены?..

— Что это госпожа де Реаль из замка Крозон? У меня неопровержимые доказательства. Но… послушайте-ка… Фолянфан подает мне сигнал…

Раздался свисток Фолянфана. Ганимар мгновенно поднялся со своего места:

— Нельзя терять ни минуты. Господин и госпожа де Крозон, извольте пройти в соседнюю комнату. И вы, господин д'Отрек… и вы тоже, господин Жербуа… Дверь будет открыта, и по

первому зову я попрошу вас войти. Шеф, вас я прошу остаться.

— А если еще кто-нибудь явится? — спросил господин Дюдуи.

— Нет. Это заведение недавно открылось, и его хозяин — мой друг, он не позволит подняться сюда ни одной живой душе… кроме Белокурой дамы.

— Белокурой дамы? Что вы такое говорите!

— Да, Белокурой дамы собственной персоной, шеф, соучастницы Арсена Люпена, таинственной Белокурой дамы, против кого у меня есть кое-какие улики, но я хочу собрать здесь, перед вами, свидетельства всех тех, кого она обчистила.

Он выглянул из окна.

— Она подходит к двери… Вошла… У нее нет никакой возможности ускользнуть от нас: Фолянфан и Дьези стерегут дверь… Белокурая дама в наших руках, шеф!

Почти сразу же на пороге появилась женщина, она была высокого роста, худенькая, очень бледная, волосы ее были ярко-золотого цвета.

Волнение так душило Ганимара, что он замолк, не в силах произнести ни слова. Она была здесь, перед ним, в его распоряжении. Какая победа над Арсеном Люпеном! И какой реванш! В то же

время эта победа показалась ему слишком легко доставшейся, и он уже задумывался, не выскользнет ли Белокурая дама у него из рук благодаря какому-нибудь чуду, на которые такой мастак Арсен Люпен.

Тем временем она ждала, изумленная наступившей вокруг нее тишиной, и оглядывалась по сторонам, не скрывая беспокойства.

«Она уйдет! Она исчезнет!» — с ужасом подумал Ганимар.

Он резко встал между ней и дверью. Она повернулась и хотела выйти.

— Нет, нет, — сказал он, — почему вы хотите покинуть нас?

— Но в конце концов, сударь, что за поведение, я ничего не понимаю. Оставьте меня в покое…

— Уходить, сударыня, вам нет никаких резонов, зато их множество для того, чтобы остаться.

— И все-таки позвольте…

— Бесполезно. Вы не выйдете.

Совершенно бледная, обессилевшая, она села и прошептала:

— Что вам угодно?..

Ганимар чувствовал себя победителем. Белокурая дама была у него в руках.

Прекрасно владея собой, он четко выговорил

следующее:

— Позвольте представить вам моего друга, о котором я вам говорил и который хотел бы купить драгоценности… в основном его интересуют бриллианты. Вам удалось достать тот, который вы мне обещали?

— Нет… нет… я не знаю… я что-то не помню.

— Да ну… Припомните-ка… Какая-то ваша знакомая должна была передать вам слегка окрашенный бриллиант… «что-то вроде голубого бриллианта», — сказал я, смеясь, и вы ответили мне: «Совершенно точно, я, наверно, смогу помочь вам». Припоминаете?

Она молчала, сумочка выпала у нее из рук. Она живо подняла ее с пола и прижала к груди. Руки ее слегка дрожали.

— Похоже, — сказал Ганимар, — вы нам не доверяете, госпожа де Реаль; я подам вам хороший пример и покажу, что есть у меня.

Он достал из своего портфеля свернутый листок бумаги, развернул его и протянул ей несколько волос.

— Вот для начала волосы Антуанетты Бреа, вырванные бароном и найденные в руке покойного. Я показывал их мадемуазель Жербуа: она определенно узнала цвет волос Белокурой дамы… тот

же цвет, что и у вас, кстати… точно тот же.

Госпожа Реаль тупо смотрела на него, словно она и в самом деле не понимала смысла сказанных им слов. Он продолжал:

— А вот два флакона из-под духов, без этикеток, правда, и пустые, но вполне еще пахнущие для того, чтобы мадемуазель Жербуа смогла сегодня утром различить запах духов той самой Белокурой дамы, которая была ее спутницей по путешествию в течение двух недель. А ведь один из флаконов был в комнате, которую занимала в замке Крозон госпожа де Реаль, а другой — в вашей, в той, которую вы занимали в гостинице «Бориваж».

— Что вы такое говорите!.. Белокурая дама… замок Крозон…

Не говоря ни слова, инспектор выложил на стол четыре листка.

— И наконец, — сказал он, — на этих четырех листках — образцы почерков: Антуанетты Бреа; той дамы, которая написала записочку господину Гершманну во время аукциона; госпожи де Реаль в пору ее пребывания в замке; и четвертый — ваш собственный, сударыня… это ваше имя и ваш адрес — вы оставили его у портье в гостинице «Бориваж» в Трувиле. Так вот, сличите

эти четыре почерка. Они ничем не отличаются друг от друга.

— Но вы, сударь, сошли с ума! Вы с ума сошли! Что все это значит?

— Это значит, сударыня, — вскочив с места, прокричал Ганимар, — что Белокурая дама, приятельница и соучастница Арсена Люпена, не кто иная, как вы!..

Он рывком распахнул дверь в соседнюю комнату, налетел на господина Жербуа, развернул его за плечи и поставил перед госпожой Реаль:

— Господин Жербуа, признаете ли вы особу, похитившую вашу дочь, особу, которую вы видели у мэтра Дэтинана?

— Нет.

Все испытали такой шок, словно сотряслись стены. Ганимар отказывался поверить услышанному.

— Да нет!.. Не может быть… послушайте-ка, ну, подумайте хорошенько…

— Да чего тут думать… сударыня действительно так же белокура, как и Белокурая дама, так же бледна… но вовсе на нее не похожа.

— Я не могу в это поверить… с подобной ошибкой нельзя смириться… Господин д'Отрек, вы ведь узнаете Антуанетту Бреа?

— Я видел Антуанетту Бреа у дядюшки… это не она.

— И эта сударыня вовсе не госпожа де Реаль, — подтвердил граф де Крозон.

Это был сокрушительный удар. Ганимар, совершенно ошеломленный, стоял не шевелясь, ничего не видя перед собой. Ото всех его комбинаций ничего не осталось. Здание рушилось.

Господин Дюдуи встал со своего места.

— Простите нас, сударыня, вышла печальная ошибка, и я очень прошу вас ее забыть. Но чего я толком не могу понять, так это вашего странного поведения… вашего замешательства на протяжении всего времени, пока вы здесь с нами.

— О боже, сударь, да я просто боялась… у меня в сумочке драгоценностей больше, чем на сто тысяч франков, а манеры вашего друга меня никак не успокаивали.

— А ваши вечные отлучки, это что значит?

— Но разве дело, которым я занимаюсь, не требует этого?

Господину Дюдуи ответить было нечего. Он повернулся к своему подчиненному:

— Вы с прискорбным легкомыслием собрали вашу информацию, Ганимар, и вели себя только что самым неучтивым образом по отношению к

сударыне. Извольте явиться ко мне в кабинет для объяснений.

Разговор был закончен, и шеф Сюрте уже собрался уходить, когда произошло нечто из ряда вон выходящее. Госпожа Реаль подошла к инспектору и сказала ему:

— Я так поняла, что ваша фамилия — Ганимар… Я не ошибаюсь?

— Нет.

— Тогда, значит, письмо это для вас, я получила его сегодня утром, вот, смотрите, какой адрес указан здесь: «Господину Жюстену Ганимару, в заботливые руки „госпожи де Реаль“». Я подумала, что это — шутка, я ведь под этим именем вас не знала, но этому неизвестному корреспонденту, без сомнения, было известно о нашем с вами свидании.

Какое-то странное предчувствие подсказывало Жюстену Ганимару, что надо немедленно схватить и уничтожить письмо. Но в присутствии начальника он на это не осмелился и вскрыл его. Едва внятным голосом он прочел следующее:

— «Жили-были некая Белокурая дама, некий Люпен и некий Ганимар. И злой Ганимар хотел причинить зло красивой Белокурой даме, а добрый Люпен не хотел допустить этого. И тогда

добрый Люпен, которому нужно было, чтобы Белокурая дама подружилась с графиней де Крозон, велел ей назваться именем госпожи де Реаль, почти совпадавшим с именем честной коммерсантки, такой же золотоволосой и бледнолицей. Добрый Люпен рассуждал так: „Если когда-нибудь злой Ганимар нападет на след Белокурой дамы, как мне будет удобно навести его на след честной коммерсантки!“ Разумная предосторожность принесла свои плоды. Маленькое объявление, посланное мною в газету, которую читает злой Ганимар, флакон из-под духов, нарочно оставленный в гостинице „Бориваж“ самой Белокурой дамой, имя и адрес госпожи Реаль, оставленный ею же в регистрационной книге гостиницы, и игра была сыграна. Что вы на это скажете, а, Ганимар? Я хотел поведать вам об этом приключении со всеми подробностями, зная, что с вашим умом вы первый и посмеетесь над ним. Оно и в самом деле довольно пикантно, и, должен признаться, я, со своей стороны, здорово развлекся. А вам, дорогой друг, большое спасибо, и передайте мои наилучшие пожелания блистательному господину Дюдуи. *Арсен Люпен*».

— Да он знает все! — простонал Ганимар, которому было вовсе не до смеха. — Он знает даже то,

чего я никому не говорил! Как он мог знать, что я попрошу вас прийти, шеф? Как мог он узнать о том, что я обнаружил первый флакон?.. Как мог он это узнать?..

Он топал, стучал ногами, рвал на себе волосы, был в самом глубоком отчаянии.

Господину Дюдуи стало жаль его.

— Ну ладно, Ганимар, успокойтесь, в следующий раз мы попытаемся быть удачливее.

И шеф Сюрте удалился вместе с госпожой Реаль.

Прошло десять минут. Ганимар читал и перечитывал письмо Люпена. В углу комнаты господин и госпожа де Крозон, господин д'Отрек и господин Жербуа с жаром что-то обсуждали. Наконец граф подошел к инспектору и сказал ему:

— В общем, получается, сударь, что мы ни на шаг не продвинулись.

— Простите. В результате моего расследования установлено, что Белокурая дама, вне всяких сомнений, героиня всех этих событий и что руководит ею Люпен. Это уже огромный шаг вперед.

— Который никуда не ведет. Задача, быть может, стала еще менее определенной. Белокурая дама убивает, чтобы украсть бриллиант, и не крадет его. Затем она крадет его, и только для того,

чтобы избавиться от него и отдать в чужие руки.

— Тут уж я ничего не могу поделать.

— Конечно, но, быть может, кто-нибудь другой смог бы…

— Что вы хотите этим сказать?

Граф никак не решался заговорить, и тогда слово взяла графиня и очень четко произнесла:

— Есть только один человек, единственный, кто, кроме вас, по моему мнению, способен победить Люпена и заставить его сдаться. Господин Ганимар, вы не обидитесь, если мы попросим помощи у Херлока Шолмса?

Ганимар вконец растерялся:

— Да нет… только… я не очень хорошо понимаю…

— Так вот. Все эти тайны меня крайне раздражают. Я хочу разобраться. И господин Жербуа, и господин д'Отрек тоже, поэтому мы решили обратиться к знаменитому английскому сыщику.

— Вы правы, сударыня, — сказал инспектор, и нельзя было не оценить его скромности, — вы правы; у старого Ганимара не хватает сил сражаться с Арсеном Люпеном. Удастся ли это Херлоку Шолмсу? Я желаю ему победы, потому что в высшей степени восхищаюсь им. Однако… маловероятно, что…

— Маловероятно, что у него это получится?

— Да, таково мое мнение. Я считаю, что исход дуэли между Херлоком Шолмсом и Арсеном Люпеном заранее предрешен. Англичанин потерпит поражение.

— Но на вас, во всяком случае, он может рассчитывать?

— Целиком и полностью, сударыня. Мое содействие ему обеспечено.

— Вы знаете его адрес?

— Да, Паркер-стрит, двести девятнадцать.

В тот же вечер господин и госпожа де Крозон отказались от своего иска к консулу Блейшену и отправили коллективное письмо Херлоку Шолмсу.

Глава третья
Херлок Шолмс открывает военные действия

— Что угодно господам?

— Все, что хотите, — ответил Арсен Люпен, как человек, которого меньше всего интересует, что именно он будет есть… — Все, что угодно, только никакого мяса и ничего спиртного.

Гарсон, высокомерно поглядев на нас, удалился.

— Как, вы еще и вегетарианец? — воскликнул я.

— Да, все больше и больше становлюсь им, — подтвердил Люпен.

— И из каких же соображений? Вкуса, веры, а может, привычки?

— Из соображений режима питания.

— И вы не делаете исключений из своих правил?

— Да нет, почему же! Когда я бываю в свете… чтобы не выделяться…

Мы ужинали с Арсеном Люпеном вдвоем неподалеку от Северного вокзала, сидели в глубине

ресторанчика, куда он меня пригласил. Он любит вот так время от времени позвонить мне утром и назначить свидание в каком-нибудь уголке Парижа. Он всегда неистощимо остроумен, полон жизненных сил, простой и добрый ребенок, и всегда у него есть для меня какая-нибудь неожиданная история, воспоминание, рассказ о приключении, о котором я ничего не знал.

В тот вечер он показался мне более возбужденным, чем обычно. Он смеялся и болтал с необычайным воодушевлением, со своей особенной ироничностью, ироничностью без горечи, легкой и очень непосредственной. Было приятно видеть его таким, и я не мог отказать себе в удовольствии сказать ему об этом.

— О да! — воскликнул он. — Последнее время мне все кажется восхитительным, жизнь свою я ощущаю как бесконечное богатство, которого никогда не растрачу. А я ведь, видит Бог, своих сил не жалею и счет своей жизни не веду!

— Может, зря?

— Я же вам говорю, богатство это неисчерпаемо, я могу тратить сколько угодно, даже разбазаривать его, могу пускать все свои силы, всю свою молодость по ветру, это только освобождает место для новых, еще более жизненных сил, для еще

большей молодости… И потом, действительно, моя жизнь прекрасна! Стоит мне только захотеть, не так ли, и не сегодня завтра — как знать — я могу стать… спикером, директором завода, политическим деятелем… Ну так вот, клянусь вам, ничего подобного мне никогда и в голову не приходило! Я — Арсен Люпен, Арсеном Люпеном и останусь. И я совершенно напрасно ищу в истории судьбу, которую можно было бы сравнить с моей, жизнь более яркую и более насыщенную… Наполеон, быть может? Вот разве что… Но ведь Наполеон в конце своей императорской карьеры, во время французской кампании, когда Европа уже почти раздавила его, шел на каждую свою битву, думая, а не последняя ли она для него![5]

Был ли Люпен серьезен? А может, шутил? Он опять загорелся, видимо, новой мыслью и продолжал:

— Видите ли, весь секрет — в опасности! В постоянном ощущении опасности! Дышать ею, как

---

[5] Notes: 5

Имеется в виду период от 1 марта 1815 г., когда Наполеон Бонапарт, сбежавший с острова Эльба (куда он был сослан в 1814 г.), высадился на берегу Франции, до 20 марта 1815 г., когда он вступил в Париж. Это было беспримерное «завоевание» Франции: войска переходили на сторону Наполеона без боя; провинция за провинцией, город за городом падали к его ногам без тени сопротивления. Наполеон без единого выстрела за 19 дней прошел от средиземного побережья до Парижа, изгнал династию Бурбонов и воцарился снова. — *Примеч. ред.*

дышат воздухом, окружать *себя ею*; она подсказывает, вопит, подстерегает, приближается… А ты посреди бури остаешься спокойным, не двигаешься!.. В противном случае — погибнешь… Есть только одно ощущение, которое чего-то стоит, — ощущение гонщика, сидящего за рулем! Но гонки длятся одно утро, а мои гонки — всю мою жизнь!

— Какая восторженность! — воскликнул я… — И вы хотите, чтобы я поверил, будто у вас сегодня нет каких-то особых причин для возбужденности?

Он улыбнулся.

— Ну-ну, — сказал он, — вы тонкий психолог. В самом деле, кое-что есть.

Он налил себе полный стакан воды, залпом проглотил его и спросил меня:

— Вы «Тан» сегодняшний не видели?

— Да нет, а что?

— Сегодня во второй половине дня Херлок Шолмс должен был пересечь Ла-Манш и прибыть к шести часам в Париж.

— Черт возьми! А зачем?

— Это небольшое путешествие ему предложили совершить де Крозоны, племянник д'Отрека и Жербуа. Они встретились на Северном вокзале, и там к ним присоединился Ганимар. Теперь они

уже все шестеро вместе.

Я никогда, несмотря на горячее любопытство, которое он у меня вызывает, не позволяю себе расспрашивать Арсена Люпена о его личных делах, пока он сам не заговорит о них. Это с моей стороны вопрос деликатности, и я ею не поступаюсь. Впрочем, на тот момент в связи с голубым бриллиантом его имя, во всяком случае официально, еще не упоминалось. Так что я набрался терпения и помалкивал. Он заговорил снова:

— «Тан» публикует также интервью с этим великолепным Ганимаром, из которого следует, что некая Белокурая дама, моя приятельница, убила барона д'Отрека и попыталась похитить у госпожи де Крозон ее знаменитый перстень. Ну и, конечно же, он обвиняет меня в том, что я тут подстрекатель.

Меня пробила дрожь. Неужели это правда? Должен ли я поверить, что привычка к воровству — его способ существования, — сама логика событий довела этого человека до подобного преступления? Я внимательно смотрел на него. Он казался таким спокойным, взгляд его был таким открытым!

Я рассматривал его руки: они были бесконечно изящны, просто скульптурной безупречности,

это были руки не преступника, а артиста.

— У Ганимара галлюцинации, — прошептал я.

Он стал возражать:

— Нет, нет. Ганимар наделен некоторой проницательностью, а порой… даже умом.

— Умом!

— Да, да. Вот, например, это интервью, оно сделано рукой мастера. Во-первых, он сообщает о прибытии своего английского соперника, чтобы я был начеку, тем самым усложняя ему задачу. Во-вторых, он уточняет, что именно ему удалось сделать, насколько он продвинулся в расследовании, чтобы Шолмс мог похвастаться только своими собственными открытиями. Это честная игра.

— Как бы там ни было, но у вас теперь два соперника, и каких!

— Ну, один в счет не идет.

— А другой?

— Шолмс? Да, должен признать, он достойный соперник. Именно это и приводит меня в восторг, потому-то вы и видите меня в таком веселом настроении. Во-первых, это вопрос честолюбия: значит, все полагают, что для меня не слишком большой почет — призвать знаменитого англичанина. Затем представьте себе, какое

удовольствие может получить боец вроде меня от дуэли с Херлоком Шолмсом. И наконец-то! Я должен буду действовать в полную свою силу! Я ведь его знаю, этот добрый человек не уступит ни пяди.

— Он силен.

— Очень силен. Я думаю, что сыщика, равного ему, просто не было и нет. У меня перед ним только то преимущество, что он нападает, а я защищаюсь. Моя роль легче. А в остальном…

Он едва заметно улыбнулся, заканчивая начатую фразу:

— А в остальном его методы борьбы я знаю, а он моих не знает. И у меня в резерве есть кое-какие секреты, над которыми ему придется поломать голову…

Он постукивал пальцем по столу, с восторгом произнося короткие фразы:

— Арсен Люпен против Херлока Шолмса… Франция против Англии… Трафальгар наконец-то будет отмщен!..[6] О! Несчастный… он не

---

[6] Notes: 6

Имеется в виду Трафальгарская битва — морское сражение между английским и франко-испанским флотом 21 октября 1805 г. у мыса Трафальгар на атлантическом побережье Испании. В этом сражении английский флот под командованием вице-адмирала Горацио Нельсона разгромил объединенный флот Франции и Испании, которым командовал французский адмирал Пьер Вильнёв. — *Примеч. ред.*

сомневается, что я подготовлен… а предупрежденный Люпен…

Он резко замолчал, сильно закашлявшись, и прикрыл лицо салфеткой, будто поперхнулся.

— Хлебная крошка? — спросил я его. — Выпейте воды.

— Нет, не в том дело, — сказал он приглушенным голосом.

— Тогда в чем же?

— Мне не хватает воздуха.

— Хотите открыть окно?

— Нет, я ухожу… быстро дайте мне пальто и шляпу, я сматываюсь…

— Да? Но это значит, что…

— Вот те двое, которые только что вошли… видите, вот тот, что повыше… так когда мы будем уходить, идите слева от меня, чтобы он не мог меня разглядеть.

— Тот, который садится сейчас за вашей спиной?

— Именно… По причинам личного порядка я предпочитаю… На улице я вам все объясню…

— Но кто же это?

— Херлок Шолмс.

Он сделал над собой огромное усилие, будто ему было стыдно, что он так разволновался, поло-

жил салфетку, выпил стакан воды и сказал мне, полностью овладев собой и улыбнувшись:

— Смешно, правда? Меня ведь не так-то легко взбудоражить, но это неожиданное видение…

— А чего вы боитесь? Вас же невозможно узнать, настолько вы всегда перевоплощаетесь! Я сам, всякий раз встречаясь с вами, думаю, что передо мной какой-то новый человек.

– *Он* меня узнает, — сказал Арсен Люпен. — Он видел меня только однажды[7], но я почувствовал, что он меня запомнил навсегда, нет, нет, он видел не мой постоянно меняющийся облик, а меня самого, самую сущность мою… И потом… потом… я этого не ждал, черт возьми!.. Какая необыкновенная встреча!.. Этот маленький ресторанчик…

— Так что же, мы уходим? — спросил я его.

— Нет… нет…

— Что вы будете делать?

— Лучше всего действовать честно… отдаться на его милость…

— Но вы же об этом и не думаете?

— Думаю… К тому же у меня будет то преимущество, что спрашивать буду я, узнаю, что знает он… Послушайте-ка, у меня ощущение, что он сверлит

---

[7] Notes: 7

«Арсен Люпен, джентльмен-грабитель» (рассказ «Херлок Шолмс явился слишком поздно»). — *Примеч. автора.*

глазами мой затылок, смотрит на плечи… копается в памяти, вспоминает…

Он размышлял. Я смотрел на его хитрую улыбочку в углах губ; затем вдруг, повинуясь скорее прихотям своей импульсивной натуры, чем потребностям момента, он встал, резко развернулся и в легком поклоне очень весело произнес:

— Какими судьбами? Вот уж действительно повезло… Позвольте представить вам моего друга…

На какие-то несколько секунд англичанин совсем растерялся, потом инстинктивно рванулся встать, готовый броситься на Арсена Люпена. Тот покачал головой:

— Вы были бы не правы… не говоря о том, что и поступок это некрасивый… и такой бесполезный!..

Англичанин смотрел по сторонам, словно искал помощи.

— Тоже бесполезно, — сказал Люпен. — Да и уверены ли вы, что у вас достанет способностей поймать меня? Ну же, покажите себя хорошим игроком.

Показать себя хорошим игроком в данном случае было малособлазнительным. Тем не менее, по всей вероятности, эта роль показалась англичанину наилучшей, потому что он привстал и

довольно холодно сказал:

— Господин Вильсон, мой друг и помощник, — господин Арсен Люпен.

Изумление Вильсона вызвало взрыв смеха. Вытаращенные глаза и широко открытый рот двумя поперечными полосами перечеркивали его сияющее, лоснящееся и налитое, как яблоко, лицо, обрамленное шевелюрой бобриком и короткой бородкой, волосами, росшими, как трава, густыми и частыми.

— Вильсон, вы не скрываете своей оторопи, а меж тем события происходят обычнейшие на этом свете, — произнес Херлок Шолмс, не скрывая насмешки.

Вильсон прошептал:

— Почему вы его не арестовываете?

— Вы и не заметили, Вильсон, что этот джентльмен стоит между мной и дверью и в двух шагах от выхода. Я и пальцем бы не успел пошевелить, как он уже был бы на улице.

— Пусть это в расчет не идет, — сказал Люпен.

Он обошел столик и уселся таким образом, что англичанин оказался между ним и дверью. Это значило отдаться в его распоряжение.

Вильсон посмотрел на Шолмса, как бы спрашивая, можно ли ему восхищаться таким смелым

поступком. Англичанин был непроницаем. Но через некоторое время он позвал:

— Гарсон!

Официант подошел. Шолмс заказал:

— Содовой, пива и виски.

Перемирие было подписано… до новых распоряжений. Вскоре мы мирно болтали все вчетвером, сидя за одним столиком.

Херлок Шолмс — это человек… похожий на всех тех, кого мы видим каждый день. Ему лет пятьдесят, и он смахивает на любого честного малого, который всю жизнь свою проводит за конторкой со счетными книгами. Ничем он не отличается от обычного лондонского горожанина, ни рыжеватостью, ни гладко выбритым подбородком, ни тяжеловатым немного лицом — ничем, если бы не его глаза, невероятно острые, живые и проницательные.

И потом, это Херлок Шолмс, то есть некий феномен интуиции, наблюдательности, ясновидения и находчивости. Можно подумать, что природа развлеклась, взяв за образцы два типа

сыщиков — Дюпена Эдгара По[8] и Лекока Габорио[9], чтобы на свой лад создать нечто еще более экстраординарное и еще более фантастическое. И действительно, когда слышишь обо всех этих подвигах, которые сделали его знаменитым на весь мир, возникает вопрос, а не придуманный ли персонаж этот самый легендарный Херлок Шолмс, герой, родившийся живым в голове у какого-нибудь великого писателя, ну, у кого-то вроде Конан Дойла например.

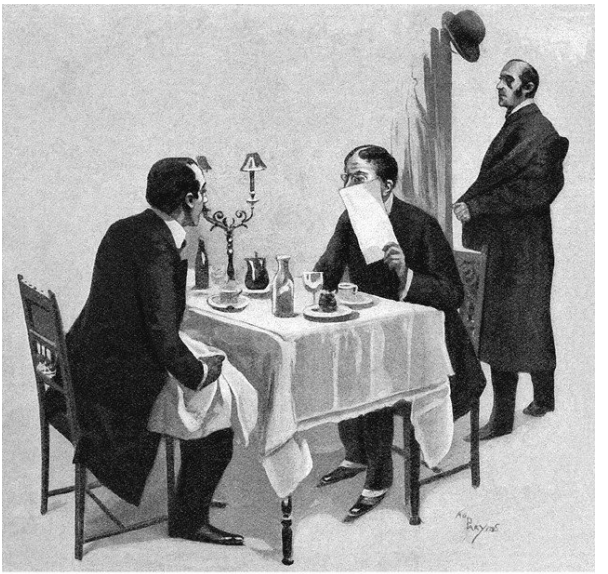
---

[8] Notes: 8

По Эдгар Аллан (1809–1849) — американский писатель, родоначальник детективной литературы. В рассказе «Убийство на улице Морг» (1841) он впервые создал образ детектива-любителя Дюпена, наделенного необыкновенными способностями к логическому анализу.

[9] Notes: 9

Габорио Эмиль (1832–1873) — французский писатель, чьи детективные произведения были очень популярны в XIX в. Во многих из них действует полицейский Лекок, который раскрывает преступления благодаря своей наблюдательности, пониманию психологии преступников, способности к перевоплощению.



Сразу же, поскольку Арсен Люпен спросил его о том, надолго ли он приехал, Херлок Шолмс взял быка за рога.

— Мое пребывание здесь целиком зависит от

вас, господин Люпен.

— О! — захохотал тот. — Если бы это зависело от меня, я бы попросил вас вечером отправиться обратно на том же пароходе.

— Сегодня вечером немного рано, но я надеюсь, что через неделю или дней через десять…

— Вы, стало быть, так спешите?

— Я веду сейчас много расследований: ограбление Англо-китайского банка, похищение леди Экклстон… А что, господин Люпен, как вы думаете, недели хватит?

— С лихвой, если вы собираетесь заниматься двойным делом о голубом бриллианте. Впрочем, именно столько времени и потребуется мне, чтобы принять некоторые предосторожности в том случае, если раскрытие этого двойного дела даст вам кое-какие опасные для моей безопасности преимущества.

— Да, но я как раз и рассчитываю, — сказал англичанин, — получить эти преимущества за неделю или за десять дней.

— И арестовать меня на одиннадцатый, быть может?

— На десятый, это крайний срок.

Люпен подумал и покачал головой:

— Трудно… трудно…

— Трудно, да, но возможно, значит наверняка удастся…

— Наверняка удастся, — сказал Вильсон, будто бы он сам отличился в целой серии операций, которые и приведут его коллегу к намеченной цели.

Херлок Шолмс улыбнулся:

— Вильсон, который хорошо во всем этом разбирается, здесь как раз для того, чтобы подтвердить вам, что именно так и будет.

И продолжал:

— Совершенно очевидно, что всех козырей у меня на руках нет, поскольку речь идет о событиях, произошедших много месяцев назад. Мне не хватает подробностей, каких-то деталей, наводящих на след, на которых я обычно строю свое расследование.

— Вроде пятен грязи и пепла сигареты, — важно произнес Вильсон.

— Но помимо замечательных выводов господина Ганимара, в моем распоряжении есть все газетные заметки, написанные по этому поводу, собраны все наблюдения и — как вывод из всего собранного мною — кое-какие собственные соображения по этому делу.

— Кое-какие намерения, которые возникли

у нас, когда мы анализировали произошедшее и строили гипотезы, — со значением добавил Вильсон.

— Не будет ли нескромным, — спросил Арсен Люпен тем почтительным тоном, которым он вообще говорил с Шолмсом, — не будет ли нескромным спросить вас, в целом какое у вас сложилось мнение?

Поистине, это было впечатляющее зрелище — видеть этих двоих рядом друг с другом, беседующих, опершись локтями о стол, степенно и основательно, словно они должны решить трудную задачу или прийти к общему выводу в ученом споре. Оба были в высшей степени ироничны, оба наслаждались этой своей ироничностью, оба — дилетанты, и оба — художники. Вильсон от удовольствия просто млел.

Херлок, не торопясь, набил трубку, закурил и сделал вот такое заявление:

— Надеюсь, что наше дело куда менее сложное, чем это кажется на первый взгляд.

— В самом деле, куда менее сложное, — повторил Вильсон, верное эхо Шолмса.

— Я говорю «дело», потому что считаю, что оно одно. Смерть барона д'Отрека, история с перстнем, и не будем забывать о тайне билета номер

пятьсот четырнадцать, серия двадцать три: все это сводится к тому, что можно назвать загадкой Белокурой дамы. Потому что, насколько я понимаю, речь идет о том, чтобы просто найти связь между тремя эпизодами одной и той же истории, выявить в них то самое, что доказывает единство применявшихся во всех трех случаях методов. Ганимар, чьи суждения довольно поверхностны, видит это общее в способности исчезать, в возможности приходить и уходить, оставаясь невидимым. Я не могу удовлетвориться объяснением, что мы имеем дело с чудесами.

— И что же?

— А то, — четко произнес Шолмс, — что все три эпизода характеризуются тем общим в них, что место действия всегда (и это очевидно, хотя до сих пор никем не подмечено) заранее умышленно выбрано вами. И с вашей стороны это больше чем план, это какая-то необходимость, условие *sine qua non*[10] успеха.

— Вы не могли бы поподробнее?..

— С легкостью. Итак, с самого начала вашей ссоры с господином Жербуа, разве не *очевидно,* что квартира мэтра Дэтинана, то есть место, где

---

[10] Notes: 10
Без чего нет *(лат.).*

вы все непременно должны были встретиться, была выбрана вами? Более надежного, на ваш взгляд, и быть не может, раз вы, можно сказать публично, назначаете там свидание Белокурой даме и мадемуазель Жербуа.

— Дочке учителя, — уточнил Вильсон.

— Теперь поговорим о голубом бриллианте. Пытались ли вы завладеть им раньше, с тех пор как он появился у барона д'Отрека? Нет. Но барон наследует после смерти брата этот особняк: шесть месяцев спустя — появление Антуанетты Бреа и первая попытка. Бриллиант ускользнул от вас, и продажа с большой помпой организована в отеле Друо. Будет ли свободной эта продажа? Получит ли самый богатый ценитель эту драгоценность? Отнюдь. В тот самый момент, когда банкир Гершманн должен стать его обладателем, некая дама передает ему письмо, в котором запугивает его, и вот уже бриллиант покупает графиня де Крозон, подготовленная этой самой дамой. Исчезает ли он тут же? Нет: у вас нет для этого возможности. И потому — пауза. Но графиня воцаряется в своем замке. Именно этого вы и ждали. Перстень исчезает.

— Чтобы вновь появиться в зубном порошке консула Блейшена. Странная аномалия, — воз-

разил Люпен.

— Бросьте, — воскликнул Шолмс, стукнув кулаком по столу, — мне-то не надо пересказывать этот вздор. Пусть дураки на этом попадаются, но не такая старая лиса, как я!

— Что значит?..

— Что значит…

Шолмс выждал минуту, словно хотел произвести эффект. Наконец он высказался:

— Голубой бриллиант, обнаруженный в зубном порошке, — фальшивый. Настоящий вы оставили у себя.

Арсен Люпен некоторое время молчал, затем, смотря прямо в глаза англичанину, просто сказал:

— Вы опасный человек, господин Шолмс.

— Действительно опасный человек, — подчеркнул Вильсон, замирая от восторга.

— Да, — подтвердил Люпен, — все проясняется, все видно в истинном свете. Ни один из следователей, ни один из журналистов, а они все буквально помешаны на этом деле, не подошел так близко к истине. Это чудо интуиции и логики.

— Подумаешь! — сказал англичанин, весьма польщенный похвалой такого ценителя. — Стоило только подумать.

— Стоило *уметь* думать, а так мало людей, которые на это способны! Но теперь, когда поле подозрений сузилось и почва расчищена…

— Теперь мне осталось только раскрыть, почему эти три события произошли в доме двадцать пять на улице Клаперон, в доме сто тридцать четыре на проспекте Анри Мартен и в стенах замка де Крозонов. Все дело в этом. Остальное — вздор, шарады для ребенка. А вы другого мнения?

— Точно того же.

— В таком случае, господин Люпен, разве я буду не прав, если еще раз повторю, что я справлюсь с этой работой за десять дней?

— Да, через десять дней вы все будете знать.

— И вы будете арестованы.

— Нет.

— Нет?

— Для того чтобы я был арестован, нужно такое невероятное стечение обстоятельств, такой каскад неудач, что я этой возможности просто не допускаю.

— То, чего не могут допустить обстоятельства и неудачи, сможет достичь воля и упорство человека, господин Люпен.

— Да, если воля и упорство другого человека не противопоставят ему непобедимые препятствия.

— Непобедимых препятствий не существует, господин Люпен.

Они обменялись долгим взглядом, ни один ни другой с вызовом не смотрел, оба были спокойны и полны отваги. Это было звонкое скрещение шпаг перед боем. Чистое и честное.

— В добрый час! — воскликнул Люпен. — Вот это человек! Противник — да, это редкая птица, да к тому же Херлок Шолмс! Вот будет забава!

— Вы не боитесь? — спросил Вильсон.

— Почти нет, господин Вильсон, и доказательство тому, — сказал, поднимаясь, Люпен, — что я поспешу отступить… и не рисковать быть застигнутым врасплох. Так мы говорили о десяти днях, господин Шолмс?

— Да, десять дней. Сегодня воскресенье. Считая со среды — неделя, и все будет закончено.

— И я буду в наручниках?

— Без малейшего сомнения.

— Черт возьми! А мне-то так нравится моя спокойная жизнь. Никаких неприятностей, свежий ветерок одного-другого дела, полицию к черту, и к тому же приятное ощущение всеобщей симпатии, окружающей меня… И все это менять! Наконец-то другая сторона медали… После хорошей погоды — дождь… Тут уж не до смеха.

Прощайте!

— Поспешайте, поспешайте, — сказал Вильсон, полный внимания к человеку, с которым Шолмс явно считался, — не теряйте ни минуты.

— Ни минуты, господин Вильсон, только то время, которое требуется, чтобы сказать, насколько я счастлив познакомиться с вами и насколько я завидую мэтру, у которого есть такой ценный помощник, как вы.

Они чинно раскланялись, как два противника на дуэли, не питающие друг к другу ненависти, но волею судьбы обязанные биться до конца. И Люпен, схватив меня за руку, потащил на улицу.

— Что вы на это скажете, дорогой мой? Вот пища, которая украсит ваши мемуары обо мне.

Он закрыл за собой дверь ресторана и через несколько шагов остановился.

— Вы курите?

— Нет, но, насколько я понял, вы тоже не курите.

— Тоже не курю.

Он закурил и несколько раз помахал спичкой, прежде чем она погасла. Однако он тут же бросил сигарету, побежал через шоссе и подошел к двоим, вынырнувшим из тени, словно по его зову. Поговорив с ними пару минут, он вернулся

ко мне.

— Прошу вашего прощения, этот чертов Шолмс еще задаст мне жару. Но клянусь вам, он с Люпеном не покончил… О черт, он еще узнает, на что я способен… До свидания… Неотразимый Вильсон прав, я не могу терять ни минуты.

И он быстро удалился.

Так закончился этот странный вечер, по крайней мере та часть его, к которой я оказался причастен. Потому что в последовавшие затем часы произошло много другого, о чем я узнал от других сотрапезников, ужинавших вместе с нами, что и дало мне счастливую возможность восстановить детальный ход событий.

В ту самую минуту, когда меня покидал Люпен, Херлок Шолмс вынул из кармана часы и, в свой черед, поднялся со стула:

— Без двадцати девять. Ровно в девять я должен встретиться на вокзале с графом и графиней.

— В путь! — воскликнул Вильсон, опрокидывая одну за другой две стопки виски.

Они вышли.

— Вильсон, не оборачивайтесь… Возможно, за нами следят; в таком случае будем вести себя так, словно нам до этого нет никакого дела… Скажите, Вильсон, как вы думаете, зачем Люпен зашел в

этот ресторан?

Вильсон, не колеблясь, ответил:

— Чтобы поужинать.

— Вильсон, чем больше мы с вами вместе работаем, тем больше мне видно, как вы растете над собой. Ей-богу, вы становитесь просто удивительным.

В сумеречном уличном свете Вильсон покраснел от удовольствия, и Шолмс заговорил снова:

— Быть может, для того, чтобы поесть, но, вполне вероятно, и для того, чтобы убедиться, что я действительно еду в Крозон, как сообщил Ганимар в своем интервью. Я, стало быть, еду, чтобы он так и думал. Но поскольку мне надо выиграть у него время, я не еду.

— Хм! — озадаченно хмыкнул Вильсон.

— А вы, мой друг, идите по этой улице, возьмите машину, одну, другую, третью. Попозже зайдите за чемоданами, которые мы с вами оставили в камере хранения, и галопом в «Палас-отель» на Елисейских Полях.

— А что в «Паласе»?

— Возьмите номер, ложитесь и крепко спите в ожидании инструкции от меня.

Гордый от сознания роли, отведенной ему, Вильсон удалился. Херлок Шолмс купил билет и пошел к амьенскому экспрессу, где его уже ждали граф и графиня де Крозон.

Он лишь поприветствовал их и, раскурив вторую трубку, спокойно стоял в тамбуре.

Поезд тронулся. Через десять минут Херлок Шолмс сел возле графини и сказал ей:

— Перстень у вас с собой, сударыня?

— Да.

— Будьте любезны, дайте мне его, пожалуйста.

Взяв перстень, он внимательно осмотрел его.

— Так я и думал, бриллиант — восстановленный.

— Восстановленный?

— Да, это такая новая технология, она состоит в том, что бриллиантовую пыль при огромных

температурах расплавляют и… ее остается лишь соединить в один камень.

— Как? Но ведь мой бриллиант натуральный.

— Ваш — да, но этот — не ваш.

— А где же тогда мой?

— У Арсена Люпена.

— Откуда же взялся этот?

— Его подложили вместо вашего в зубной порошок господина Блейшена, где вы его и нашли.

— Так, значит, он — фальшивый?

— Совершенно верно.

Потрясенная и озадаченная, графиня замолчала, граф недоверчиво крутил в руках перстень. В конце концов она прошептала:

— Возможно ли такое? Но почему же его попросту не украли? И потом, как им завладели?

— Именно это я и попытаюсь выяснить.

— В замке Крозон?

— Нет, я сойду в Крее и вернусь в Париж. Эта моя партия с Арсеном Люпеном должна быть сыграна там. Собственно, можно было бы сражаться на любой территории, но предпочтительнее, чтобы он думал, что я в отъезде.

— И все-таки…

— Какая вам разница, сударыня? Главное ведь — ваш бриллиант, разве нет?

— Да.

— Так и не волнуйтесь. Я тут взялся за дело куда более сложное. Даю вам слово Херлока Шолмса — подлинный бриллиант я вам верну.

Поезд замедлял ход. Шолмс взял перстень, положил его к себе в карман и открыл дверцу. Граф испугался:

— Но вы сходите не с той стороны, там же поезда!

— Если Люпен организовал за мной слежку, я таким образом собью их со следа. Прощайте.

Проводник тщетно пытался помешать ему. Англичанин направился прямо к начальнику вокзала. Пятьюдесятью минутами позже он сел на поезд, который незадолго до полуночи прибывал в Париж.

Он пробежал сквозь здание вокзала, вернулся через буфет, вышел из другой двери и вскочил в фиакр:

— Кучер, на улицу Клаперон.

Убедившись, что за ним никто не следит, он остановил фиакр в начале улицы и тщательнейшим образом изучил дом мэтра Дэтинана и два дома, прилегавшие к нему. Размеренными шагами он определил какие-то расстояния и записал какие-то цифры и данные в свою книжечку.

— Кучер, на проспект Анри Мартен.

На углу проспекта и улицы Помп он отпустил фиакр, дошел по тротуару до дома номер 134 и произвел те же измерения у особняка д'Отрека и у двух зданий, расположенных по обе стороны от него, изучив ширину каждого фасада и высчитав глубину палисадников.

Улица была совершенно пустынной и очень темной: деревья росли на ней в четыре ряда, и газовые фонари, изредка попадавшиеся между ними, казалось, тщетно сражались с густотой наступившей ночи. Часть особняка была освещена одним из фонарей, и Шолмс увидел табличку «сдается внаем», висевшую на воротах, две запущенные аллеи с лужайкой посередине и огромные пустые окна нежилого дома.

«Да, верно, — подумал он, — после смерти барона жильцов здесь нет… О, если б я мог войти и нанести сюда свой первый визит!»

Достаточно было этой идее осенить его, как он тут же решился ее осуществить. Но как? Высота ограды исключала всякую возможность преодоления ее, и Шолмс вынул из кармана электрический фонарик и отмычку, которая всегда была при нем. Однако, к своему огромному изумлению, он заметил, что одна из створок во-

рот приоткрыта. Он проник в сад, внимательно проследив за тем, чтобы створка не закрылась за ним. Но не сделав и двух шагов, он остановился. В окне третьего этажа мелькнул свет.

Затем свет промелькнул и во втором, и в третьем окне, но ему удалось разглядеть лишь чей-то силуэт на фоне стен комнат. После этого свет появился на втором этаже и довольно долго мелькал то в одной, то в другой комнате.

«Что за дьявол гуляет в час ночи по дому, где был убит барон д'Отрек?» Шолмс, страшно заинтригованный, терялся в догадках.

Был только один способ выяснить, кто же это, а именно самому войти туда. Он не раздумывал. Но в тот момент, когда англичанин шел к подъезду, он попал в полосу света, отбрасываемого газовым фонарем, и человек в доме, должно быть, заметил его, потому что свет тут же погас и больше не появлялся.

Он осторожно толкнул парадную дверь. Она тоже была отперта. Не слыша ни звука, он рискнул погрузиться в темноту, нашел перила лестницы и поднялся на один этаж. Все та же тишина, та же темнота.

Оказавшись на площадке лестничной клетки, он открыл дверь в комнату и подошел к белею-

щему в слабом ночном освещении окну. Внизу Шолмс увидел человека, спустившегося, без всяких сомнений, по другой лестнице и вышедшего из другой двери; проскользнув налево, он крался вдоль кустов, росших у стены, отгораживавшей соседний сад.

— Черт побери, — воскликнул Херлок Шолмс, — я же его упускаю!

Он сбежал с лестницы и вышел из дома с твердым намерением не дать этому человеку скрыться. Но внизу никого уже не было, и только через несколько секунд ему удалось различить в кустах какое-то более темное и не совсем неподвижное пятно.

Англичанин размышлял. Почему незнакомец не убежал, ведь это было так несложно? Быть может, он застыл в неподвижности и наблюдает, в свою очередь, за тем, кто помешал ему сделать его таинственное дело?

«Во всяком случае, — подумал он, — это не Люпен. Люпен был бы более ловок. Кто-то из его банды».

Минули долгие минуты. Херлок замер, уставившись на противника, следившего за ним самим. Но поскольку этот противник тоже замер, а Шолмс был не из тех, кто будет томиться от

скуки в бездействии, он проверил, в порядке ли барабан его револьвера, вынул кинжал из ножен и двинулся прямо на врага с той холодной отвагой и презрением к опасности, которые и делают Херлока Шолмса таким грозным.

Раздался сухой треск: человек заряжал револьвер. Херлок бросился на него. Тот не успел даже обернуться; англичанин уже повалил его на землю. Была жестокая, отчаянная схватка: Херлок понимал, что противник пытается достать нож. Но, ожесточенный мыслью о скорой победе и бешеным желанием сразу же захватить соучастника Арсена Люпена, он чувствовал в себе силы нечеловеческие. Он опрокинул противника наземь, налег на него всем своим телом и, лишив его возможности даже пошевелиться, словно когтями хищной птицы своими пятью пальцами впился несчастному в горло, а свободной рукой, нащупав фонарик, нажал кнопку и осветил лицо своего пленника.

— Вильсон! — взвыл он, вне себя от ужаса.

— Херлок Шолмс! — прошептал тот хриплым, замогильным голосом.

Совершенно подавленные, оба они, вцепившись друг в друга, долго не могли вымолвить ни слова, в головах их было пусто. Вдруг автомо-

бильный клаксон пронзил тишину. По деревьям пробежал ветерок. Шолмс так и не шелохнулся, по-прежнему сжимая своей пятерней горло Вильсона, хрипевшего все слабее.

Вдруг Шолмс в приступе гнева отпустил друга, но тут же схватил его за плечи и в бешенстве стал трясти.

— Что вы здесь делаете? Отвечайте же!.. Что?!! Я что, велел вам зарыться в кусты и шпионить за мной?

— Шпионить за вами? — простонал Вильсон. — Но я же не знал, что это вы.

— В чем тогда дело? Что вы здесь делаете? Вы должны были лечь спать.

— Я лег.

— Надо было спать!

— Я спал.

— Нечего было просыпаться!

— Но ваше письмо…

— Мое письмо?..

— Ну да, которое мне от вас принес в отель рассыльный.

— От меня? Вы что, с ума сошли?

— Клянусь вам.

— Где это письмо?

Друг протянул листок бумаги. Осветив его сво-

им фонариком, Шолмс в полном оцепенении прочел:

> *Вильсон, встаньте немедленно и отправляйтесь на проспект Анри Мартен. Дом пуст. Войдите, осмотрите там все, составьте точный план и возвращайтесь в постель.*
>
> ***Херлок Шолмс***

— Я как раз делал измерения в комнатах, когда заметил в саду какую-то тень. У меня была только одна мысль…

— Схватить тень… Идея блестящая… Только, видите ли, — сказал Шолмс, помогая своему помощнику встать на ноги, — в другой раз, когда получите от меня письмо, убедитесь сначала, что почерк мой не подделан.

— Но в таком случае, — сказал Вильсон, только начиная соображать, в чем дело, — стало быть, письмо было не от вас?

— Увы! Нет.

— А от кого же?

— От Арсена Люпена.

— А зачем он написал его?

— О, этого я совсем не знаю, именно это меня и тревожит. Почему, черт возьми, он дал себе труд

побеспокоить вас? Если бы речь шла обо мне, я бы еще понял, но речь идет только о вас. Вот я и думаю, какой интерес…

— Мне не терпится вернуться в отель.

— Мне тоже, Вильсон.

Они подошли к воротам. Вильсон, почувствовав себя вожаком, взялся за засов и потянул его.

— Смотрите-ка, — сказал он, — вы закрыли ворота?

— Никоим образом, я оставил створку приоткрытой.

— И тем не менее…

Херлок тоже попробовал взяться за засов и кинулся к замку. У него вырвалось ругательство:

— Гром и молния! Заперто! Заперто на ключ!

Он что было сил принялся расшатывать ворота, затем, поняв тщетность своих усилий, в растерянности опустил руки и сказал, чеканя слова:

— Теперь-то мне все понятно, это он! Он предвидел, что я сойду в Крее, и на тот случай, если я решу начать расследование прямо сегодня, устроил мне очаровательную ловушку. Да еще был настолько мил, что послал мне спутника, чтобы я не скучал в заточении. И все это для того, чтобы я потерял день, ну и, конечно, для того, чтобы доказать мне, что лучше бы я не совался

в его дела…

— Иначе говоря, мы — его пленники.

— Вот-вот, вы сказали именно то слово. Херлок Шолмс и Вильсон — пленники Арсена Люпена. Отличное начало для наших приключений… Но нет, нет, нельзя же допустить…

На его плечо опустилась рука, это была рука Вильсона.

— Наверху… Посмотрите наверх… там свет…

И действительно, светилось одно из окон второго этажа.

Они опрометью бросились туда, каждый своей лестницей, и одновременно оказались у дверей освещенной комнаты. В центре ее горел огарок свечи. Рядом стояла корзинка, из нее торчали две куриные ножки, батон и горлышко бутылки.

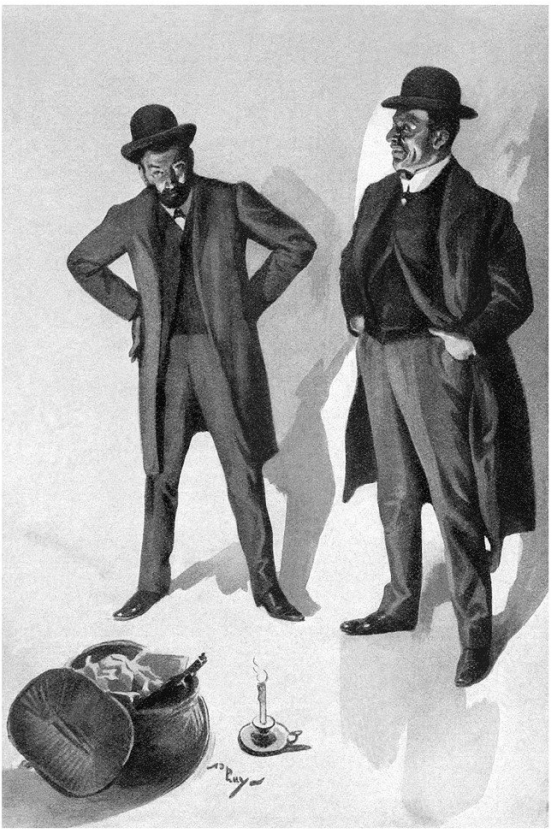
Шолмс расхохотался:

— Отлично, нам предлагают поужинать. Прямо дворец чудес. Настоящая феерия! Ну же, Вильсон, что у вас за похоронная физиономия! Все это очень забавно.

— Вы уверены, что это очень забавно? — проскрипел Вильсон довольно мрачно.

— Да, совершенно уверен, — воскликнул Шолмс, с веселостью, несколько избыточной для того, чтобы быть искренней, — то есть я никогда

ничего более забавного просто не видел. Удачная работа в жанре комедии… Ну и блестящий же сатирик этот Арсен Люпен!.. Он тебя в дураках оставляет, но как изящно!.. Ни за какое золото мира я бы не отдал своего места на этом пиршестве… Вильсон, старый мой дружище, вы меня огорчаете. Я бы презирал себя… да неужели нет в вас ни капли благородства характера, которое позволяет переносить несчастья? Ну, на что вы жалуетесь? Вот только сейчас я мог вам всадить в горло кинжал, или вы мне свой… вы ведь именно это хотели сделать, плохой вы друг.



Ему удалось наконец своими шутками и саркастическими замечаниями вернуть к жизни несчастного Вильсона и заставить его проглотить стакан вина и съесть куриную ножку. Но когда свеча догорела и им пришлось улечься на пол, а вместо подушки довольствоваться стеной, жалкое и смешное их положение стало для них очевидным. И сон их был безрадостным.

Утром Вильсон проснулся разбитым и закоченевшим. Легкий шум привлек его внимание: Херлок Шолмс, на коленях, сложившись пополам, с лупой исследовал пылинки и следы меловых, почти стершихся отметок, оставшихся от цифр, и цифры эти записывал в свою книжечку.

В сопровождении Вильсона, которому на этот раз было особенно интересно, что делает Шолмс, Херлок изучил каждую комнату и в двух других нашел те же отметки, сделанные мелом. Он заметил также два круга на дубовых панелях, стрелку на одном из лепных украшений и четыре цифры на четырех ступеньках лестницы.

Через час Вильсон сказал ему:

— Цифры ведь точные, правда?

— Точные ли, я не знаю, — ответил Херлок, которому собственные открытия вернули прекрасное расположение духа, — но что-нибудь

они да значат.

— Кое-что очень простое, — сказал Вильсон, — это количество паркетин.

— О!

— Да. Что до двух кругов, так они обозначают, что эти панели не настоящие, и вы легко можете в этом убедиться, а стрелка указывает направление к подъемнику для подачи блюд.

Херлок Шолмс в восхищении смотрел на него.

— Ах, вот оно что, но, дружище, откуда вы все это знаете? Ваше ясновидение смущает меня, мне почти стыдно.

— О, это очень просто, — сказал Вильсон, пыжась от гордости, — это все я вчера разметил, следуя вашим же инструкциям… точнее, инструкциям Арсена Люпена, потому что письмо от вас было написано им.

Быть может, в эту минуту Вильсону грозила еще более страшная опасность, чем во время схватки в кустах. На Шолмса накатило бешеное желание задушить Вильсона. Беря себя в руки, он изобразил нечто вроде улыбки и произнес:

— Прекрасно, прекрасно, вот это отличная работа, главное, она сильно продвигает дело. Ваши восхитительные способности к анализу и ваша наблюдательность принесли еще какие-нибудь

плоды? Я бы воспользовался достигнутым вами.

— Нет, ей-богу, я только это и сделал.

— А жаль! Такое многообещающее начало. Но раз так, нам ничего другого не остается, как уйти восвояси.

— Уйти! Но как?

— Как обычно уходят все добрые люди: через дверь.

— Но она закрыта.

— Ее откроют.

— Кто?

— А вы позовите вон тех двух полицейских, которые прохаживаются по проспекту.

— Но…

— Что «но»?

— Но это весьма унизительно… Что скажут, когда выяснится, что вы, Херлок Шолмс, и я, Вильсон, были пленниками Арсена Люпена?

— Чего же вы хотите, дорогой мой, — ответил Шолмс, — все будут хохотать, держась за бока. Но ведь мы не можем избрать этот дом своим местожительством.

— И вы не попытаетесь ничего предпринять?

— Нет.

— И все-таки ведь человек, принесший нам корзинку с провизией, не проходил через сад — ни

туда, ни обратно. Стало быть, существует другой выход. Поищем его, и у нас не будет необходимости обращаться за помощью к полицейским.

— Довольно резонно. Только вы забываете о том, что этот выход вся парижская полиция искала целых шесть месяцев, да и я, пока вы спали, обошел особняк сверху донизу. Ах, бедный мой Вильсон, Арсен Люпен — та дичь, к которой мы не приучены. Этот человек лазеек за собой не оставляет…

…В одиннадцать часов Херлок Шолмс и Вильсон были освобождены… и отведены в ближайший полицейский участок, где комиссар, сурово допросив, отпустил их, отчаянно им сочувствуя.

— Очень сожалею, господа, по поводу того, что с вами произошло. У вас будет прискорбное мнение о французском гостеприимстве. Боже мой, какую ночь вам пришлось пережить! Ах, у этого Люпена нет никакого почтения.

Фиакр отвез их в «Палас-отель» на Елисейских Полях. Вильсон попросил ключ от своего номера.

Поискав его, портье, очень удивившись, сказал:

— Но, сударь, вы же сдали номер.

— Я! Каким образом?

— Сегодня утром письмо от вас нам принес

ваш друг.

— Какой друг?

— Который вручил ваше письмо… Постойте-ка, вот ваша визитная карточка, она прикреплена к этому письму. Держите.

Вильсон взял письмо и визитную карточку. Это действительно была одна из его визитных карточек, а письмо было написано его почерком.

— Господи боже, — прошептал он, — еще одна мерзкая выходка.

И с тревогой добавил:

— А наши вещи?

— Ваш друг унес их.

— И вы все отдали ему?

— Разумеется, ваша визитная карточка давала нам на это право.

— В самом деле… В самом деле…

И они пошли вдвоем куда глаза глядят, вдоль по Елисейским Полям, медленно и молча. Улица была красиво освещена осенним солнцем. Воздух был приятен и свеж.

Дойдя до круга, Херлок закурил трубку и пошел дальше. Вильсон воскликнул:

— Я не понимаю вас, Шолмс, вы так спокойны! Над вами издеваются, играют с вами, как кошка с мышкой… А вы не говорите ни слова!

Шолмс остановился и сказал ему:

— Вильсон, я думаю о вашей визитной карточке.

— И что же?

— А то, что этот человек, зная, что ему предстоит борьба с нами, обзавелся образцами вашего и моего почерков и теперь у него в бумажнике всегда наготове одна из ваших карточек. Вот и подумайте, какая предусмотрительность, какая проницательность, какие методы и какая организованность у него во всех действиях!

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, Вильсон, что сражаться с врагом, который так блистательно вооружен, так замечательно подготовлен, и победить его — надо быть… надо быть мной. И еще, как вы могли убедиться, Вильсон, — добавил он, смеясь, — с первого раза это не получается.

В шесть часов в вечернем выпуске «Эко де Франс» появилась такая заметочка:

> Сегодня утром господин Тэнар, комиссар полиции Шестнадцатого округа, освободил господ Херлока Шолмса и Вильсона, заточенных стараниями Арсена Люпена в особняке покойного барона

д'Отрека, где они прекрасно провели ночь.

Лишившись, сверх всего, своих чемоданов, они подали в суд на Арсена Люпена.

Арсен Люпен, который на этот раз довольствовался тем, что преподнес им небольшой урок, умоляет их не заставлять его прибегать к более суровым мерам.

— Фу, — фыркнул Херлок Шолмс, скомкав газеты, — что за мальчишество! Это мой единственный упрек Люпену... слишком много ребячества... Галерка зря на него ставит... В этом человеке сидит уличный мальчишка!

— Так что же, Херлок, все то же спокойствие?

— Да, все то же спокойствие, — ответил Шолмс, и голос его прозвучал ужасающе гневно. — Какого черта вы действуете мне на нервы? Я АБСОЛЮТНО УВЕРЕН В ТОМ, ЧТО ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО — ЗА МНОЙ!

Глава четвертая
Немного света в сумерках

Какова бы ни была закалка у человека, а Шолмс — один из тех, перед кем невезение попросту бессильно, — бывают такие обстоятельства, перед лицом которых самый бесстрашный нуждается в том, чтобы как-то собраться, прежде чем снова испытать свои шансы в борьбе.

— У меня сегодня выходной, — сказал он.

— А у меня?

— Вы, Вильсон, купите одежду и белье, чтобы у нас было во что одеться. А я в это время отдохну.

— Отдыхайте, Шолмс. Я начеку.

Вильсон произнес эти слова со всей значительностью часового, поставленного на аванпост и потому подвергающегося наихудшим опасностям. Он прогнулся. Мускулы его напряглись. Орлиным взором он обозрел скромное пространство гостиничной комнаты, где они поселились.

— Будьте начеку, Вильсон. Я воспользуюсь этим, чтобы выработать план, более подходящий для того противника, с которым нам предстоит сразиться. Понимаете, Вильсон, мы с вами

недооценили Арсена Люпена. Нужно все начать сначала.

— И даже раньше, если это возможно. Но хватит ли нам времени?

— Девять дней, старый мой друг! Пять из них даже лишние.

Все послеобеденное время англичанин курил и спал. И только наутро приступил к выполнению намеченных операций.

— Вильсон, я готов, мы теперь можем идти.

— В путь, — воскликнул Вильсон, полный воинственности. — Только признаюсь, у меня мурашки по коже.

У Шолмса были три долгие беседы — вначале с мэтром Дэтинаном, чьи апартаменты он изучил в мельчайших подробностях; с Сюзанной Жербуа, он вызвал ее телеграммой и долго расспрашивал о Белокурой даме; и, наконец, с сестрой Августой, которую он нашел в обители Пресвятого Посещения, куда она удалилась после убийства барона д'Отрека.

После каждого разговора Вильсон, в разговорах не участвовавший, спрашивал Шолмса:

— Вы довольны?

— Очень доволен.

— Я и не сомневался. Мы на верном пути.

Идемте.

Они много ходили. Посетили оба здания, соседствующие с особняком на проспекте Анри Мартен, потом прошлись до улицы Клаперон, и тут, осматривая фасад дома № 25, Шолмс сказал:

— Совершенно очевидно, что между всеми этими домами существуют потайные ходы… Но чего я не могу понять, так…

В глубине души (и впервые в жизни) Вильсон усомнился во всемогуществе своего гениального друга. Почему он столько говорил и так мало действовал?

— Почему? — воскликнул Шолмс, отвечая на сокровенные мысли Вильсона. — Да потому, что с этим чертовым Люпеном работаешь, словно в вакууме, наудачу, и вместо того, чтобы доискиваться до истины, исходя из точных фактов, нужно извлекать ее из собственных мозгов, а потом проверять, приложима ли она к произошедшим событиям.

— И все-таки как же с потайными ходами?

— А что потайные ходы! Даже когда я их найду, найду тот, который позволил Арсену Люпену войти к своему адвокату, или тот, которым ушла Белокурая дама после убийства барона д’Отрека, чего я достигну? Будет ли у меня возможность

атаковать его?

— Будем атаковать, — воскликнул Вильсон.

Не успев договорить эти слова, он с криком отшатнулся. Что-то тяжелое упало к их ногам, это был мешок с песком, который мог серьезно покалечить их.

Шолмс поднял голову, рабочие что-то делали на лесах, укрепленных на балконе шестого этажа.

— Ничего себе, — воскликнул он, — нам повезло, сделай мы еще один шаг, и эти нескладехи уронили бы мешок нам прямо на голову. И впрямь можно подумать…

Он резко замолчал, бросился к дому, взбежал на шестой этаж, позвонил, ворвался, страшно напугав слугу, в комнату и вышел на балкон. Там никого не было.

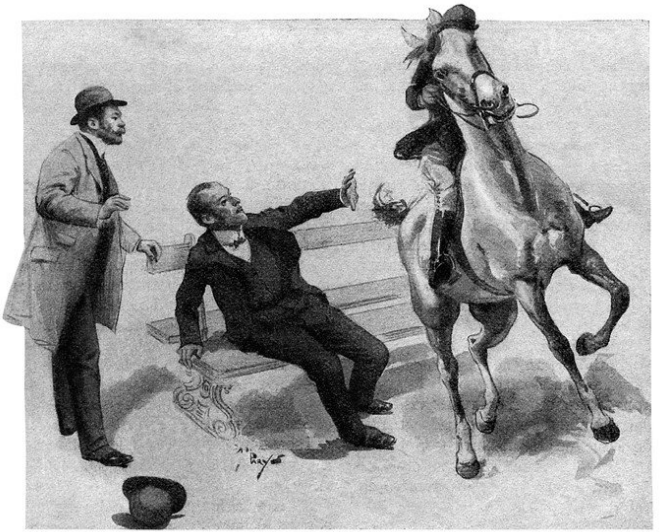
— А где рабочие?.. — спросил он слугу.

— Они только что ушли.

— Но как они вышли?

— Черным ходом.

Шолмс склонился вниз. Он увидел двоих, вышедших из дома и взявшихся за рули велосипедов. Они сели на них и тут же исчезли из виду.



— И давно они на этих лесах работают?

— Эти-то? Да они только сегодня появились. Новенькие.

Шолмс спустился к Вильсону.

Они в мрачном настроении вернулись к себе,

и этот второй день закончился в гробовом молчании.

На следующий день — та же программа. Они сели на ту же скамейку на проспекте Анри Мартен и, к великому отчаянию Вильсона, которого все это никак не развлекало, бесконечно сидели напротив трех зданий.

— На что вы надеетесь, Шолмс? Что Люпен выйдет из одного из этих домов?

— Нет.

— Что появится Белокурая дама?

— Нет.

— На что же в таком случае?

— В таком случае я надеюсь, что что-нибудь да произойдет и тогда мне будет за что зацепиться.

— А если ничего не произойдет?

— Тогда во мне что-нибудь наконец произойдет, какая-нибудь искорка мелькнет, от которой вспыхнет порох.

И только один инцидент нарушил монотонность этого утра, но нарушил довольно неприятным образом.

Лошадь какого-то господина, двигавшегося по ездовой аллее посреди мостовой, вдруг рванулась к тротуару и едва не снесла скамейку, где они сидели, и крупом задела Шолмса за плечо.

— Ну-ну! — ухмыльнулся он. — Еще немного, и плечо у меня было бы сломано!

Всадник ругал свою лошадь. Англичанин схватил револьвер и прицелился. Но Вильсон живо схватил его за руку:

— Вы с ума сошли, Херлок! Смотрите-ка… вы что! Вы же убьете этого джентльмена!

— Отпустите меня, Вильсон, ну, отпустите же.

Завязалась борьба, а тем временем человек справился со своей лошадью и пришпорил ее.

— А теперь стреляйте, — торжествующе воскликнул Вильсон, когда всадник был уже довольно далеко от них.

— Послушайте, вы, трижды идиот, вы что, не понимаете, что это был один из соучастников Арсена Люпена?

Шолмс дрожал от гнева. Вильсон, ставший весьма жалким, прошептал:

— Что вы такое говорите? Этот джентльмен?..

— Соучастник Люпена, как и рабочие, сбросившие мешок с песком нам на голову.

— Но это невероятно!

— Вероятно это или нет, но у нас была возможность получить доказательства.

— Убив этого джентльмена?

— Да просто-напросто сбив с ног его лошадь.

Если бы не вы, я бы поймал соучастника Арсена Люпена. Вы понимаете теперь, какую глупость сделали?

Весь день они угрюмо промолчали, не сказав друг другу ни слова. В пять часов, когда они прохаживались по улице Клаперон, помня, что от домов надо держаться подальше, путь им преградили трое молодых рабочих; они пели, держась за руки, и решительно не собираясь расцепляться, так и шли дальше. Шолмс, у которого было плохое настроение, не захотел уступать им дорогу. Завязалась потасовка. Шолмс, приняв боксерскую позу, двинул кулаком одному в грудь, другому в лицо и уложил двоих из молодых людей, которые, не ввязываясь дальше в драку, вместе с третьим своим приятелем удалились прочь.

— О, — воскликнул Шолмс, — теперь я себя чувствую получше. У меня нервы были слишком натянуты… я отлично размялся…

Однако, заметив, что Вильсон прислонился к стене, он спросил его:

— Ну что? В чем дело, дружище, вы так сильно побледнели?

Дружище показал безжизненно повисшую руку и прошептал:

— Не знаю, что это со мной… рука болит.

— Рука болит? И сильно?

— Да… очень… правая…

Несмотря на все усилия, Вильсон пошевелить ею не мог. Херлок ощупал руку, вначале осторожно, потом довольно основательно, «чтобы понять, — как он сказал, — насколько сильна боль». Боль была настолько сильной, что они, обеспокоенные этим, пошли в соседнюю аптеку, где Вильсон свалился в обморок.

Аптекарь и его помощники не стали терять времени даром. Выяснилось, что рука у Вильсона сломана, тут же стало понятно, что без хирурга не обойтись и даже, быть может, нужна операция и, во всяком случае, клиника. А пока пациента раздевали, он, измученный страданиями, просто выл от боли.

— Ладно… ладно… отлично… — приговаривал Шолмс, поддерживая руку Вильсона, — немного терпения, дружище… через пять-шесть недель все у вас пройдет… Но они мне за это заплатят, негодяи! Слышите… особенно он… потому что это все фокусы злосчастного Люпена… О, клянусь вам, если когда-нибудь…

Он вдруг замолк, отпустил руку Вильсона (что причинило несчастному такую резкую боль, что он опять упал в обморок)… и, стукнув себя по лбу,

проговорил:

— Вильсон, мне вот что пришло в голову… разве это может быть случайным?..

Он замер, уставился в одну точку и пробормотал какие-то обрывки фраз.

— Ну да… все дело в этом, все тогда объяснимо… Ищешь где-то далеко, а оно тут, под боком… Я же знал, черт побери, что стоило только как следует подумать… О! Бедный мой Вильсон, вы, я полагаю, будете довольны!

И, бросив старого товарища, он выскочил на улицу и побежал к дому № 25.

Справа, кверху от двери, на одном из камней значилось: «Архитектор Дестанж, 1875».

На доме № 25 — та же надпись.

Пока что в этом не было ничего особенного. Но что он прочтет на проспекте Анри Мартен?

Мимо проезжал фиакр.

— Кучер, проспект Анри Мартен, дом 134, и галопом.

Стоя в фиакре, он погонял лошадь криком, обещал большие чаевые кучеру. Быстрее!.. Еще быстрее!

На углу улицы де-ля-Помп, когда они заворачивали, нетерпению его границ уже не было! Неужели ему наконец что-то открылось?

На одном из камней особняка было выгравировано: «Архитектор Дестанж, 1874».

На соседних домах — та же надпись: «Архитектор Дестанж, 1874».

Пережитое волнение на несколько минут совсем лишило его сил, и он, сидя в глубине фиакра, дрожал от радости. Наконец-то в сумерках забрезжил свет! В самой глубине темного леса, где скрещивались тысячи тропок, он нашел-таки первую зарубку врага, напал на его след!

В ближайшем почтовом отделении он заказал разговор с замком Крозон. Графиня сама взяла трубку:

— Алло!.. Это вы, сударыня?

— А это господин Шолмс, не так ли? У вас все в порядке?

— Да, все очень хорошо, но это очень спешно, скажите мне, пожалуйста… алло… только одно слово…

— Слушаю вас.

— Когда был построен ваш замок?

— Он сгорел тридцать лет назад и был перестроен.

— Кем? И в каком году?

— Надпись у парадных дверей гласит: «Архитектор Люсьен Дестанж, тысяча восемьсот

семьдесят семь».

— Благодарю вас, сударыня, всего вам доброго.

Он вышел на улицу, тихо бормоча:

— Дестанж… Люсьен Дестанж… что-то вроде бы знакомое?

Заметив неподалеку читальню, он заглянул в энциклопедический словарь биографий современников и списал заметку, посвященную «Люсьену Дестанжу, родившемуся в 1840 году, лауреату „Гран-при“ города Рима, кавалеру ордена Почетного легиона, автору выдающихся трудов по архитектуре… и так далее и тому подобное».

Затем он отправился в аптеку, а оттуда — в больницу, куда доставили Вильсона. На своем ложе пыток, с закованной в гипс рукой, мечущийся в жару, старый друг Шолмса бредил.

— Победа! Победа! — воскликнул Шолмс. — Я ухватил нить.

— Какую нить?

— Ту, которая приведет меня к намеченной цели! Теперь я на твердой почве, а на ней будут и отпечатки, и следы, указывающие верный путь…

— Пепел от сигареты? — спросил Вильсон; услышанное пробудило в нем жизненные силы.

— И много всего другого! Вы только подумайте,

Вильсон, я докопался до таинственной связи, роднящей все происшествия, в которых замешана Белокурая дама. Почему именно эти дома выбрал Арсен Люпен?

— Да, почему?

— Потому что все три дома, Вильсон, строил один и тот же архитектор. Скажете, легко было догадаться? Конечно… А вот никто об этом и не подумал.

— Никто, кроме вас.

— Кроме меня, который теперь знает, что один и тот же архитектор, используя при строительстве домов одни и те же планы, сделал возможным осуществление всех трех преступлений; по виду они совершенно загадочны, по сути — просто и легко осуществимы…

— Какое счастье!

— Да, а ведь было время, дружище, я совсем начинал терять терпение… У нас ведь уже идет четвертый день.

— Из десяти…

— О! Отныне…

Он не мог усидеть на месте, против своего обыкновения возбужденный и веселый.

— Нет, ну надо же, я вот думаю, ведь тогда, на улице, эти негодяи мне тоже могли сломать руку,

как и вам. Что вы на это скажете, Вильсон?

Вильсон весь задрожал при этом ужасном предположении.

Шолмс заговорил снова:

— Этот урок должен сослужить нам хорошую службу! Видите ли, Вильсон, главная наша ошибка — в том, что мы вышли на Люпена с открытым забралом и услужливо подставились под его удары. Но это пока полбеды, поскольку он справился только с вами.

— И я отделался сломанной рукой, — простонал Вильсон.

— А могли бы двумя. Но довольно фанфаронства. На ярком свету и под наблюдением я буду побежден. В темноте же, свободный в своих действиях, я получу все преимущества, каковы бы ни были силы врага.

— Вам мог бы помочь Ганимар.

— Ни за что в жизни! В тот день, когда я смогу сказать: вот он, Арсен Люпен, вот его жилище и вот как нужно взять его, только тогда я пойду к Ганимару и найду его по одному из двух адресов, которые он мне дал: дом по улице Перголези, где он живет, или швейцарская таверна на площади Шатле. А до тех пор я буду действовать самостоятельно.

Он подошел к постели, положил руку на плечо Вильсону — естественно, на его больное плечо — и очень заботливо сказал:

— Выздоравливайте, дружище. Теперь ваша роль заключается в том, чтобы занять двух или трех сообщников Арсена Люпена, которые будут тщетно поджидать меня здесь, надеясь, что я непременно зайду узнать, как вы себя чувствуете. Я доверяю вам эту важную роль.

— Это важная роль, и спасибо вам за доверие, — ответил Вильсон, полный благодарности, — все свои силы я отдам на то, чтобы достойно справиться с нею. Но что же, я вас больше не увижу, вы не придете?

— А зачем? — холодно спросил Шолмс.

— Да, действительно… действительно… Мне настолько неплохо здесь, насколько это возможно. Тогда, Херлок, последняя услуга: не дадите ли вы мне попить?

— Попить?

— Да, я умираю от жажды, у меня ведь жар…

— О боже мой! Сейчас, сейчас…

Он схватился за одну бутылку, потом за другую, заметил лежавшую на столе пачку табака, раскурил трубку и внезапно, словно и не слышал просьбы друга, ушел, оставив старину Вильсона,

умоляюще глядящего на недостижимый теперь стакан воды.

— Господина Дестанжа!

Слуга смерил взглядом незваного пришельца, которому он только что открыл дверь особняка — замечательного особняка на углу бульвара Мальзерба и улицы Моншанен, — и по облику этого плохо выбритого человечка с седыми волосами, чей длинный черный редингот был сомнительной чистоты и вполне соответствовал странностям его фигуры, которую природа на изумление обошла своими милостями, рассудил, что ответить надо с надлежащей случаю надменностью:

— Господин Дестанж либо дома, либо его нет. Это зависит от обстоятельств. У вас есть визитная карточка, сударь?

У сударя не было визитной карточки, но у него было рекомендательное письмо, и слуге пришлось отнести это письмо господину Дестанжу, а тот распорядился проводить пришедшего господина прямо к нему.

Итак, его привели в огромную комнату — ротонду в одном из крыльев особняка; все стены были в книгах. Архитектор спросил его:

— Так вы, стало быть, господин Штикманн?

— Да, сударь.

— Секретарь пишет, что он заболел и присылает мне вас для продолжения работы над общим каталогом книг, которую он начал под моим руководством, а главное, для работы над каталогом немецких книг. Вам этот род занятий хорошо знаком?

— Да, сударь, я давно этим занимаюсь, — ответил господин Штикманн с сильным древнегерманским акцентом.

В этих обстоятельствах согласие было достигнуто быстро, и господин Дестанж, не желая терять времени, принялся за работу вместе со своим новым секретарем.

Херлок Шолмс был в нужном месте.

Чтобы избежать слежки за собой Арсена Люпена и проникнуть в особняк, где жил Люсьен Дестанж со своей дочерью Клотильдой, знаменитый сыщик должен был совершить прыжок в неизвестность, прибегнуть к военной хитрости, скрываться под самыми разными именами, пользоваться расположением и доверием массы людей, короче, жить в течение сорока восьми часов необыкновенно сложной жизнью.

Сведения у него были только такие: господин Дестанж, человек некрепкого здоровья, жажду-

щий покоя, удалился от дел и жил в мире своих книг, коллекции по архитектуре, которую он собрал. Никакие другие удовольствия его не интересовали, его радовало лишь созерцание и перебирание старых пыльных томов.

Что до его дочери, Клотильды, то она слыла большой оригиналкой. Как и отец, она всегда была у себя, но в другой части дома и не выходила из дому никогда.

«Все это, — думал Шолмс, вписывая в реестр названия книг, которые ему диктовал господин Дестанж, — все это еще не дает разгадки, но зато какой шаг вперед! Ведь не может быть, чтобы я не решил ни одной из этих задач: пособник ли Люпена господин Дестанж? Продолжает ли он встречаться с ним? Существует ли документация по строительству всех трех домов? И не дадут ли мне эти документы адреса других зданий, так же хитро устроенных и находящихся в распоряжении Люпена и его банды?»

Господин Дестанж — соучастник Люпена! Почтеннейший господин, кавалер ордена Почетного легиона, работающий бок о бок с грабителем! Нет, эта гипотеза была совершенно неприемлемой. К тому же, принимая на веру эту версию о его соучастии, как мог господин Дестанж предвидеть тридцать лет назад побеги с исчезновениями Арсена Люпена, который тогда еще пешком под стол ходил?

Не важно! Англичанин с яростью взялся за дело. Его фантастический нюх, его необычайный

инстинкт подсказывали ему, что тайна где-то совсем рядом. Это угадывалось по каким-то мелочам, которых он не мог объяснить, но которые он чувствовал во всем, едва переступил порог особняка.

К утру второго дня он еще ничего интересного не обнаружил. В два часа он впервые увидел Клотильду Дестанж, пришедшую за книгой. Это была женщина лет тридцати, брюнетка, жесты у нее были медлительные, она была молчалива, а лицо ее хранило тот отпечаток безразличия, который бывает у всех, кто замкнут в себе. Она обменялась несколькими словами с господином Дестанжем и ушла, даже не взглянув на Шолмса.

Монотонно шло время после полудня. В пять часов господин Дестанж объявил, что он уходит. Шолмс остался один на галерее, расположенной вкруговую на середине высоты ротонды. День угасал. Шолмс, в свой черед, тоже собрался уходить, когда раздался какой-то треск и у него возникло ощущение, что он в комнате не один. Одна минута шла за другой. И вдруг он вздрогнул: из полутьмы, совсем рядом с ним, на балконе появилась какая-то тень. Вероятно ли эдакое? И как давно этот невидимка был здесь? Откуда вообще он взялся?

Человек сошел по ступенькам вниз и направился к большому дубовому шкафу. Спрятавшись за занавесками, свисавшими с перил галереи, и опустившись на колени, Шолмс стал наблюдать. Он увидел человека, рывшегося в куче бумаг в шкафу. Что же он искал?

И вдруг дверь открылась, живо вошла мадемуазель Дестанж, говоря кому-то, шедшему вслед за ней:

— Так ты точно не уходишь, папа?.. В таком случае я зажигаю… Секундочку… не двигайся…

Человек закрыл створки шкафа и спрятался в широком оконном проеме, задернув за собой штору. Каким образом мадемуазель Дестанж могла не увидеть его? И как она его не услышала? Очень спокойно она повернула выключатель и пропустила отца вперед. Они сели рядом. Она взяла в руки солидный том, который принесла с собой, и принялась читать.

— Значит, твоего секретаря уже нет здесь? — спросила она через какое-то время.

— Нет… ты же видишь…

— Ты по-прежнему доволен им? — снова заговорила она, будто не зная, что настоящий секретарь заболел и его заменяет Штикманн.

— Доволен… доволен…

Голова господина Дестанжа качалась из стороны в сторону. Он заснул.

Прошло какое-то время. Девушка читала. Но шторы раздвинулись, и к двери вдоль стены проскользнул человек, он прошел за спиной господина Дестанжа, лицом к Клотильде, и Шолмс смог разглядеть его. Это был Арсен Люпен.

Англичанин вздрогнул от радости. Расчеты его оказались верными, он проник в самую сердцевину таинственной истории, и Люпен был именно там, где и предполагал Шолмс.

Клотильда, однако, даже не шелохнулась, хотя допустить, что от нее укрылось хоть одно движение этого человека, было невозможно. Люпен уже почти дошел до двери и взялся было за ручку, как что-то упало со стола: проходя мимо, полами своей одежды он задел какую-то вещь. Господин Дестанж мгновенно проснулся. Арсен Люпен уже стоял перед ним со шляпой в руке и улыбался ему.

— Максим Бермон, — радостно воскликнул господин Дестанж. — Дорогой Максим! Какой добрый ветер принес вас?

— Желание видеть вас… и мадемуазель Дестанж.

— Вы, стало быть, вернулись из путешествия?

— Да, вчера.

— И останетесь с нами ужинать?

— Нет, я ужинаю с друзьями в ресторане.

— Тогда завтра. О, милый Максим… Я как раз этими днями думал о вас.

— Правда?

— Да, я перебирал старые свои бумаги в этом вот шкафу и нашел наш последний счет.

— Какой счет?

— Тот, что касается проспекта Анри Мартен.

— Как? Вы храните весь этот хлам? К чему?..

Они уселись втроем в маленькой гостиной, прилегающей к ротонде.

«Да Люпен ли это?» — подумал Шолмс, внезапно охваченный сомнениями.

Да, это был он, явно он, но это был и другой человек, похожий чем-то на Арсена Люпена, но со своими отличительными чертами, со своей яркой индивидуальностью, со своей манерой смотреть в лицо, со своим цветом волос…

В костюме с белым галстуком, в мягкой облегающей рубашке, Арсен Люпен легко говорил, рассказывал истории, над которыми от души смеялся господин Дестанж, а на губах Клотильды появлялась улыбка. И каждая ее улыбка, казалось, была ему наградой, о которой он и мечтал,

и он всякий раз радовался, завоевав ее. Он был вдвойне весел и остроумен, и как-то само собой получалось, что, слушая его счастливый и ясный голос, Клотильда оживлялась и холодность, делавшая ее малосимпатичной, исчезала с ее лица.

«Они любят друг друга, — подумал Шолмс, — но что, черт побери, может быть общего у Клотильды Дестанж и Максима Бермона? Знает ли она, что Максим не кто иной, как Арсен Люпен?»

До семи часов он жадно слушал их, ловя каждое слово. Затем, со всеми предосторожностями спустился вниз и прошел по дальней стороне комнаты, где не было риска, что его увидят из гостиной.

На улице Шолмс, убедившись, что поблизости нет ни автомобиля, ни фиакра, прихрамывая, удалился по бульвару Мальзерба. Однако на ближайшей улочке он надел пальто, которое нес под мышкой, изменил форму своей шляпы, выпрямился и, таким образом преображенный, вернулся на площадь, где застыл в ожидании, не отрывая глаз от дверей особняка Дестанжа.

Почти сразу же вслед за ним вышел и Арсен Люпен; по Константинопольской, а затем по Лондонской улице он двигался к центру Парижа. В ста метрах за ним шел Херлок.

Восхитительные это были минуты для англичанина! Он жадно вдыхал воздух, как хороший пес, почуявший свежий след. И впрямь, ему казалось, что нет ничего приятнее на свете, чем преследовать противника. Не за ним следили, а он сам следил за Арсеном Люпеном, за Арсеном Люпеном — невидимкой. Если можно так выразиться, он держал его на конце взгляда, будто был связан с ним узами, которых не разорвать. И он наслаждался, поглядывая на свою добычу среди прохожих, добычу, которая принадлежала ему.

Но вскоре его поразило нечто очень странное: примерно на середине расстояния, отделявшего его от Арсена Люпена, какие-то другие люди шли в том же направлении, а именно: два здоровых парня в шляпах вроде цилиндров — по левому тротуару и два других, в кепках и с сигаретами в зубах, — по правому.

Быть может, это была всего лишь случайность. Но Шолмс удивился еще больше, когда Люпен зашел в табачную лавочку, а они тут же остановились, и уж совсем удивился, когда они двинулись вслед за ним одновременно, но все по отдельности, по шоссе Д'Антен.

«Проклятье, — подумал Шолмс, — значит, за ним следят!»

Мысль, что кто-то другой напал на след Люпена, что кто-то отнимет у него — нет, не славу, он мало о ней беспокоился, но огромное удовольствие победить в одиночку самого непобедимого врага, которого он когда-либо в жизни встречал, эта мысль совершенно выводила его из себя. Тем не менее ошибиться было невозможно: у этих людей был настолько равнодушный вид и настолько преувеличенно естественные повадки, какие бывают только у тех, кто, подделываясь под чужой шаг, не хочет быть замеченными.

— Быть может, — прошептал Шолмс, — Ганимар знает куда больше, чем говорит… Может, он подшучивает надо мной?

Ему захотелось подойти к одному из четверых и поговорить с ним. Но когда они подходили к бульвару, толпа стала гуще, — он побоялся, что упустит Люпена, и ускорил шаг. Он подошел ближе, когда Люпен уже входил в венгерский ресторан на углу улицы Эльдер. Дверь была открыта настежь, и Шолмс, сидя на бульваре, по другую сторону улицы, мог со своей скамейки видеть, как Люпен садится за великолепно накрытый, украшенный цветами стол, где уже сидели трое в костюмах с двумя очень элегантными дамами; все они были очень ему рады и не скрывали

этого.

Херлок поискал глазами тех четверых и тут же увидел их, затесавшихся в разные группки людей, слушавших цыганский оркестр из соседнего кафе. Забавно было, что все они, казалось, гораздо больше интересовались теми, кто их окружал, чем Арсеном Люпеном.

Вдруг один из них достал из кармана сигарету и подошел к человеку в рединготе и высокой шляпе. Человек достал свою сигарету, и Шолмсу показалось, что они разговаривали несколько дольше, чем это требуется для того, чтобы закурить. Наконец этот человек поднялся по ступенькам к дверям ресторана и заглянул в зал. Глядя на Люпена, он подошел к нему, с минуту поговорил с ним, затем уселся за соседний столик, и Шолмс должен был констатировать, что этот господин не кто иной, как всадник с проспекта Анри Мартен.

И тогда он все понял. За Арсеном Люпеном не только не следили, эти люди входили в его банду! Они были на страже его безопасности! Это были его телохранители, его спутники, его эскорт. Повсюду, где их хозяин мог подвергнуться опасности, его соучастники были под рукой, готовые предупредить его, готовые защитить. Все четве-

ро — соучастники! Человек в рединготе — тоже соучастник.

Англичанина пробила дрожь. Может ли случиться, что он справится с этим непобедимым существом? Какое безграничное могущество представляет собой такая команда, да еще во главе с Люпеном!

Он вырвал из своей книжечки листок, написал карандашом несколько строчек, вложил его в конверт и сказал мальчишке лет пятнадцати, который лежал рядом с ним на скамейке:

— Давай-ка, малыш, найми машину и отвези это письмо в швейцарскую таверну на площади Шатле. И живо…

Он дал ему пятифранковую монету. Мальчишка исчез.

Прошло полчаса. Толпа все прибывала, и Шолмс теперь только время от времени мог видеть сообщников Люпена. Но вдруг кто-то взял его за плечо и сказал ему на ухо:

— Так в чем дело, господин Шолмс?

— Это вы, господин Ганимар?

— Да, мне в таверну принесли вашу записочку. В чем дело?

— Он здесь.

— Да что вы говорите?

— Там, в глубине ресторана… пригнитесь вправо… Видите его?

— Нет.

— Он наливает шампанское своей соседке.

— Но это не он.

— Он.

— Я же вам говорю… О, однако… Да, он же может… Ах, негодяй, как он похож на себя! — наивно прошептал Ганимар. — А все другие — это его соучастники?

— Нет, его соседка — леди Кливден, другая — герцогиня де Клит, а напротив него — испанский посол в Лондоне.

Ганимар шагнул вперед, но Херлок удержал его:

— Какая неосторожность! Вы же один.

— И он тоже.

— Нет, у него есть люди на бульваре, они охраняют его… А еще вон тот господин в глубине ресторана…

— Но когда я схвачу Арсена Люпена за шиворот, выкрикнув вслух его имя, весь зал будет на моей стороне, все официанты.

— Я бы предпочел нескольких полицейских.

— Но на этот раз у друзей Арсена Люпена открылись бы глаза… Нет, ей-богу, господин Шолмс,

у нас выбора нет.

Он был прав, Шолмс чувствовал это. Лучше было на всякий случай попробовать воспользоваться исключительными обстоятельствами. Он только посоветовал Ганимару:

— Постарайтесь, чтобы вас узнали как можно позже…

И сам спрятался за газетным киоском, не теряя из виду Арсена Люпена, который улыбался, склонившись к соседке.

Инспектор, держа руки в карманах, пересек улицу, как человек, идущий прямо вперед. Но едва ступив на противоположный тротуар, он живо кинулся в сторону, одним прыжком перепрыгнул ступеньки и оказался у дверей ресторана.

Раздался пронзительный свисток… Ганимар налетел на метрдотеля, возникшего в дверях и презрительно оттолкнувшего его, как поступают с каким-нибудь прощелыгой, чье сомнительное присутствие наносит урон репутации ресторана. Ганимар застыл в нерешительности. Как раз в этот момент выходил человек в рединготе. Он заступился за инспектора, они с метрдотелем здорово поругались, оба, впрочем, не отпускали Ганимара, один удерживал его, другой толкал вперед, и все это происходило таким образом,

что, несмотря на отчаянное сопротивление и все его усилия, Ганимар оказался в самом низу ступенек.

Тут же собрался народ. Два полицейских, прибежавших на шум, попробовали пробраться сквозь толпу, но какое-то непонятное сопротивление парализовало их действия, они не смогли справиться с подставленными плечами и спинами, преграждавшими им путь…

И вдруг, как по волшебству, проход свободен!.. Метрдотель, понимая свою ошибку, приносит кучу извинений, господин в рединготе перестает защищать инспектора, толпа расступается, полицейские проходят вперед, Ганимар кидается к столику, где сидят шестеро… Но их там пятеро! Он оглядывается по сторонам… выход только один.

— Где человек, который только что сидел здесь? — кричит он этим обескураженным пятерым. — Да, да, вас было шестеро… Где шестой?

— Господин Дестро?

— Да нет, Арсен Люпен!

К Ганимару подошел официант:

— Этот господин только что поднялся на антресоль.

Инспектор поспешил туда. На антресолях — отдельные кабинеты и… выход прямо на бульвар!

— Ищи-свищи его теперь, — простонал Ганимар, — он уже далеко!

Он был не очень далеко, самое большее в двухстах метрах: ехал в омнибусе, шедшем по маршруту площадь Мадлен — Бастилия; три лошади рысью, не спеша, катили омнибус через площадь Оперы, а затем по бульвару Капуцинок. Два высоких парня в котелках беседовали, стоя на открытой платформе. В империале, на втором этаже омнибуса, возле ступенек, ведущих вниз, подремывал пожилой человечек: это был Херлок Шолмс.

Покачивая головой, убаюкиваемый мерным ритмом движения омнибуса, англичанин разговаривал сам с собой:

«Видел бы меня мой славный Вильсон, как бы он гордился коллегой!.. Да!.. Когда раздался звук свистка, было нетрудно предвидеть, что дело наше дохлое; оставалось только следить за тем, что будет происходить возле ресторана. Но жизнь не лишена интереса рядом с этим чертовым типом!»

На конечной остановке Херлок склонился вниз, увидел Арсена Люпена, проходящего мимо своей охраны, и услышал, как он шепнул им: «На площадь Этуаль».

«Прекрасно, свидание назначено на площади Этуаль. Я буду там. Пусть он садится в автомобиль, а мы поедем на машине за его спутниками».

Оба спутника Люпена пошли пешком и, действительно оказавшись на площади Этуаль, позвонили в дверь небольшого дома № 40 по улице Шальгрен. В изгибе этой улочки, на которой почти не бывает прохожих, Шолмсу удалось спрятаться в одном из темных проемов между домами.

Одно из двух окон первого этажа распахнулось, и человек в цилиндре закрыл ставни. Фрамуга над ставнями озарилась светом из комнаты.

Через десять минут в эту же самую дверь позвонил какой-то человек, сразу же за ним подошел еще один. Наконец перед домом остановился фиакр, и Шолмс увидел выходящих из него двоих: Арсена Люпена и даму в манто, закутанную в густую вуаль.

«Белокурая дама, вне всяких сомнений», — подумал Шолмс, глядя на отъезжавший фиакр.

Он подождал еще какое-то время, затем приблизился, забрался на карниз окна и, стоя на цыпочках, смог заглянуть через фрамугу в комнату.

Прислонившись к камину, Арсен Люпен ожив-

ленно рассказывал о чем-то. Стоя вокруг него, все остальные внимательно его слушали. В одном из них Шолмс признал человека в рединготе, а другой, как ему показалось, был метрдотелем из ресторана. Белокурая дама сидела спиной к нему, в кресле.

«Они держат совет, — подумал он. — Их встревожили события сегодняшнего вечера, им надо решить, как действовать дальше. Ах, взять бы их на месте, всех сразу!..»

Один из сообщников Люпена пошевелился, и Шолмс, спрыгнув вниз, скрылся в темноте. Человек в рединготе и метрдотель вышли из дома. И сразу на втором этаже зажегся свет, потом кто-то закрыл ставни. И внизу, и наверху стало темно.

«Люпен с ней на первом этаже, — подумал Херлок. — Двое других его сообщников живут на втором».

Он прождал часть ночи, не двигаясь с места, опасаясь, что в его отсутствие Арсен Люпен уйдет. В четыре часа утра, заметив в конце улицы двух полицейских, он подошел к ним и, объяснив ситуацию, поручил им наблюдение за домом.

После этого он отправился к Ганимару домой, на улицу Перголези, и разбудил его.

— Он у меня по-прежнему под контролем.

— Арсен Люпен?

— Да.

— Если это так же, как было только что в ресторане, я лучше пойду дальше спать. Ну да ладно, идем в комиссариат.

Они пошли на улицу Мениль, а оттуда — домой к комиссару Декуэнтру. Затем в сопровождении шести человек вернулись на улицу Шальгрен.

— Что нового? — спросил Шолмс у двух полицейских, стоявших на посту.

— Ничего.

Уже светало, когда, обеспечив необходимую охрану, комиссар пошел к консьержке. Напуганная вторжением, вся дрожа от страха, эта женщина ответила, что в первом этаже жильцов у нее нет.

— Как это нет жильцов! — воскликнул Ганимар.

— Да так, нет, вот второй этаж занимают господа Леру… Они обставили низ для своих родственников из провинции…

— Для господина с дамой?

— Да.

— Которые пришли вчера вечером с ними?

— Может быть… я спала… Хотя нет, не думаю…

вот ключ… они его не брали…

Комиссар открыл этим ключом дверь с другой стороны вестибюля. На первом этаже было всего две комнаты: в них никого не оказалось.

— Это невозможно, — изрек Шолмс, — я видел их, и его, и ее.

Комиссар ухмыльнулся:

— Не сомневаюсь, но сейчас их здесь уже нет.

— Поднимемся на второй этаж. Они, должно быть, там.

— Второй этаж занимают господа Леру.

— Допросим господ Леру.

Они все поднялись по лестнице, комиссар позвонил. На второй звонок вышел человек без пиджака, очень сердитый, это был, конечно же, один из телохранителей Люпена.

— Это что еще за шум! Что такое… разве можно будить людей…

Но он замолчал, несколько смутившись:

— Господи прости… в самом деле, мне что, все это не снится? Господин Декуэнтр! И вы, господин Ганимар, здесь? Чем я могу быть вам полезен?

Раздался гомерический хохот. Ганимар корчился, задыхаясь от смеха, лицо его стало багровым.

— Это вы, Леру, — наконец, запинаясь, выговорил он. — Ну и забавно же это… Леру, сообщник

Арсена Люпена!.. Ой, я сейчас умру… А вашего брата можно видеть?

— Эдмон, ты здесь? У нас в гостях господин Ганимар…

Появился и другой человек, при виде которого Ганимар еще пуще развеселился.

— Невероятно! Такого и не придумаешь! Да, друзья мои, ну и попали вы в переплет… Кто бы усомнился… Но, по счастью, старина Ганимар начеку, а главное — у него есть помощники… друзья, приехавшие издалека!

И, обернувшись к Шолмсу, он представил:

— Виктор Леру, инспектор Сюрте, один из лучших в бригаде самых непреклонных… Эдмон Леру, главный антропометрист…

Глава пятая
Похищение

Херлок Шолмс хранил спокойствие. Протестовать? Обвинять этих двоих? Все это было бесполезно. Без доказательств, а их у него — никаких, да и тратить время на то, чтобы искать их, он не собирается, ему все равно не поверят.

С досады сжав кулаки, Шолмс думал только о том, чтобы торжествующий Ганимар не заметил, насколько он взбешен и разочарован. Он почтительно поклонился братьям Леру, достойным защитникам общества, и удалился.

В вестибюле он подошел к низенькой дверце, ведущей в подвал, и поднял маленький красный камушек — это был гранат.

На улице он обернулся и прочел на доме № 40 надпись: «Архитектор Люсьен Дестанж, 1877».

На доме № 42 — та же надпись.

«И в каждом — два выхода, — подумал он. — Дома № 40 и № 42 соединены между собой. И как я об этом не подумал! Я должен был остаться на ночь вместе с этими полицейскими».

Он заговорил с ними:

— Двое ведь выходили из этой двери, пока меня не было?

И он показал на дверь соседнего дома.

Он взял под руку главного инспектора и увлек его за собой:

— Господин Ганимар, вы всласть насмеялись и, верно, не очень сердитесь на меня за то беспокойство, которое я причинил вам…

— Да я нисколько не сержусь на вас.

— Правда? Но даже самые лучшие шутки приедаются, и, на мой взгляд, пора с ними кончать.

— Я такого же мнения.

— У нас сегодня уже седьмой день. Через три дня мне необходимо быть в Лондоне.

— О-о-о!

— И я буду там, сударь, и прошу вас, будьте и вы наготове в ночь со вторника на среду.

— Для экспедиции вроде сегодняшней! — насмешливо сказал Ганимар.

— Да, сударь, вроде сегодняшней.

— Которая закончится?..

— Поимкой Арсена Люпена.

— Вы на это надеетесь?

— Я клянусь вам честью, сударь.

Шолмс откланялся и пошел немного отдохнуть в ближайшем отеле, после чего, приободренный

и вновь почувствовавший уверенность в собственных силах, он вернулся на улицу Шальгрен и, сунув в руку консьержке два луидора, выяснил, что братья Леру ушли, узнал, что дом принадлежит некоему господину Арминжа, и, взяв свечку, через дверцу, возле которой он подобрал гранат, спустился в подвал.

В самом низу лестницы он подобрал точно такой же гранат.

«Я не ошибся, — подумал он, — значит, именно так и соединены эти дома… Посмотрим, подойдет ли моя отмычка к двери погребка, принадлежащего жильцам первого этажа? Так… отлично… изучим шкафы с винами… Вот это да! Тут местами пыль стерта… и на земле чьи-то следы…»

Легкий шум заставил его прислушаться. Быстро закрыв дверь, он задул свечу и спрятался за горой пустых ящиков. Через несколько секунд он заметил, что один из металлических шкафов начал медленно поворачиваться вокруг своей оси вместе с частью стены, к которой был прикреплен. Засветился фонарь. Появилась чья-то рука. Вошел мужчина.

Он низко пригнулся к земле, как человек, который что-то ищет. Кончиками пальцев он разгребал пыль и несколько раз разгибался, бро-

сая что-то в коробочку, которую держал в левой руке. Затем он стер свои следы, стер следы Арсена Люпена и Белокурой дамы и подошел к металлическому шкафу.

И тут он глухо вскрикнул и упал. На него набросился, Шолмс. Это было делом одной минуты, и самым заурядным на свете образом он был уложен на землю со связанными лодыжками и стянутыми веревкой запястьями.

Англичанин склонился над ним:

— Сколько ты хочешь за то, чтобы заговорить?.. Чтобы сказать все, что ты знаешь?

Человек улыбнулся ему в ответ так насмешливо, что Шолмс понял, насколько напрасен был его вопрос.

Ему пришлось довольствоваться осмотром карманов своего пленника, но разведка принесла только скромные плоды: связку ключей, носовой платок и маленькую картонную коробочку, которую он уже видел у этого субъекта и в которой лежала дюжина гранатов, абсолютно таких же, как те, что собрал Шолмс. Жалкая добыча!

Да и вообще, что делать с этим человеком? Ждать, пока друзья явятся к нему на подмогу и сдать их всех в руки полиции? А зачем? Что ему это даст в борьбе с Люпеном?

Он колебался, но осмотр коробочки помог ему принять решение. На коробочке был адрес: «Ювелир Леонар, улица Мира».

Он решил попросту оставить здесь этого человека. Задвинул шкаф, закрыл дверь и вышел из дома. Из ближайшего почтового отделения он послал пневматичку[11] господину Дестанжу, в которой предупреждал его, что сможет прийти только завтра. Затем отправился к ювелиру и отдал ему гранаты.

— Меня прислала хозяйка. Эти камушки вывалились из ожерелья, которое она покупала у вас.

Шолмс угадал. Ювелир ответил ему:

— Да, да… Эта дама звонила мне. Она вскорости зайдет сама.

Только в пять часов Шолмс со своего поста на тротуаре заметил даму в густой вуали, чья походка показалась ему подозрительной. Сквозь стекло он увидел, как она выложила на прилавок старинную драгоценность, украшенную гранатами.

Почти сразу же она вышла, пешком прошлась

---

[11] Notes: 11

Пневматичка — пневматическая почта (от *греч.* Pneumatikos — воздушный) — транспорт для перемещения потоком воздуха по трубопроводам писем и мелких предметов, вложенных в патроны (капсулы). В Париже длина линий пневматической почты была около 600 км, при этом средняя скорость патрона доходила до 160 км в час. — *Примеч. ред.*

по магазинам, поднялась по бульвару Клиши и свернула на улицы, которых англичанин не знал. Смеркалось; вслед за ней он проник (консьержке не удалось заметить его) в большой шестиэтажный дом, в котором было два корпуса и, стало быть, бесчисленное количество жильцов. На третьем этаже она остановилась и вошла в квартиру. Двумя минутами позже Шолмс рискнул и с большой осторожностью перепробовал один за другим ключи из связки, которой он недавно завладел. Четвертый ключ подошел.

Несмотря на темноту в комнатах, Шолмс увидел, что там совершенно пусто, как в нежилых помещениях, а все двери открыты. Но в конце коридора светилась лампа, и, приблизившись на цыпочках, он увидел сквозь зеркальное стекло без амальгамы, отделявшее гостиную от смежной с ней комнаты, даму в вуали, снимавшую пальто и шляпку; она положила их на единственное сиденье в этой комнате и облачилась в бархатный халат.

Затем он увидел, как она подошла к камину и нажала на кнопку электрического звонка. Половина панели справа от камина пришла в движение, сдвинулась прямо на стену и вписалась в соседнюю панель.

Как только расстояние между панелями стало достаточно широким, она прошла туда… и исчезла, унеся с собой лампу.

Система была простой. Шолмс воспользовался ею.

Он шел в темноте, на ощупь, но тут же почувствовал, что какие-то мягкие вещи касаются его лица. В свете зажженной спички он понял, что попал в маленькую гардеробную, где на металлических палках были развешены костюмы и платья. Он высвободил себе проход и остановился у дверного проема, закрытого ковром, точнее, изнанкой его. Когда догорела спичка, он заметил свет, просачивавшийся сквозь редкую и изношенную старинную ткань.

Он посмотрел туда.

Белокурая дама была здесь, у него перед глазами, на расстоянии вытянутой руки.

Она загасила лампу и включила электрическое освещение. Впервые Шолмс смог при ярком свете увидеть ее лицо. Он вздрогнул. Женщина, которую он наконец, в результате стольких ухищрений и маневров, выследил… была не кто иная, как Клотильда Дестанж.

Клотильда Дестанж — убийца барона д'Отрека и похитительница голубого бриллианта! Кло-

тильда Дестанж — таинственная приятельница Арсена Люпена! Белокурая дама, в конце концов!

«Да, черт побери, — думал он, — ну и набитый же я дурак. Раз приятельница Люпена — блондинка, а Клотильда — брюнетка, я и не подумал соединить этих двух женщин в одну! Будто Белокурая дама могла оставаться белокурой после убийства барона и кражи бриллианта!»

Шолмсу была видна часть комнаты, элегантного дамского будуара, стены которого украшали светлая обивка и драгоценные безделушки. На низком постаменте стояла кушеточка из красного дерева. Клотильда сидела на ней, обхватив голову руками. Через некоторое время он понял, что она плачет. По ее бледным щекам, соскальзывая в рот, текли слезы, капля за каплей падали на ее бархатный халат. И опять слезы текли и текли, словно из неиссякаемого источника. Это было невероятно печальное зрелище — созерцание такого смертельного и в то же время достойного отчаяния, выражавшегося лишь в медленно текущей лавине слез.

Но вдруг за ее спиной открылась дверь. Вошел Арсен Люпен.

Они долго смотрели друг на друга, не говоря ни слова, затем он опустился на колени подле

нее, положил голову ей на грудь, обнял ее, и жест его был исполнен нежности и сострадания. Они так и застыли в этой позе. Безмолвная нежность объединила их, и слезы стали не такими обильными.

— Я бы так хотел сделать вас счастливой! — прошептал он.

— Я счастлива.

— Нет, вы плачете… Ваши слезы приводят меня в отчаяние, Клотильда.

Несмотря ни на что, она поддавалась обаянию его ласкового голоса; слушая его, она снова хотела надеяться и быть счастливой. Улыбка несколько смягчила ее черты, но какая это была грустная улыбка! Он стал умолять ее:

— Не будьте такой печальной, Клотильда, вы не должны быть такой. Вы просто не имеете права на это.

Она протянула вперед свои белые, изящные и нежные руки и очень серьезно сказала:

— Пока эти руки принадлежат мне, я буду печальной, Максим.

— Но отчего?

— Этими руками совершено убийство.

— Замолчите! — воскликнул Максим. — Не думайте об этом… Прошлое мертво, прошлое — не

в счет.

И он стал целовать ее бледные руки, а она смотрела на него со светлеющей улыбкой, словно с каждым его поцелуем стирались потихоньку ужасные воспоминания.

— Вы должны любить меня, Максим, ни одна женщина не будет так любить вас. Я сделала все это, чтобы продолжать нравиться вам, и впредь буду поступать так, как вы прикажете, и даже больше, я буду исполнять тайные ваши желания. И разум мой, и душа восстают против этих моих поступков, но я не могу сопротивляться вам… все, что я делаю, я делаю машинально, потому что так надо вам, потому что вы этого хотите… и я готова и завтра… и всегда… поступать так же.

Он сказал с горечью:

— Ах, Клотильда, зачем только я втянул вас в свою бурную жизнь? Надо было мне оставаться для вас Максимом Бермоном, которого вы полюбили пять лет назад, и не рассказывать вам… о том, другом человеке, которого вы теперь знаете.

Но она сказала ему совсем тихо:

— Я и этого, другого, человека люблю и ни о чем не жалею.

— Да нет, вы жалеете о своей бывшей жизни, жизни на виду.

— Я ни о чем не жалею, когда вы рядом, — со страстью сказала она. — Когда я вижу вас, все правильно и нет ничего преступного. Какая разница, что я несчастлива вдали от вас — страдаю и плачу в ужасе от всего содеянного мною! Ваша любовь стирает все… я принимаю все… Но вы должны любить меня!..

— Я люблю вас не потому, что должен, Клотильда, но по той одной-единственной причине, что люблю вас.

— Вы уверены в этом? — доверчиво спросила она.

— Я уверен в себе так же, как в вас. Только жизнь моя жестока и лихорадочна, и я не всегда могу уделить вам столько времени, сколько хотел бы.

Она тут же всполошилась:

— Что случилось? Какая-нибудь новая опасность? Говорите же быстрее.

— О, пока ничего серьезного. Хотя…

— Что хотя?

— Ну, в общем, он напал на наш след.

— Шолмс?

— Да. Это он прислал Ганимара в венгерский ресторан. Это он поставил этой ночью полицейских возле дома на улице Шальгрен. У меня есть

доказательства. Ганимар сегодня утром обыскал весь дом, и с ним был Шолмс. А кроме того…

— Что кроме того?

— Кроме того, вот еще что: нет одного из наших людей, Жаннио.

— Консьержа?

— Да.

— Так это я послала его сегодня утром на улицу Шальгрен подобрать там гранаты, которые выпали у меня из кармана.

— Он наверняка попал в ловушку, расставленную Шолмсом.

— Вовсе нет. Гранаты были доставлены к ювелиру на улицу Мира.

— Тогда что же случилось с ним потом?

— Ой, Максим, мне страшно.

— Пугаться пока нечего. Но положение и правда весьма серьезное. Что ему известно? Где он скрывается? Его сила в том, что он действует в одиночку. Ничто его не выдаст.

— И что вы решаете?

— Надо быть в высшей степени осмотрительными, Клотильда. Я давно уже решил переехать из своего дома туда, где я буду недостижим, вы знаете это мое убежище. Но вторжение Шолмса ускоряет события. Когда такой человек, как он,

нападает на твой след, надо отдавать себе отчет в том, что он по этому следу неизбежно дойдет до конца. Так вот, я все подготовил. Послезавтра, в среду, переезд состоится. К полудню с ним будет покончено. В два часа я смогу и сам покинуть дом, после того как в нем не останется никаких следов нашего там пребывания, а это не такое простое дело. И потому отныне…

— Что отныне?

— Мы не должны с вами видеться, никто не должен видеть вас, Клотильда. Не выходите никуда. За себя я вообще не боюсь. Но я боюсь всего, как только это касается вас.

— Но ведь это невероятно, чтобы англичанин добрался до меня.

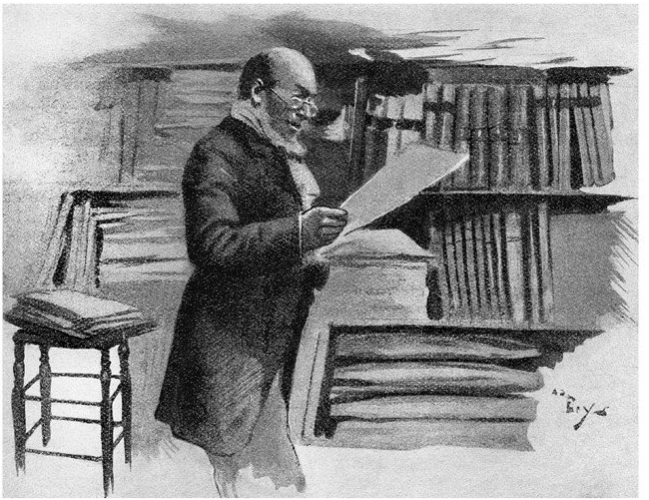
— С ним все может оказаться вероятным, и я его остерегаюсь. Вчера, когда меня едва не застиг ваш отец, я приходил, чтобы отыскать кое-что в шкафу, где лежат старые бумаги господина Дестанжа. Вот где таится большая опасность. Она вообще повсюду. Я чувствую, что враг бродит во тьме где-то поблизости от нас, он подступает все ближе и ближе. Я просто ощущаю, что он наблюдает за нами… стягивает свои сети вокруг нас. А меня моя интуиция не подводит никогда.

— В таком случае уходите, Максим, и не думай-

те больше о моих слезах. Я выстою и дождусь того времени, когда опасность будет позади. Прощайте, Максим.

И она поцеловала его долгим поцелуем. А потом сама же выпроводила на улицу. Шолмс слышал их удаляющиеся голоса.

Возбужденный отчаянной жаждой действия, вопреки всему и несмотря ни на что, переполнявшей его еще с вечера, Шолмс отважно двинулся в прихожую, которая выходила на лестницу. Но в тот самый момент, когда он собрался спускаться по ней, с нижнего этажа послышались голоса, кто-то разговаривал, и он счел за лучшее пройти боковым коридором, который вывел его к другой лестнице. Спустившись по ней, он крайне удивился, увидев хорошо знакомую ему обстановку. Дверь была приоткрыта. Он вошел в большую круглую комнату. Это была библиотека господина Дестанжа.



«Отлично! Замечательно! — пробормотал он про себя. — Теперь мне все понятно. Будуар Клотильды, то есть Белокурой дамы, соединен с одной из квартир соседнего дома, и выход у него не на бульвар Мальзерба, а на соседнюю улицу,

улицу Моншанен, насколько я помню… Отлично! Теперь мне ясно, как Клотильда Дестанж встречается со своим возлюбленным, а все думают, что она и из дому не выходит. Объясняется и появление Арсена Люпена рядом со мной вчера вечером на галерее: должно быть, в соседнюю квартиру из библиотеки есть еще один проход…»

«Еще один дом с фокусами, — сделал он вывод. — И на этот раз архитектор, разумеется, Дестанж, тут уж нет никаких сомнений! И сейчас надо воспользоваться тем, что мне удалось попасть сюда, и наконец выяснить, что хранится там, в шкафу… и найти документацию по другим так же хитро устроенным домам».

Шолмс поднялся на галерею и спрятался за перилами, задрапированными тканью. Он просидел там до конца вечера. Слуга явился и погасил свет. Через час свой фонарик включил Шолмс и направился к шкафу.

Как он уже знал, в нем были старые бумаги архитектора: досье, сметы, расчетные книги. В глубине — реестры, классифицированные по степени давности.

Он брал по очереди каждый за все последние годы и сразу же смотрел страничку со списком фамилий, особенно внимательно изучал букву А.

Найдя наконец фамилию Арминжа, против которой стояла цифра 63, он открыл 63-ю страницу и прочел: «Арминжа, улица Шальгрен, 40».

Дальше следовало детальное описание работ, произведенных для этого клиента в связи с установкой в его доме калорифера. И на полях — такая пометка: «Смотри досье М. Б.».

«Ба! Я точно знаю, что досье М. Б. — это именно то, что мне нужно, — сказал он. — Из него я и узнаю, где сейчас живет господин Люпен».

Но только утром во второй половине одного из реестров он обнаружил это пресловутое досье.

В нем было пятнадцать страниц. Одна была занята господином Арминжа с улицы Шальгрен. На другой подробно описывались работы, выполненные для господина Ватинеля, владельца дома номер 25 по улице Клаперон. Еще одна страница была посвящена дому барона д'Отрека — номер 134 на проспекте Анри Мартен, следующая — замку Крозонов и еще одиннадцать — домам разных других владельцев в Париже.

Шолмс сделал список этих одиннадцати владельцев с их адресами, поставил все на место, открыл окно и выпрыгнул на пустынную площадь, не забыв закрыть за собой ставни.

В своем гостиничном номере он раскурил

трубку со всей значительностью, которую он вкладывал в это занятие, и, сидя в клубах дыма, раздумывал, что можно извлечь из досье М. Б., а точнее, из досье Максима Бермона, сиречь Арсена Люпена.

В восемь часов он послал Ганимару такую пневматичку:

Я непременно зайду сегодня утром на улицу Перголези и приведу к вам особу, поимка которой в высшей степени актуальна. В любом случае будьте у себя этой ночью и завтра, в среду, до полудня, устройте так, чтобы в вашем распоряжении было человек тридцать…

Затем он выбрал на бульваре фиакр, шофер которого понравился ему своей жизнерадостной и довольно тупой физиономией, велел отвезти его на бульвар Мальзерба и остановиться в пятидесяти шагах от особняка Дестанжа.

— Дорогой мой, закройте машину, — сказал он шоферу, — поднимите ворот своей шубы — ветер нынче холодный — и терпеливо ждите. Через полтора часа заведите мотор. Как только я вернусь, живо на улицу Перголези.

На пороге особняка он в последний раз заду-

мался. Правильно ли он поступает, занимаясь Белокурой дамой, пока Люпен заканчивает свои приготовления к отъезду? И не лучше ли было бы, воспользовавшись составленным списком, прежде всего отыскать дом противника?

«Но ведь, — подумал он, — как только Белокурая дама станет моей пленницей, я буду хозяином положения».

И он позвонил.

Господин Дестанж уже был в библиотеке. Они некоторое время поработали вместе, Шолмс все искал какой-нибудь предлог, чтобы подняться в комнату Клотильды, как вдруг она вошла, поздоровалась с отцом, села в маленькой гостиной и начала что-то писать.

Со своего места Шолмс видел, как она, сидя за столом, время от времени с пером в руке задумчиво отклонялась. Он выждал минуту, затем, взяв с полки книгу, сказал господину Дестанжу:

— Вот, наконец, та книга, которую мадемуазель Дестанж просила меня принести ей, как только она попадется мне.

Он подошел к Клотильде, стал перед ней так, чтобы ее отец не мог его видеть, и сказал:

— Я — Штикманн, новый секретарь господина Дестанжа.

— О! — не отрываясь, заговорила она. — Отец, стало быть, сменил секретаря?

— Да, сударыня, и я хотел бы поговорить с вами.

— Садитесь, сударь, я как раз закончила писать.

Она добавила еще несколько слов и подписалась, запечатала письмо в конверт, отодвинула от себя бумаги, нажала на кнопку телефона, а когда телефонистка связала ее с портнихой, попросила ту поторопиться и побыстрее закончить ее дорожное пальто, которое ей срочно понадобилось; наконец она повернулась лицом к Шолмсу:

— Я в вашем распоряжении, сударь. Но разве мы не можем поговорить при отце?

— Нет, сударыня, и я даже буду просить вас не повышать голоса. Предпочтительнее, чтобы господин Дестанж нас вообще не слышал.

— Для кого предпочтительнее?

— Для вас, сударыня.

— Я не согласна вести разговор, который нельзя слушать моему отцу.

— И однако же, вам придется вынести этот разговор.

Они оба встали, взгляды их скрестились.

— Говорите, сударь, — сказала она.

По-прежнему не садясь, он начал:

— Вы уж извините меня, если я ошибусь в каких-то второстепенных деталях. За что я ручаюсь, так это за точность событий, которые я буду описывать, в целом.

— Я вас очень прошу, не надо слов. Только факты.

Услышав фразу, прозвучавшую для него неожиданно, Шолмс понял, что эта молодая женщина встречает его во всеоружии, и продолжил:

— Хорошо, иду прямо к цели. Итак, пять лет тому назад ваш отец познакомился с неким господином Максимом Бермоном, представившимся ему антрепренером… или архитектором, точно не скажу. Во всяком случае, он расположился

к этому молодому человеку и доверил ему кое-какие работы, которые попросили выполнить его старые клиенты и которые, казалось, были привычными для его нового сотрудника.

Херлок замолчал. Ему показалось, что девушка стала гораздо бледнее. Однако самым спокойным голосом она сказала ему:

— Я не знаю всего того, о чем вы говорите, сударь, а главное, совершенно не понимаю, почему вообще это может быть мне интересно.

— А потому, сударыня, что господина Максима Бермона на самом деле зовут Арсеном Люпеном, и вы знаете это так же хорошо, как и я.

Она расхохоталась:

— Не может быть! Арсен Люпен? Господина Максима Бермона зовут Арсеном Люпеном?

— Как я уже имел честь вам сообщить, сударыня; и раз вы отказываетесь понимать меня с полуслова, добавлю, что для осуществления своих замыслов Арсен Люпен нашел здесь подругу, даже больше чем просто подругу — слепую соучастницу… к тому же страстно ему преданную.

Она встала и безо всякого волнения, во всяком случае волнуясь так мало, что Шолмс был просто потрясен ее самообладанием, заявила ему:

— Я не знаю, какова цель подобного вашего

поведения, и не желаю этого знать. А потому прошу вас, не произнося больше ни одного слова, покинуть этот дом.

— Я и не собирался навязывать вам свое присутствие бесконечно, — ответил Шолмс, стараясь быть таким же спокойным, как она. — Только я принял решение уйти из этого особняка не один.

— И кто же будет сопровождать вас, сударь?

— Вы!

— Я?

— Да, сударыня, мы выйдем отсюда с вами вместе, и вы, не говоря ни слова и не сопротивляясь, последуете за мной.

Странным в этой сцене было то, что оба противника сохраняли полное спокойствие. По их поведению, по тону можно было сказать, что это не непримиримый поединок, в котором скрестились две мощные воли, а скорее галантная беседа-спор двух человек, придерживающихся разных точек зрения.

В широкий проем было видно, как господин Дестанж неторопливо перебирает свои книги.

Клотильда, пожав плечами, снова села. Херлок вынул из кармана часы:

— Сейчас половина одиннадцатого. Через пять минут мы выходим.

— А если нет?

— Если нет, я иду к господину Дестанжу и говорю ему…

— Что?

— Правду. Рассказываю ему о мнимом существовании Максима Бермона, рассказываю о двойной жизни его соучастницы.

— Соучастницы?

— Да, той, что зовут Белокурой дамой, той, которая раньше была белокурой.

— И какие доказательства вы ему предъявите?

— Я поведу его на улицу Шальгрен и покажу ход Арсена Люпена, которым он вместе со своими людьми, воспользовавшись работами, проводившимися там под его руководством, соединил дома номер сорок и номер сорок два и которым позавчера ночью вы с ним вышли на улицу.

— А потом?

— Потом я поведу господина Дестанжа к мэтру Дэтинану, мы спустимся черной лестницей, по которой вы спустились с Арсеном Люпеном, сбежав от Ганимара. И мы вместе с ним найдем, без сомнения, такой же ход в соседний дом, в тот, что выходит на бульвар Батиньоль, а не на улицу Клаперон.

— А потом?

— Потом я повезу господина Дестанжа в замок Крозонов, и ему будет нетрудно (он ведь знает, какие работы проводил Арсен Люпен во время реставрации замка) обнаружить и там тайные ходы, которые проделал Арсен Люпен со своими людьми. Он установит, что по этим ходам Белокурая дама могла пройти ночью в спальню графини и взять из шкатулки, стоявшей на камине, голубой бриллиант, а через две недели войти в комнату советника Блейшена и подбросить этот голубой бриллиант в его зубной порошок… довольно странный поступок, ей-богу, может, какая-то женская месть, не знаю, впрочем, это не имеет значения.

— А потом?

— Потом, — более суровым голосом сказал Херлок, — я поведу господина Дестанжа в дом номер сто тридцать четыре по проспекту Анри Мартен, и мы найдем, каким именно образом барон д'Отрек…

— Замолчите, замолчите, — прошептала, вдруг испугавшись, девушка. — Я запрещаю вам! Так, значит, вы осмеливаетесь утверждать, что это я… вы обвиняете меня…

— Я обвиняю вас в убийстве барона д'Отрека.

— Нет, нет, это клевета.

— Вы убили барона д'Отрека, сударыня. Вы поступили к нему на службу под именем Антуанетты Бреа с тем, чтобы похитить у него голубой бриллиант, и вы убили его.

Она снова заговорила шепотом, сломленная, ставшая вдруг просительницей:

— Замолчите, сударь, умоляю вас. Раз вы знаете так много, вы должны знать, что я не убивала барона.

— Я и не говорил, что это было преднамеренное убийство. У барона д'Отрека случались припадки безумия, и одна лишь сестра Августа умела справляться с ним. Я знаю это от нее самой. Когда ее не было, он, должно быть, набросился на вас, и во время борьбы, защищаясь, вы нанесли ему удар. Ужаснувшись содеянному, вы позвонили и тут же убежали, не сняв с пальца своей жертвы тот самый голубой бриллиант, за которым вы явились. Через какое-то время вы привели одного из сообщников Люпена, слугу из соседнего дома, вместе с ним перенесли барона на его кровать, навели в комнате порядок… но опять не осмелились взять бриллиант. Вот что случилось там. Так что, повторяю, вы барона не убивали. Однако вашими руками был нанесен смертельный удар.

Она положила на лоб свои бледные, изящные

руки с длинными пальцами и, застыв в этой позе, долго не отрывала их. Наконец, разомкнув пальцы, она открыла свое печальное лицо и произнесла:

— И все это вы намерены рассказать моему отцу?

— Да, и еще я скажу ему, что у меня есть свидетели: мадемуазель Жербуа узнает Белокурую даму, сестра Августа — Антуанетту Бреа, а графиня де Крозон — госпожу де Реаль. Вот что я ему скажу.

— Вы не посмеете. — заявила она, обретая перед лицом опасности свое хладнокровие.

Он встал и сделал шаг по направлению к библиотеке. Клотильда остановила его:

— Минуточку, сударь.

Она подумала и, теперь уже полностью овладев собой, спокойно спросила его:

— Вы ведь Херлок Шолмс?

— Да.

— Что вам от меня нужно?

— Что мне нужно? Я вызвал Арсена Люпена на дуэль и должен выйти из нее победителем. В ожидании развязки, а ее недолго осталось ждать, я полагаю, что такой ценный заложник, как вы, даст мне некоторые существенные преимущества перед моим противником. И потому,

сударыня, вы последуете за мной и я сдам вас на руки одному из друзей. Как только цель моя будет достигнута, вы окажетесь на свободе.

— И это все?

— Это все. Я не служу в полиции вашей страны и, следовательно, не чувствую за собой никакого права… наказывать за преступления.

Казалось, она уже приняла решение. Однако попросила отсрочку. Она закрыла глаза; Шолмс смотрел на нее, такую вдруг спокойную, почти безразличную к опасностям, подстерегавшим ее!

«А может, — думал англичанин, — она и не чувствует себя в опасности? Конечно не чувствует, ее ведь защищает Люпен. А с Люпеном ничего вам грозить не может. Люпен — всемогущий, Люпен — непобедимый».

— Сударыня, — сказал он, — я говорил о пяти минутах, а прошло больше тридцати.

— Вы позволите мне подняться в свою комнату, сударь? Я хочу взять там кое-что.

— Если вам так угодно, сударыня, я буду ждать вас на улице Моншанен. Я — прекрасный друг консьержа Жаннио.

— О! Вы знаете… — сказала она, явно испугавшись.

— Я много чего знаю.

— Хорошо. Я звоню.

Ей принесли шляпку и пальто, и Шолмс сказал ей:

— Вы должны объяснить как-нибудь господину Дестанжу наш уход, да так, чтобы этого объяснения хватило, если вас не будет в течение нескольких дней.

— Это ни к чему. Я скоро вернусь.

Взгляды их снова скрестились, оба улыбались, насмешливо глядя друг на друга.

— Как вы уверены в нем! — сказал Шолмс.

— Слепо.

— Все, что бы он ни делал, — хорошо, не так ли? Все, чего он хочет, исполняется. И вы одобряете все, вы на все готовы ради него.

— Я люблю его, — сказала она, трепеща от страсти.

— И вы думаете, он спасет вас?

Она пожала плечами и пошла предупреждать отца.

— Я увожу от тебя господина Штикманна. Мы идем в Национальную библиотеку.

— К обеду ты вернешься?

— Может быть… хотя скорее нет… но ты не волнуйся…

И твердым голосом сказала Шолмсу:

— Я следую за вами, сударь.

— Без всякой задней мысли?

— С закрытыми глазами.

— Если вы попробуете сбежать, я позову на помощь, закричу и вас арестуют, а это — тюрьма. Не забудьте, что на арест Белокурой дамы выписан ордер.

— Клянусь вам честью, я не буду предпринимать ничего для того, чтобы сбежать.

— Верю вам. Идемте.

Вместе, как он и предсказывал, они вышли из особняка.

На площади стоял автомобиль, развернувшийся в другую сторону. Со спины был виден шофер, фуражка опускалась прямо на воротник его шубы. Подходя, Шолмс услышал звук работающего мотора. Он открыл дверцу, пропустил Клотильду вперед и сел рядом.

Машина резко рванула с места, поехала по внешнему бульварному кольцу, по авеню Ош, по авеню Великой Армии.

Херлок в задумчивости продолжал строить планы.

«Ганимар дома… я оставляю девушку у него… Сказать ему, кто она? Нет, он прямиком отведет ее в Депо, а это нарушит все мои планы. Я толь-

ко гляну в досье М. Б. — и в погоню. И сегодня же ночью, самое позднее — завтра утром найду Ганимара, как мы и договаривались, и сдам ему Арсена Люпена со всей его бандой...»

Он потирал руки, счастливый оттого, что уже близка заветная цель и не видно никаких серьезных препятствий для ее достижения. И, поддавшись настоятельному желанию выразить чувства, обуревавшие его, что весьма контрастировало с его манерой поведения, он воскликнул:

— Простите мне, сударыня, что я выказываю такое удовлетворение ходом событий. Борьба была мучительной, и потому победа приятна, как никогда.

— Победа досталась вам по праву, вы можете быть довольны собой.

— Благодарю вас. Но какой странной дорогой мы едем! Шофер что, не слышал, что ли?

Они выезжали через заставу Нёйи из Парижа. Что за дьявольщина! Ведь улица Перголези не за пределами Парижа!

Шолмс опустил стекло, отделяющее салон от кабины шофера.

— Слушайте, водитель, вы ошиблись... Улица Перголези!..

Человек не отвечал. Тогда Шолмс повторил,

уже громче:

— Я велел вам ехать на улицу Перголези.

Человек опять ничего не ответил.

— А, так вы глухой, дружище. Или вы назло мне… Нам тут делать нечего… На улицу Перголези!.. Приказываю вам развернуться — и живо.

Опять то же молчание. Англичанин страшно забеспокоился. Он посмотрел на Клотильду: какая-то непостижимая улыбка тронула ее губы.

— Что это вы веселитесь? — пробурчал он… — Этот инцидент не имеет никакого отношения… он ничего не меняет…

— Ровно ничего, — ответила она.

И вдруг ему пришла в голову мысль, потрясшая его. Слегка приподнявшись, он внимательнее посмотрел на человека, сидевшего впереди. Плечи были поуже, да и манера держаться более непринужденная… Он покрылся холодным потом, кулаки его сжались, в нем утвердилось самое страшное подозрение на свете: этот человек — Арсен Люпен.

— Так как, господин Шолмс, что вы скажете об этой прогулочке?

— Прелестно, любезный, просто прелестно, — ответил Шолмс.

Быть может, еще никогда в жизни не приходи-

лось ему делать над собой такого чудовищного усилия, чтобы выговорить эти слова без дрожи в голосе, ничем не выдав неистовства, бушевавшего в нем. Правда, тут же его блестящая реакция, потоки ярости и ненависти прорвали плотину, и он вновь обрел волю; резким жестом достав револьвер, он навел его на мадемуазель Дестанж.

— Сию же минуту, сию же секунду остановите машину, Люпен, или я стреляю в мадемуазель.

— Советую целиться в щеку, если вы хотите попасть в висок, — не поворачивая головы, ответил Люпен.

— Максим, — сказала Клотильда, — не надо ехать слишком быстро, мостовая скользкая, а я такая трусиха.

Она все улыбалась, глядя на мостовую, вперед, на неровную дорогу.

— Да пусть же он остановится! Пусть он остановится, наконец! — сказал ей Шолмс, взбешенный от злости, распиравшей его. — Вы же видите, что я способен на все!

Дулом револьвера он касался ее локонов.

Она прошептала:

— Этот Максим — сама неосторожность! На такой скорости нас наверняка занесет.

Шолмс положил в карман револьвер и схва-

тился за ручку дверцы, готовый выскочить из автомобиля, несмотря на всю абсурдность такого поступка.

Клотильда сказала ему:

— Осторожнее, господин Шолмс, за нами машина.

Он отклонился. За ними действительно следовал автомобиль, огромный, кровавого цвета, жуткий на вид из-за своего острого носа и четверых в кожанках, сидевших в нем.

«Ну-ну, — подумал он, — меня неплохо охраняют, надо запастись терпением».

С гордым покорством людей, отступающих в ожидании лучших времен, когда фортуна отворачивается от них, он скрестил на груди руки. И пока они переезжали Сену, неслись через Сюрен, Рюэй-Мальмезон и Шату, смирившись и не двигаясь, обуздав свой гнев, он безо всякой горечи размышлял о том, каким именно чудом Арсену Люпену удалось оказаться на месте шофера. Что славный парень, которого он выбрал утром на бульваре, мог быть заранее оказавшимся там соучастником, Херлок не допускал. Однако Арсена Люпена кто-то, без всякого сомнения, предупредил, и случиться это могло только после того, как он, Шолмс, стал угрожать Клотильде,

раньше-то никто не мог знать о его планах. Но с того момента он с Клотильдой не расставался ни на секунду.

И вдруг его потрясло одно воспоминание: девушка попросила телефонистку соединить ее с портнихой. И он сразу же все понял. Еще тогда, когда он только сказал, что он новый секретарь господина Дестанжа и хочет побеседовать с ней, она почуяла опасность, угадала имя и цель посетителя и спокойно, самым естественным на свете образом, словно она действительно делала то, что хотела показать, она призвала на помощь Люпена, пользуясь условленными между ними формулами.

Как появился Арсен Люпен, как увидел этот автомобиль со включенным мотором, показавшийся ему подозрительным, как он подкупил шофера — все это было не важно. Что восхищало Шолмса до такой степени, что он даже стал меньше злиться, так это воспоминание о той минуте, когда обыкновенная женщина — правда, влюбленная, — справившись с волнением, подавив все свои страхи, не моргнув глазом, с каменным лицом обвела старика Херлока Шолмса вокруг пальца.

Что можно поделать с человеком, у которого

такие помощники и кто одним своим влиянием может внушить женщине такую отвагу и такую энергию!

Переехали Сену, подъезжали к Сен-Жермену; но в пятистах метрах от въезда в этот городок автомобиль замедлил ход. Вторая машина поехала рядом, затем обе остановились. Поблизости не было ни души.

— Господин Шолмс, — сказал Люпен, — будьте так любезны, пересядьте, пожалуйста, в другую машину. Наша и впрямь едет очень медленно!..

— Как это! — поспешно воскликнул Шолмс, у которого выбора никакого не было.

— И позвольте предложить вам эту шубу, мы будем ехать довольно быстро, и еще разрешите угостить вас двумя сэндвичами... Да, да, не отказывайтесь, кто знает, когда вам удастся пообедать!

Четверо вышли из машины. Один из них приблизился, и, как только он снял очки, которые совершенно преображали его, Шолмс узнал господина в рединготе из венгерского ресторана. Люпен сказал ему:

— Отгоните этот фиакр шоферу, у которого я его одолжил. Он ждет на улице Лежандр, в первом винном погребке, если идти по правой стороне.

Вручите ему еще тысячу франков, которая ему обещана. Ой, чуть не забыл, извольте отдать свои очки господину Шолмсу.

Люпен поговорил о чем-то с мадемуазель Дестанж, затем сел за руль, и они поехали, справа от него был Шолмс, а за ними сидел кто-то из его команды.

Арсен Люпен не преувеличил, сказав, что они поедут «довольно быстро». С самого начала скорость движения была головокружительной. Горизонт мчался им навстречу, будто его тянула к ним некая таинственная сила, и тут же исчезал, поглощаемый какой-то бездной, в которую летели, словно потоки воды, затягиваемые водоворотом, деревья и дома, леса и долы.

Шолмс и Люпен не сказали друг другу ни слова. Проносящаяся над их головами листва шумела, как прибой, в мерном ритме посаженных на некотором расстоянии друг от друга тополей. Исчезали один за другим города: Мант, Вернон, Гайон. С одного холма на другой они мчались от Бон-Секура к Кантелё, потом был Руан с его пригородами, порт, километры набережных; Руан показался одной улицей маленького городишки. В своем полете они словно едва касались крыльями Дюклера, Кодбека, окрестностей Ко,

Лильбонна и Кийбёфа. И вдруг они оказались на берегу Сены, у маленького причала, возле которого стояла на якоре скромная, но ладная и крепкая яхта, ее труба выбрасывала черные кольца дыма.

Машина остановилась. За два часа они проехали более сорока лье[12].

Появился человек в синем кителе, в расшитой золотом фуражке и отсалютовал им.

— Отлично, капитан! — воскликнул Люпен. — Вы получили телеграмму?

— Да, получил.

— «Ласточка» готова?

— «Ласточка» готова.

— В таком случае прошу вас, господин Шолмс!

Шолмс посмотрел по сторонам, увидел нескольких человек на террасе кафе, еще одного совсем рядом, с минуту поколебался, затем, поняв, что при малейшем сопротивлении его схватят, посадят на яхту и загонят в самую глубину трюма, спустился по сходням и пошел за Арсеном Люпеном в капитанскую каюту.

Она была просторной, поразительно чистой и светлой, на лакированных панелях поблескивали медные украшения.

---

[12] Notes: 12

Лье — старинная мера длины, равная примерно 4 км.

Люпен закрыл дверь и безо всяких предисловий довольно грубо спросил Шолмса:

— Что вам на самом деле известно?

— Все.

— Все? Уточните, что именно.

В его интонациях уже не было той немного ироничной вежливости, которая была характерна для него в обращении с англичанином. Теперь в его голосе звучала властность хозяина, привыкшего командовать и привыкшего к тому, что все склоняются перед ним, будь то даже какой-нибудь Херлок Шолмс.

Они смерили друг друга взглядом, как враги; враги, гневно объявившие это друг другу. Несколько взволнованно, Люпен заговорил снова:

— Вот уже в который раз вы встаете на моем пути. Хватит с меня, мне надоело терять время на то, чтобы выпутываться из ловушек, которые вы постоянно расставляете мне. Предупреждаю вас, дальнейшие мои поступки целиком зависят от вашего ответа. Что вам известно на самом деле?

— Все, сударь, повторяю вам.

Довольно резко Арсен Люпен заявил:

— Я сам вам скажу, что вам известно. Вы знаете, что под именем Максима Бермона я… переделал пятнадцать домов, построенных Люсьеном Де-

станжем.

— Да.

— Из этих пятнадцати домов вам известны четыре.

— Да.

— И у вас есть список одиннадцати других.

— Да.

— Вы взяли этот список у господина Дестанжа, без сомненья, сегодня ночью.

— Да.

— И поскольку вы предполагаете, что один из этих одиннадцати домов я, разумеется, сохранил для себя и своих друзей, вы поручили заботам Ганимара, призвав его в помощники, отыскать мое убежище.

— Нет.

— Что означает?

— Что означает, что я действую в одиночку, и у себя в помощниках я один.

— Стало быть, мне бояться нечего, поскольку вы — в моих руках.

— Вам нечего бояться, пока я буду в ваших руках.

— Это значит, что вы здесь не останетесь?

— Нет.

Арсен Люпен подошел ближе к Херлоку Шолм-

су и, положив руку ему на плечо, сказал:

— Послушайте-ка, сударь, у меня нет настроения спорить с вами, да и вы, на свое несчастье, ничего со мной поделать не можете. Так что давайте с этим покончим.

— Давайте.

— Вы дадите мне свое честное слово, что не будете пытаться улизнуть с яхты, пока мы не войдем в воды Англии.

— Даю вам свое честное слово, что буду пытаться сбежать с этого судна всеми возможными способами, — ответил неукротимый Шолмс.

— Но, черт побери, вы же понимаете, что мне стоит только слово сказать — и вы будете лишены возможности даже пошевелиться. Все мои люди слепо повинуются мне. По моему знаку они наденут вам цепь на шею.

— Цепи рвутся.

— И бросят за борт в десяти милях от берега.

— Я умею плавать.

— Хороший ответ, — рассмеявшись, воскликнул Люпен. — Да простит мне Бог, я был в гневе. Прошу у вас прощения, мэтр… и подытожим наш разговор. Вы ведь понимаете, что я должен принять необходимые меры для собственной безопасности и безопасности своих друзей.

— Да, вы должны принять все меры. Но они ничего не дадут вам.

— Пусть. И все же вы не рассердитесь на меня, если я их приму?

— Это ваш долг.

— Тогда приступим к делу.

Люпен открыл дверь, позвал капитана и двух матросов. Эти двое схватили англичанина и, обыскав его, связали ему ноги и привязали веревками к кушетке капитана.

— Хватит! — приказал Люпен. — На самом деле только из-за вашего упрямства, сударь, и сверхсуровых обстоятельств я осмелился позволить себе…

Матросы удалились. Люпен сказал капитану:

— Капитан, один из членов экипажа останется здесь в распоряжении господина Шолмса; пожалуйста, и вы составьте ему компанию, как только вам это позволят ваши обязанности. И отнеситесь к нему со всем почтением. Это не пленник, а гость. Сколько времени на ваших часах?

— Пять минут третьего.

Люпен глянул на свои часы, затем на стенные, висевшие в каюте:

— Пять минут третьего?.. Так и есть. Сколько времени вам требуется, чтобы добраться до Са-

утгемптона?

— Девять часов, если не спешить.

— Вы проведете в море одиннадцать. Вам нельзя подходить к берегу до тех пор, пока в полночь из Саутгемптона не отчалит пароход, приходящий в Гавр в восемь утра. Вы понимаете, о чем я, капитан? Повторяю: поскольку для всех нас было бы крайне опасно, если бы этот господин вернулся во Францию этим пароходом, вы не должны приходить в Саутгемптон до часа ночи.

— Понятно.

— Я прощаюсь с вами, мэтр. До будущего года, на этом свете или на том.

— До завтра.

Через несколько минут Шолмс услышал, как отъехал автомобиль, и в ту же минуту где-то в глубине «Ласточки» громче запыхтела паровая машина, яхта отчаливала.

К трем часам из устья Сены они выходили в открытое море. В это время, вытянувшись на кушетке, к которой он был привязан, Херлок Шолмс спал глубоким сном.

На следующее утро, в день десятый (и последний) войны, объявленной друг другу двумя великими противниками, «Эко де Франс» опубликовала такую прелестную заметочку:

Вчера Арсеном Люпеном был принят указ об изгнании Херлока Шолмса, английского сыщика. Объявленный в полдень, указ был приведен в исполнение в тот же день. В час ночи Шолмс был высажен в Саутгемптоне.

Глава шестая
Второй арест Арсена Люпена

В восемь часов утра улица Крево от проспекта Булонского Леса до авеню Бюжо уже была забита машинами по перевозке мебели, их было двенадцать. Господин Феликс Давей, занимавший пятый этаж дома № 8, покидал свои апартаменты. Вывозил свою коллекцию мебели, к которой проявляло интерес столько иностранных корреспондентов, что ни день наведывавшихся к нему, и господин Дюбрей, эксперт, объединивший в одни апартаменты квартиру на шестом этаже того же дома и две другие, тоже на шестом этаже, в двух прилегавших к дому № 8 домах; вывозил в тот же самый день, что, конечно же, было чистым совпадением — эти господа друг с другом были незнакомы.

На одну деталь в квартале обратили внимание, но заговорили об этом много позже: ни на одной из машин не было написано ни адреса, ни фамилии переезжавшего, и ни один из грузчиков не зашел в близлежащую лавочку или кабачок. Они так прекрасно работали, что к одиннадцати

часам все было закончено. По углам в пустых комнатах остались лишь кучи бумаг и тряпок, как обычно после переезда.

Господин Феликс Давей, элегантный молодой человек, одетый по самой изысканной моде, но державший в руках гимнастическую палку, вес которой указывал на то, что у ее обладателя недюжинные бицепсы, господин Феликс Давей спокойно прошел и сел на скамейку, стоявшую на аллее, в которую упирается проспект Булонского Леса; сел он лицом к улице Перголези. Возле него молодая женщина в типичном для дамы среднего сословия костюмчике читала газету, пока ребенок возился с совочком в песочнице.

Через некоторое время Феликс Давей, не поворачивая головы, спросил ее:

— Что Ганимар?

— Ушел сегодня в девять утра.

— Куда?

— В префектуру.

— Один?

— Один.

— Телеграмм ночью не было?

— Никаких.

— В доме вам по-прежнему доверяют?

— Да, в высшей степени. Я немного помогаю

госпоже Ганимар, и она рассказывает мне обо всем, что делает ее муж... Мы провели все утро вместе.

— Это хорошо. До новых распоряжений продолжайте приходить сюда каждый день к одиннадцати часам.

Он поднялся и пошел в китайский павильончик возле площади Дофина, где скромно перекусил — два яйца, овощи, фрукты. Затем вернулся на улицу Крево и сказал, обратившись к консьержке:

— Я загляну наверх, а потом сдам вам ключи.

Свой обход он закончил комнатой, служившей ему кабинетом. Там он взял в руку конец газовой трубы, шедшей вдоль камина, — одно из колен было разъемным, — вынул медную пробку, которой была закрыта труба, приладил к ней маленький аппаратик в форме рожка и свистнул.

В ответ раздался чуть слышный свист. Поднеся рожок к губам, он прошептал:

— У вас никого, Дюбрей?

— Никого.

— Я могу подняться?

— Да.

Он положил трубу на место, размышляя: «До чего может дойти прогресс? Наш век буквально

кишит маленькими изобретениями, делающими жизнь очаровательной и удивительно яркой. И такой забавной!.. Тем более если умеешь так играть в жизнь, как я».

Он повернул один из мраморных завитков на камине. Мраморная доска в камине пришла в движение, зеркало над ним поехало по невидимым полозьям, и открылось зияющее пространство, в котором виднелись первые ступеньки лестницы, встроенной прямо в камин; все это было очень чистое, чугунные детали до блеска начищены, фарфоровая плитка — белоснежна.

Он поднялся наверх. На шестом этаже — то же отверстие в камине. Господин Дюбрей ждал его.

— У вас со всем покончено?

— Да.

— Все вывезено?

— Все, полностью.

— А обслуга?

— Остались только трое из охраны.

— Пойдемте туда.

Друг за другом той же дорогой они поднялись на этаж, где жили слуги, и в мансарде увидели троих, один из них смотрел в окно.

— Ничего нового?

— Ничего, хозяин.

— На улице все тихо?

— Абсолютно.

— Еще десять минут, и я ухожу окончательно. Вы тоже уйдете. С этой минуты о малейшем движении на улице предупредите меня.

— Я постоянно держу палец на кнопке сигнала тревоги, шеф.

— Дюбрей, вы велели всем, кто занимался переездом, не касаться проводов этого сигнала?

— Разумеется, все работает прекрасно.

— Тогда я спокоен.

Оба джентльмена спустились в квартиру Феликса Давея. Вернув в прежнее положение мраморный завиток, он весело воскликнул:

— Знаете, Дюбрей, хотел бы я видеть физиономии тех, кто обнаружит все эти восхитительные фокусы, сигнальные звонки, сеть электрических проводов, акустические трубы, невидимые ходы, скользящие половицы, потайные лестницы… Настоящая феерия!

— И какая реклама для Арсена Люпена!

— Реклама, без которой можно прекрасно обойтись. Жаль покидать так прекрасно оборудованное жилище. Придется все начать сначала, Дюбрей… И по новой модели, потому что повторяться нельзя никогда. Чума на этого Шолмса!

— Он все еще не вернулся, этот Шолмс?

— А как бы он мог это сделать? Из Саутгемптона есть только один пароход, тот, что выходит в полночь. Из Гавра идет только один поезд, утренний, восьмичасовой, который приходит в одиннадцать часов одиннадцать минут. Поскольку он не сел на пароход, отчаливающий в полночь, — а он не сел на него, инструкции у капитана были очень четкие, — он может прибыть во Францию только вечером, через Ньюхевен и Дьепп.

— Если он вообще вернется!

— Шолмс никогда не бросает партию недоигранной. Он вернется, но будет слишком поздно. Мы уже будем далеко.

— А мадемуазель Дестанж?

— Я встречаюсь с ней через час.

— У нее?

— О нет! Она вернется к себе не раньше чем через несколько дней, когда буря утихнет… и когда у меня не останется других дел, кроме нее. Но вам, Дюбрей, надо поторопиться. Погрузка всех наших вещей — дело долгое, и ваше присутствие на пристани совершенно необходимо.

Здесь в течение пяти лет жил
в начале двадцатого века
Арсен Люпен,
джентльмен-грабитель

— Вы уверены, что за нами не следят?

— А кто может следить за нами? Я боялся только Шолмса.

Дюбрей удалился. Феликс Давей еще раз обошел помещения, поднял с пола какие-то разорванные письма, потом, увидев кусочек мела, взял его в руку и нарисовал на темных обоях столовой рамку и написал в ней так, как пишут на мемориальных досках:

Эта маленькая шутка доставила ему удовольствие. Насвистывая какую-то веселую мелодию, он глянул на надпись и воскликнул:

— А теперь, когда я урегулировал свои отношения с историками и грядущими поколениями, пора сматывать удочки. Торопитесь, уважаемый Херлок Шолмс, не пройдет и трех минут, как я покину свое убежище, и поражение ваше станет окончательным… Еще две минуты!.. Вы заставляете себя ждать, мэтр!.. Еще минута!.. Вы не идете? В таком случае объявляю о вашем поражении и своем триумфе. И на этом смываюсь. Прощай, королевство Арсена Люпена! Я тебя больше не увижу. Прощайте, пятьдесят пять комнат в шести квартирах, где я царствовал! Прощай, моя комнатушка, скромная моя комнатушка!

Звонок резко оборвал его лирическую тираду,

звонок был пронзительный, короткий и резкий, он прозвенел два раза, потом еще два и затих. Это был сигнал тревоги.

Что случилось? Какая непредвиденная опасность вдруг возникла? Ганимар? Но нет…

Он хотел было вернуться в кабинет и бежать оттуда. Но прежде подошел к окну. На улице — никого. Неужто враг уже в доме? Он прислушался, и ему показалось, что он различает какой-то неясный шум. Не колеблясь больше ни минуты, он побежал в кабинет и на пороге услышал, как кто-то пытается вставить ключ в замочную скважину двери вестибюля.

— Вот черт, — прошептал он, — самое время. Дом может быть окружен… черным ходом не воспользуешься! Еще счастье, что камин…

Он мгновенно схватился за мраморный завиток. Тот не поддался. Люпен сделал большее усилие: никакого результата.

В ту же минуту ему показалось, что дверь открылась и раздались шаги.

— Черт возьми, — выругался он, — я погиб, если этот проклятый механизм…

Пальцы его сжались, он вцепился в мраморный завиток. Навалился на него всем своим весом. Ничего не поддавалось. Ничего! Какое-то

невероятное невезение, ошеломляюще злобная проделка судьбы: механизм, еще секунду назад прекрасно работавший, больше не действовал!

Он остервенело впился в мраморный завиток. Механизм был мертв. Проклятье! Неужели же можно допустить, чтобы эта дурацкая преграда перекрыла ему путь. Он стучал по мрамору, яростно сжатыми кулаками молотил по нему, ругался…

— Ну что, господин Люпен, значит, что-то получается не совсем так, как вам хотелось бы?

Люпен в ужасе обернулся, его передернуло. Прямо перед ним стоял Херлок Шолмс!

Херлок Шолмс! Арсен Люпен глядел на него, жмурясь, словно ему было больно смотреть на это жуткое видение. Херлок Шолмс в Париже! Херлок Шолмс, которого он, как опасную посылку, отправил накануне в Англию, стоял перед ним, торжествующий и свободный! О! Раз вопреки воле Арсена Люпена это невероятное чудо свершилось, мир, должно быть, перевернулся, все стало ненормальным и нелогичным! Херлок Шолмс здесь, перед ним!

Англичанин заговорил, теперь настал его черед иронизировать и вести себя с той надменной вежливостью, с какой так часто противник

оскорблял его:

— Господин Люпен, заявляю вам, что с этой самой минуты я никогда больше не вспомню о той ночи, которую вы заставили меня провести в особняке барона д'Отрека, никогда не буду вспоминать о несчастьях моего друга Вильсона, не буду помнить о том, как вы похитили меня на автомобиле, ни о путешествии, которое я только что совершил, привязанный по вашему распоряжению к неудобной кушетке. Эта минута затмевает все. Я больше не помню ничего. Все оплачено. Все оплачено по-королевски.

Люпен молчал. Англичанин заговорил снова:

— Вы ведь того же мнения?

Ему так не терпелось услышать утвердительный ответ, как будто он затребовал что-то вроде расписки или квитанции за возвращенное прошлое.

Люпен на минуту задумался, причем у англичанина было ощущение, что его словно прощупывают, проникая в самые тайники души, и заявил:

— Я полагаю, господин Шолмс, что для настоящего вашего поведения есть основания и они весьма серьезны?

— В высшей степени серьезны.

— То, что вы улизнули от моего капитана и моих матросов, всего лишь незначительный инцидент в нашей борьбе. Но то, что вы здесь, один передо мной, понимаете, *один на один* с Арсеном Люпеном, этот факт убеждает меня в том, что ваша победа настолько полна, насколько это возможно.

— Да, насколько это возможно.

— Этот дом?..

— Окружен.

— Оба соседних?

— Тоже.

— Квартира, расположенная над этой?

— Три квартиры на шестом этаже, которые занимал господин Дюбрей, тоже окружены.

— Таким образом?

— Таким образом, вы попались, господин Люпен, и положение ваше совершенно безнадежно.

Люпен испытал те же чувства, что и Шолмс во время прогулки в автомобиле, ту же дикую ярость, тот же бунт в душе и то же смирение, в конце концов, перед силой обстоятельств. Оба в равной мере могущественные, они, должно быть, одинаково воспринимали поражения — как временные неприятности, перед которыми необходимо отступить.

— Мы квиты, господин Шолмс, — отчетливо проговорил он.

Англичанин, казалось, был в восторге от этого признания. Оба замолкли. Потом Люпен заговорил снова, улыбнувшись и уже полностью овладев собой:

— И знаете, я не огорчен! Это уже стало скучным — выигрывать любой ценой. Мне оставалось только протянуть руку и поразить вас прямо в грудь. И вот теперь мне это удалось. Туше[13], мэтр!

Он от души смеялся.

— Наконец-то развлечемся! Люпен в ловушке. Как он из нее выберется? В ловушке!.. Ну и приключение!.. О, мэтр, я вам обязан сильными впечатлениями. Вот она, жизнь!

Сжав кулаки, он сдавил виски, словно хотел подавить в себе какую-то безумную, бушевавшую в нем радость, вел себя как ребенок, развеселившийся сверх всякой меры.

Наконец он подошел к англичанину:

— А чего вы сейчас ждете?

— Чего я жду?

---

[13] Notes: 13

Туше — фехтовальный термин, означающий прикосновение оружия к противнику. — *Примеч. ред.*

— Ну да, Ганимар там, со своими людьми. Почему же он не войдет?

— Я просил его не входить.

— И он согласился?

— Я согласился принять его помощь только на тех условиях, что командовать буду я. К тому же он думает, что Феликс Давей — всего лишь сообщник Арсена Люпена!

— Тогда я задам свой вопрос иначе. Почему вы вошли ОДИН?

— Я хотел сначала поговорить с вами.

— А, вам есть о чем поговорить со мной!

Эта идея, похоже, пришлась очень по душе Люпену. Бывают обстоятельства, когда слова куда предпочтительнее действий.

— Я весьма сожалею, господин Шолмс, что не могу предложить вам здесь кресла. Вот этот полусломанный ящик вам не подойдет? А может, подоконник? Уверен, что стаканчик пива не помешал бы… Темного или светлого? Но садитесь же, прошу вас…

— Это ни к чему. Давайте поговорим.

— Слушаю вас.

— Я буду краток. Цель моего пребывания во Франции вовсе не ваш арест. Если мне и пришлось гоняться за вами, так это только потому,

что никакой другой возможности достичь моей подлинной цели у меня попросту не было.

— И какова же она?

— Найти голубой бриллиант!

— Голубой бриллиант!

— Конечно, потому что тот, что был обнаружен в зубном порошке консула Блейшена, — фальшивый.

— Разумеется. Подлинный был отослан Белокурой дамой, после чего я заказал его точную копию, и, поскольку у меня были виды на другие драгоценности графини, а консул уже был на подозрении, вышеупомянутая Белокурая дама подложила фальшивый бриллиант, чтобы, в свой черед, не оказаться под подозрением, в порошок вышеупомянутого консула.

— Тогда как подлинный вы оставили у себя.

— Ясное дело.

— Этот-то бриллиант мне и нужен.

— Тысяча сожалений. Это невозможно.

— Я обещал его графине де Крозон. И я получу его.

— Как это вы получите его, если он у меня?

— Я получу его *именно потому, что он у вас.*

— Я вам его, стало быть, отдам?

— Да.

— И добровольно?

— Я его у вас покупаю.

Люпен страшно развеселился:

— Вы настоящий англичанин. Смотрите на это как на сделку.

— А это и есть сделка.

— И что же вы мне предлагаете?

— Свободу мадемуазель Дестанж.

— Свободу? Но, насколько я знаю, она не арестована.

— Я снабжу Ганимара необходимыми данными. А без вашего покровительства ее, разумеется, тоже посадят.

Люпен снова расхохотался:

— Дорогой господин Шолмс, вы предлагаете мне то, чего у вас нет. Мадемуазель Дестанж в безопасности, и ей ничего не грозит. Вы мне лучше предложите что-нибудь другое.

Англичанин задумался, явно огорошенный, щеки его слегка покрылись румянцем. Затем неожиданно он положил руку противнику на плечо:

— А если бы я предложил…

— Свободу мне?

— Нет… но, вообще-то, я могу выйти из этой комнаты и поговорить с господином Ганимаром…

— А мне пока посидеть здесь и подумать?

— Да.

— Господи боже мой, да что мне все это дает? Чертов механизм по-прежнему не действует, — сказал Люпен и в раздражении ткнул рукой в мраморный завиток над камином. Ему стоило недюжинных усилий сдержать свой изумленный крик: мраморная штуковина прихотью судьбы, вернувшей ему удачу, при его прикосновении ожила.

Это было спасением, побег становился возможным. Зачем же в таком случае соглашаться на условия Шолмса?

Он расхаживал по комнате, будто бы обдумывая ответ. Потом, в свой черед, положил руку Шолмсу на плечо.

— Я все хорошенько взвесил, господин Шолмс, и предпочитаю свои делишки обделывать сам, без чьей-либо помощи.

— И однако…

— Нет, нет, мне никто не нужен.

— Когда Ганимар схватит вас, все будет кончено. Вас не отпустят.

— Как знать!

— Послушайте, это же безумие. Все выходы под контролем.

— Остается еще один.

— Какой?

— Который изберу я.

— Это все слова! Вас, можно считать, уже арестовали.

— Я еще не арестован.

— И что в таком случае?

— В таком случае голубой бриллиант остается у меня.

Шолмс достал из жилетного кармана часы:

— Сейчас без десяти три. В три часа я зову Ганимара.

— Значит, у нас с вами есть десять минут, чтобы поболтать. Давайте воспользуемся этим, господин Шолмс, и расскажите мне, я сгораю от любопытства: как это вам удалось узнать мой адрес и имя Феликса Давея, под которым я скрывался.

Внимательно наблюдая за Люпеном, чье хорошее настроение изрядно беспокоило его, Шолмс охотно согласился дать объяснения, которые к тому же тешили его самолюбие, и начал:

— Ваш адрес? Я его знаю благодаря Белокурой даме.

— Клотильда?

— Она самая. Вспомните-ка… вчера утром…

когда я собирался увезти ее на автомобиле, она позвонила своей портнихе.

— Да, действительно.

— Так вот, позже я понял, что это были вы. И на яхте сегодня ночью усилием памяти, а это, быть может, одно из тех моих достоинств, которыми мне будет позволено похвастаться, мне удалось восстановить две последние цифры вашего телефона — 73. Таким образом, имея под рукой список «охваченных» вами домов, мне было нетрудно, как только я оказался сегодня в одиннадцать утра в Париже, найти в телефонном справочнике имя и адрес господина Феликса Давея. Узнав фамилию и адрес, я призвал на помощь господина Ганимара.

— Восхитительно! Высший класс! Мне остается только снять перед вами шляпу. Но чего я не могу уразуметь, так это того, как вы ухитрились сесть на гаврский поезд. Как вам удалось сбежать с «Ласточки»?

— Я и не сбегал.

— И все-таки…

— Вы отдали капитану приказ не приходить в Саутгемптон до часа ночи. Меня высадили в полночь, и я успел сесть на пароход, идущий в Гавр.

— Капитан мог предать меня? Но это невоз-

можно.

— Он и не предавал вас.

— А как же?

— Это его часы.

— Часы?

— Да, его часы, которые я подвел на час вперед.

— Каким образом?

— Как подводят часы, простым переводом стрелок. Мы с ним болтали, я рассказывал ему то, что ему было интересно… Ей-богу, он ничего не заметил.

— Браво, браво, согласен, ход красивый. Но стенные часы, висевшие в его каюте?

— Да, с ними было посложнее, ноги-то у меня были связаны, но матрос, который охранял меня, пока капитан выходил из каюты, любезно согласился перевести стрелки.

— Как — он? Ничего себе! Он согласился?..

— О, он ведь не догадывался, чем чреват его поступок! Я сказал ему, что мне во что бы то ни стало надо попасть на первый лондонский поезд… и он дал себя уговорить…

— Благодаря?

— Благодаря маленькому подарочку… впрочем, этот замечательный человек имеет милое намерение передать его вам.

— Что это за подарочек?

— Да так, пустяк.

— И все-таки?

— Голубой бриллиант.

— Голубой бриллиант!

— Ну да, фальшивый, тот самый, который вы подбросили Блейшену, подменив бриллиант графини, а она потом отдала этот фальшивый бриллиант мне…

Тут вдруг раздался взрыв безудержного смеха. Люпен хохотал до слез.

— Господи, как смешно! Мой фальшивый бриллиант у матроса! А часы капитана! А стрелки настенных часов!..

Никогда еще Шолмс не чувствовал, что борьба между ним и Люпеном так остра. Своей изумительной интуицией он понимал, что за чрезмерной его веселостью таится невероятная концентрация мысли, Люпен как бы сосредоточивает все свои силы и способности.

Понемногу Люпен подошел совсем близко. Англичанин отступил и рассеянно сунул руку в жилетный карман.

— Три часа, господин Люпен.

— Уже три? Как жаль!.. А было так весело!..

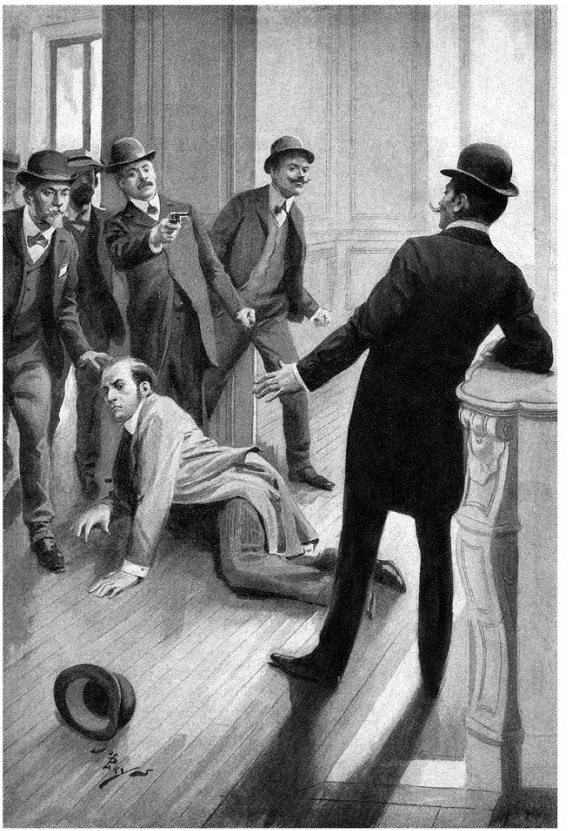
— Я жду вашего ответа.

— Моего ответа? Боже мой! Как вы требовательны! Так, значит, это конец очередной партии игры, в которую мы с вами играем. И ставка — моя свобода!

— Или голубой бриллиант.

— Пусть так… Играйте первым. Что вы делаете?

— Я беру короля, — сказал Шолмс, стреляя.



— А я беру силой, — ответил Арсен, сильно ударив Шолмса.

Шолмс выстрелил в воздух, призывая на помощь Ганимара, чье вторжение показалось ему неотложным. Но кулак Арсена попал прямо в живот Шолмсу, тот побелел и закачался. Одним прыжком Люпен оказался у камина, вот уже мраморная панель поехала… Но слишком поздно! Дверь открылась.

— Сдавайтесь, Люпен. Если же вы откажетесь…

Люпен не мог и вообразить, что Ганимар может оказаться так близко от него. Он стоял совсем рядом и целился в него из револьвера. А за ним теснились десять, нет, двадцать крепких и беззастенчивых парней, которые прибили бы его как собаку при малейшей попытке пошевелиться.

Очень спокойно он поднял руки:

— Лапки кверху! Сдаюсь.

И он скрестил руки на груди.

Все словно оцепенели. В комнате, где не было мебели, а со стен была содрана обшивка, слова Люпена отозвались эхом. «Сдаюсь!» Это было невероятно. Все ждали, что он сейчас исчезнет, провалившись в какой-нибудь люк, или стена развернется за ним, позволив ему в очередной раз скрыться от своих преследователей. А он

сдавался!

Ганимар взволнованно подошел к нему и со всей значительностью, которую он придавал этому действию, медленно положил руку на плечо противника и, не скрывая безумной радости, произнес:

— Я арестовываю вас, Люпен.

— Брр, — содрогнувшись, сказал Люпен, — ну и впечатления, дражайший Ганимар, что за скорбная мина у вас! Можно подумать, что вы произносите речь у могилы друга. Послушайте, к чему этот похоронный тон!

— Я арестовываю вас.

— И это вас так поражает? Именем закона, верный его слуга, Ганимар, главный инспектор, арестовывает гадкого Люпена. Историческая минута, все значение которой вы полностью осознаете… И ведь это происходит во второй раз. Браво, Ганимар, вы далеко пойдете!

И он протянул запястья для стальных наручников.

Событие это совершалось довольно торжественно. Полицейские, обычно грубые и вовсе не испытывавшие нежных чувств к Люпену, действовали очень осторожно, все еще не веря, что им наконец позволено дотронуться до этого

неприкосновенного существа.

— Бедный мой Люпен, — вздохнул Арсен Люпен, — что сказали бы твои друзья из благородных предместий, глядя на такую твою безропотность!

Мощным усилием мышц он развел руки. Вены на лбу его вздулись от невероятного напряжения. Звенья цепочки врезались ему в кожу.

— Ну-ка, — сказал он.

Цепь, порвавшись, разлетелась на части.

— Другую, приятель, эта не годится.

Ему надели двое наручников. Он одобрил такое решение:

— В добрый час! Все равно вы не перестараетесь.

Затем, посчитав, сколько полицейских собралось вокруг него, сказал:

— Сколько вас здесь, друзья мои? Двадцать пять? Тридцать? Это много... Ничего не поделаешь. О, если б вас было пятнадцать!

Он и впрямь был великолепен, это было великолепие большого актера, играющего свою роль по наитию и вдохновению, дерзновенно и легко. Шолмс смотрел на него, как смотрят хорошую пьесу, умея оценить все удачи и нюансы. И в самом деле, у него было странное чувство, что борьба идет на равных: с одной стороны — эти

тридцать человек, защищенные к тому же отлаженной системой правосудия, с другой — Люпен, один, безоружный и связанный. Силы противников были равны.

— Ну что, мэтр, — сказал Шолмсу Арсен Люпен, — довольны вы своим творением? Благодаря вам Люпен будет гнить на мокрой соломе карцеров. Признайтесь, на душе у вас не очень-то спокойно? Вас ведь мучают угрызения совести?

Англичанин нехотя пожал плечами, словно хотел сказать: «Все зависело только от вас…»

— Ни за что! Никогда в жизни! — вскричал Люпен. — Отдать вам голубой бриллиант? О нет, он мне и так уже довольно дорого обошелся. Я им дорожу. Когда я буду иметь честь нанести вам визит в Лондоне, в следующем месяце разумеется, я вам объясню, в чем дело… Да, а вы будете в Лондоне в следующем месяце? А может, вы предпочтете Вену? Или Санкт-Петербург?

Он вздрогнул. Под потолком вдруг зазвонил колокольчик. Это не был сигнал тревоги, к колокольчику тянулись провода от телефона, установленного в его кабинете, между окнами, а аппарат с собой не забрали.

Телефон! О! Кто же попадет сейчас в ловушку, расставленную проклятой фортуной! Арсену Лю-

пену захотелось разбить этот телефон, разбить его вдребезги и таким образом не дать прозвучать этому таинственному голосу, пожелавшему сейчас говорить с ним здесь. Но Ганимар уже снял трубку.

— Алло… алло… номер шестьсот сорок восемь — семьдесят три… да, да, вы сюда попали.

Шолмс мгновенно и властно отстранил его, схватил двумя руками обе телефонные трубки и накрыл платком микрофон, с тем чтобы голос его стал почти неразборчивым.

Тут он посмотрел на Люпена. И во взгляде, которым они обменялись, у обоих мелькнула одна и та же потрясшая их обоих мысль, оба до конца осознали те последствия, которыми грозило их предположение, оно было допустимо, вероятно, почти наверняка правильно: это звонила Белокурая дама. Она думала, что звонит Феликсу Давею, или, скорее, Максиму Бермону, и вот сейчас она целиком доверится Шолмсу!

Англичанин отрывисто сказал:

— Алло!.. алло!..

Последовала пауза, и Шолмс заговорил:

— Да, это я, Максим.

И тут с трагической ясностью предстала развязка этой драмы. Люпен, неукротимый насмешник

Люпен, даже не думал скрывать своего беспокойства, он сильно побледнел и отчаянно вслушивался, пытаясь догадаться, о чем идет речь. Отвечая таинственному голосу, Шолмс продолжал:

— Да… да… Ну да, здесь все закончено, и я как раз собирался встретиться с вами, как мы и договаривались… Где?.. Да прямо там, где вы сейчас… Не думаете же вы, что…

Он был в нерешительности, подбирал слова, потом вообще замолк. Люпену было ясно: он пытается выспросить хоть что-нибудь у девушки, у него ничего не получается. И он даже отдаленного представления не имеет, где она сейчас. Похоже, что ему еще очень мешает присутствие здесь Ганимара… О, если б какое-нибудь чудо могло оборвать этот дьявольский разговор! Люпен призывал его всеми силами души и всей своей нервной энергией.

Шолмс снова заговорил:

— Алло!.. Алло!! Вы меня не слышите?!! Я тоже не слышу… очень плохо… едва-едва различаю голос… Вы слушаете меня? Так вот, подумавши… предпочтительнее вам вернуться к себе… Какая опасность? Да нет никакой опасности… Да он в Англии! Я получил телеграмму из Саутгемптона,

в которой подтверждается его прибытие.

Какая ирония была в его словах! Шолмс произнес их с невыразимым блаженством. И добавил:

— Так что, дорогая моя, не теряйте времени, я скоро буду у вас.

Он положил обе трубки.

— Господин Ганимар, я попрошу у вас троих.

— Это ведь для того, чтобы захватить Белокурую даму?

— Да.

— Вы знаете, кто это, и знаете, где она?

— Да.

— Черт возьми! Красивая добыча. И Люпен… да, день удался! Фолянфан, берите двоих и отправляйтесь с господином Шолмсом.

Англичанин удалился, за ним последовали трое полицейских.

Все было кончено. Белокурая дама тоже попадала во власть Шолмса. Благодаря его восхитительному упорству и стечению счастливых обстоятельств борьба кончалась его победой и полным крахом Люпена.

— Господин Шолмс!

Англичанин остановился:

— Да, господин Люпен?

Люпен, казалось, был глубоко потрясен послед-

ним ударом судьбы. Морщины перечеркнули его лоб. Он устал и погрустнел. Но в каком-то приливе сил он вдруг распрямился. И воскликнул вопреки всему весело и непринужденно:

— Согласитесь, Шолмс, против меня сама судьба. Она только что отдала меня в ваше распоряжение, не дав мне сбежать через этот камин. А теперь вдобавок ко всему воспользовалась телефоном, чтобы преподнести вам в подарок Белокурую даму. Перед велениями судьбы я склоняюсь.

— И это означает?

— Это означает, что я готов вернуться к переговорам.

Шолмс отвел инспектора в сторону и попросил его, правда тоном, не допускающим никаких возражений, дать ему возможность переговорить с Люпеном наедине. Затем вернулся к Люпену. Совещание в верхах! Шолмс заговорил сухо и нервно:

— Чего вы хотите?

— Чтобы мадемуазель Дестанж осталась на свободе.

— Цена вам известна?

— Да.

— И вы согласны?

— Я принимаю все ваши условия.

— О! — изумленно выдохнул англичанин. — Но… вы же отказывались, когда…

— Когда речь шла обо мне, господин Шолмс. Но сейчас речь идет о женщине… о женщине, которую я люблю. Видите ли, у нас, во Франции, к этому совсем иначе относятся. И вовсе не в том дело, что меня зовут Люпеном, напротив, на моем месте любой поступил бы точно так же!

Он сказал это совершенно спокойным голосом. Шолмс еле заметно склонил голову и прошептал:

— Значит, голубой бриллиант?..

— Возьмите мою трость, там, в углу, у камина. Держите одной рукой набалдашник, а другой — поворачивайте металлическое кольцо в самом низу, у наконечника трости.

Шолмс взял ее в руки и, поворачивая кольцо, заметил, что набалдашник трости начал отвинчиваться. В середине его оказался шарик из воска, а в нем — голубой бриллиант.

Шолмс осмотрел его.

— Мадемуазель Дестанж свободна, господин Люпен.

— Свободна впредь, как и сейчас? И может вас не опасаться?

— Ни меня, ни кого другого. Ей некого опасаться.

— Что бы ни случилось?

— Что бы ни случилось. Я не знаю более ни имени ее, ни адреса.

— Спасибо. И до свидания. Мы ведь увидимся, правда, господин Шолмс?

— Не сомневаюсь.

Объяснение Шолмса с Ганимаром вышло таким бурным, что англичанину даже пришлось довольно грубо оборвать его:

— Я очень сожалею, господин Ганимар, что в корне с вами не согласен. Но я не располагаю временем, чтобы убедить вас. Через час я отбываю в Англию.

— И все же… Белокурая дама?

— Я не знаю этой особы.

— Но только минуту тому назад…

— Приходится делать выбор. Я уже предоставил вам Люпена. Вот голубой бриллиант… который вы будете иметь честь сами передать графине де Крозон. Мне кажется, что вам жаловаться не на что.

— Но Белокурая дама?

— Найдите ее.

Он надвинул на лоб шляпу и быстро удалился,

как человек, привыкший не задерживаться, когда дела сделаны.

— Счастливого пути, мэтр, — крикнул ему вслед Люпен. — Поверьте, я никогда не забуду наших с вами сердечных отношений. И передайте от меня дружеский привет господину Вильсону.

Не получив никакого ответа, он хихикнул:

— Вот что называется — уйти по-английски. О, нет у этого достойнейшего островитянина галантности, свойственной всем нам. Ну, представьте себе, Ганимар, как при подобных обстоятельствах удалился бы француз! С какой изысканной вежливостью скрывал бы он свой триумф!.. Но, господи прости, Ганимар, что вы делаете? Да вы что, обыск устраиваете? Но здесь же ничего не осталось, дружище, ни одной бумажки. Мои архивы в надежном месте.

— Как знать! Как знать!

Люпен покорился. Под охраной двух полицейских, которые держали его, и всех остальных, стоявших вокруг, он терпеливо смотрел на то, что происходит. Но через двадцать минут он тяжело вздохнул:

— Поживее, Ганимар, вы так никогда с этим не покончите.

— А вы, стало быть, очень спешите?

— Спешу ли я! У меня неотложная встреча!

— В Депо!

— Нет, в городе.

— Надо же! И во сколько?

— В два часа.

— Сейчас три.

— Разумеется, я опаздываю, но я этого терпеть не могу.

— Пять минут вы мне даете?

— И ни минутой больше.

— Очень любезно с вашей стороны… я попытаюсь…

— Да не говорите вы так много… Еще один стенной шкаф? Но он пуст!

— Однако вот же письма.

— Старые счета!

— Да нет, сверток, перевязанный ленточкой.

— Розовой ленточкой? О, Ганимар, не развязывайте ее, во имя всего святого!

— Это от женщины?

— Да.

— Дамы из высшего света?

— Самого высшего.

— Ее имя?

— Госпожа Ганимар.

— Очень забавно! Весьма забавно! — довольно

натужно воскликнул инспектор.

В эту минуту вошли полицейские, посланные осматривать другие комнаты, и объявили, что обыск не дал никаких результатов. Люпен расхохотался:

— Черт побери! Вы что, надеялись найти список имен моих товарищей или доказательства моих сношений с германским императором? Что здесь стоило бы поискать, Ганимар, так это маленькие секреты этих апартаментов. Вот эта газовая труба, например, — акустическая. За этим камином скрыта лестница. Стена эта — полая. А какая система сигнализаций! Послушайте, Ганимар, нажмите-ка вон ту кнопку…

Ганимар послушался.

— Вы ничего не слышите? — спросил Люпен.

— Нет.

— Я тоже. А вы тем временем предупредили коменданта моего парка аэростатов, чтобы он приготовил дирижабль, который вскоре поднимет нас с вами в воздух.

— Ладно, — сказал Ганимар, закончивший свой осмотр, — хватит болтать глупости, в путь!

Он двинулся вперед, за ним пошли его люди.

Люпен не сделал ни шага.

Охранники подтолкнули его. Все напрасно.

— Так что, — сказал Ганимар, — вы отказываетесь идти?

— Ни в коей мере.

— В таком случае…

— Но это зависит…

— От чего?

— От того места, куда вы собираетесь вести меня.

— В Депо, черт побери!

— Тогда не иду. Мне в Депо делать нечего.

— Вы что, с ума сошли?

— А разве я не имел чести предупредить вас, что у меня неотложная встреча?

— Люпен!

— Да что вы, Ганимар, Белокурая дама ждет меня, и неужто вы думаете, что я могу быть настолько невежливым, что заставлю ее волноваться? Это было бы крайне неучтиво.

— Послушайте, Люпен, — сказал инспектор, которого начинало раздражать это зубоскальство, — до сих пор я вел себя по отношению к вам в высшей степени предупредительно. Но всему есть предел. Следуйте за мной.

— Это невозможно. У меня свидание, и я на него явлюсь.

— В последний раз?

— Не-воз-мож-но.

Ганимар дал знак полицейским. Двое взяли Люпена под мышки. Но тут же отпустили его, взвыв от боли: обеими руками Арсен Люпен вонзил каждому из них глубоко под кожу по длинной иголке.

Обезумев от ярости, остальные полицейские, дав наконец выход своей ненависти, горя желанием отомстить за товарищей, да и за самих себя, после всех этих издевательств, стали бить его, и дубасили его наперегонки. Кто-то из них сильно ударил его в висок. Люпен упал.

— Если вы сильно его помяли, будете иметь дело со мной, — злобно проворчал Ганимар.

Он склонился над Люпеном, готовый оказать ему помощь. Но, убедившись, что тот дышит ровно, приказал взять его за ноги и за голову, а сам решил поддержать его снизу.

— Только идите осторожнее!.. Без сотрясений чтоб… Вот скоты, чуть мне его не убили. Ну что, Люпен, как вы?

Люпен открыл глаза:

— Не так чтобы здорово, Ганимар… вы позволили им уложить меня.

— Сами виноваты, черт вас дери… все из-за вашего упрямства! — ответил Ганимар, сочувствуя

ему. — Но вам не больно?

Они вышли на лестничную площадку. Люпен простонал:

— Ганимар… лифт… Они же мне все кости переломают…

— Хорошая мысль, блестящая мысль, — одобрил Ганимар. — Хотя лифт такой маленький… В него ведь не войдут…

Он вызвал лифт. Со всеми возможными предосторожностями Люпена усадили на сиденье. Ганимар сел рядом и сказал полицейским:

— Спускайтесь одновременно с нами. Будете ждать меня перед каморкой консьержки. Договорились?

Он взялся за створки двери. Но не успел он прикрыть ее, как раздались крики. В один миг лифт взлетел наверх, как шарик, у которого оборвали нитку. Раздался сардонический смех.

— Дьявольщина… — завопил Ганимар, истерично ища в темноте кнопку спуска.

А поскольку кнопка эта не находилась, он проорал:

— На шестой! Охраняйте дверь на шестом этаже.

Перепрыгивая через ступеньки, полицейские понеслись наверх. Но тут произошло нечто стран-

ное: лифт, казалось, пробил потолок последнего этажа, скрылся из виду, затем вдруг снова возник, но уже на самом верхнем этаже, там, где жили слуги, и остановился. Возле лифта уже стояли три человека, они тут же открыли дверь. Двое справились с ошалевшим Ганимаром, который, впрочем, едва шевелился и даже не думал сопротивляться. Третий помог выйти Люпену.

— Я вас предупреждал, Ганимар… похищение на воздушном шаре… И все это устроили вы сами! В другой раз меньше сочувствуйте. А главное, вот что запомните: Арсен Люпен даром себя бить не позволит и в обиду себя не даст. Прощайте…

Кабина уже была закрыта, и лифт вместе с Ганимаром отправлен обратно, туда, откуда можно было спуститься на нижние этажи. Все это свершилось так быстро, что старый полицейский некоторых своих людей застал еще внизу, у каморки консьержки.

Не перекинувшись и словцом, они побежали через двор и поднялись черной лестницей на тот этаж, где жили слуги (другого способа попасть туда не было) и откуда был совершен побег.

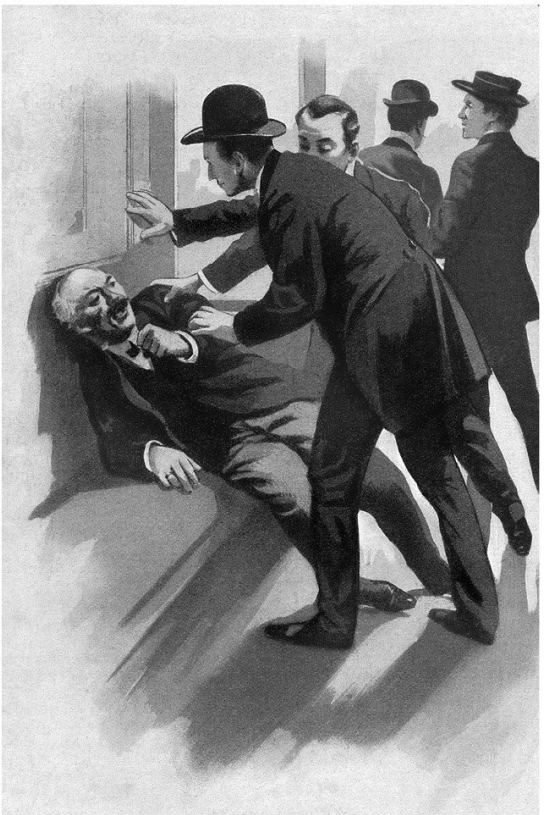
Длиннющий коридор с бесконечными поворотами и перенумерованными по обеим его сторонам комнатками вел к двери, которую

достаточно было просто толкнуть — и она открылась. По другую сторону этой двери, а стало быть, уже в другом доме шел такой же коридор со скругленными углами и похожими комнатками. В конце его была черная лестница. Ганимар спустился по ней, пересек двор, вошел в вестибюль и оттуда вышел на улицу; это была улица Пико. Тогда он понял: оба дома были построены как бы в глубину: торцы их соединялись, фасадами они выходили на параллельные улицы, а между этими улицами было не меньше шестидесяти метров.

Ганимар вошел к консьержке и показал ей свое удостоверение:

— Четверо выходили отсюда?

— Да, двое слуг с пятого и шестого и двое их друзей.



— А кто у вас занимает пятый и шестой этажи?

— Господа Фовель и их родственники Прово… Они сегодня съехали. Оставались только эти двое слуг… Только что ушли и они.

«О! — подумал Ганимар и плюхнулся на кушетку, стоявшую в каморке. — Какой прекрасный случай мы упустили! Вся банда занимала один квартал!»

Сорок минут спустя два господина подъезжали на автомобиле к Северному вокзалу, они спешили на гаврский экспресс, за ними шел носильщик с чемоданами.

У одного из этих господ была на перевязи рука, он был бледен и явно нездоров. Другой казался очень веселым.

— Галопом, Вильсон, мы не должны опоздать на поезд… О, Вильсон, этих десяти дней я никогда не забуду.

— Я тоже.

— Какая красивая борьба была!

— Восхитительная!

— Ну, разве только пустяковые неприятности…

— Но очень пустяковые.

— Зато какой финал! Триумф на всех фронтах! Люпен арестован! Голубой бриллиант возвра-

щен!

— Рука моя сломана!

— Когда речь идет о таких победах, что значит одна сломанная рука!

— Тем более моя.

— Конечно! Ведь, вспомните, Вильсон, как раз тогда, когда вы были в аптеке и так геройски страдали, меня осенило, я нашел ту путеводную нить, которая вывела меня из тьмы.

— Счастливая удача!

Дверцы уже закрывались.

— Пожалуйста, зайдите в вагон. Давайте поспешим, господа.

Носильщик, взойдя по ступенькам в пустое купе, укладывал чемоданы на сетку, а Шолмс тем временем втаскивал несчастного Вильсона.

— Да что с вами, Вильсон? Когда же это кончится!.. Держитесь, старый мой дружище… не надо нервничать…

— С нервами у меня все в порядке.

— Так в чем же дело?

— Я ведь только одной рукой владею.

— И что с того? — весело воскликнул Шолмс. — Вот еще неприятности! Можно подумать, что вы один такой на свете! А каково одноруким? Настоящим одноруким? Полно вам! Это не беда.

Он протянул носильщику пятьдесят сантимов.

— Отлично, дружище. Это вам.

— Спасибо, господин Шолмс.

Англичанин поднял глаза: это был Арсен Люпен.

— Вы!.. Вы! — остолбенело прошептал он.

А Вильсон, протянув вперед свою единственную руку и как бы предоставляя наглядное опровержение факта, пробормотал:

— Вы! Вы! Но вы же арестованы! Мне Шолмс это сказал. Он оставил вас с Ганимаром и тридцатью полицейскими, плотно вас окружавшими…

Люпен скрестил руки на груди и презрительно сказал:

— Вы подумали, что я позволю вам уехать, не попрощавшись с вами? После того, как у нас сложились такие прекрасные дружеские отношения! Нет, это было бы последней неучтивостью. За кого вы меня принимаете?

Поезд дал гудок отправления.

— Ну ладно, я вас прощаю… Есть ли у вас все необходимое? Табак, спички… Да… А вечерние газеты? Вы найдете в них подробности моего ареста и описание вашего последнего подвига, мэтр. А теперь до свидания, я счастлив был с вами познакомиться… правда счастлив!.. И если я ко-

гда-нибудь пригожусь вам, буду безмерно рад…

Он спрыгнул на платформу и закрыл за собой дверцу.

— Прощайте, — повторил он, помахав платком. — Прощайте, я буду вам писать… Вы тоже, правда? А как ваша сломанная рука, господин Вильсон? Жду новостей от вас обоих… Просто почтовую открыточку время от времени… А адрес мой: Париж, Люпену… Этого достаточно… Марки не нужно… До свидания… До скорого…

Часть вторая
Еврейская лампа

Глава первая

Херлок Шолмс и Вильсон устроились справа и слева от большого камина, протянув ноги к уютному огню.

Короткая вересковая трубка Шолмса с серебряным кольцом погасла. Он вычистил остатки пепла, набил ее снова, прикурил и, прикрыв колени полами своего халата, принялся выпускать к потолку колечки дыма.

Вильсон глядел на него. Он глядел, как собака, свернувшись клубком на ковре, смотрит на хозяина — круглыми глазами, не мигая, тем взглядом, в котором таится лишь одна надежда: не пропустить долгожданного жеста. Нарушит ли хозяин молчание? Откроет ли секрет своих раздумий, пустит ли в царство своих умозаключений, куда, как казалось Вильсону, путь ему был заказан?

Шолмс молчал.

Вильсон отважился начать разговор:

— Настали спокойные времена. Ни одного дела, которое мы могли бы раскусить.

Молчание Шолмса становилось все упорнее, а колечки дыма — все круглее и круглее, и если бы на месте Вильсона оказался бы кто-нибудь дру-

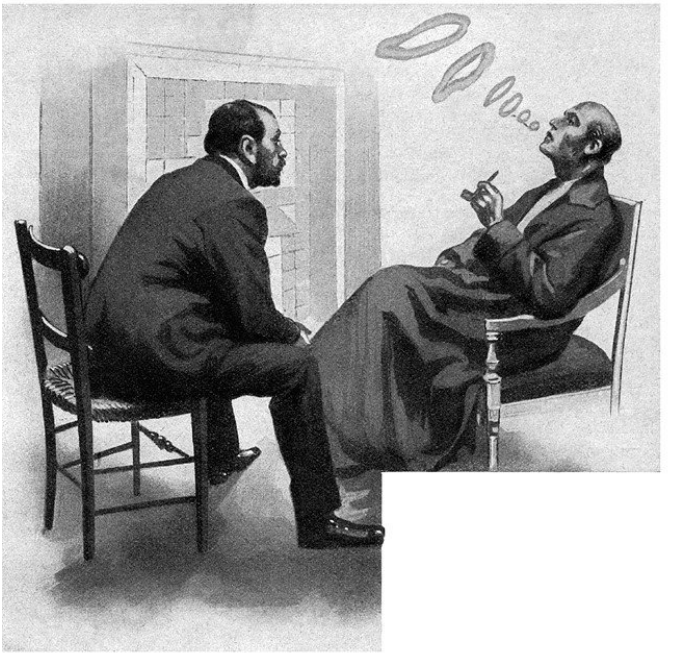
гой, то давно бы догадался, что друг его получает глубочайшее удовлетворение от таких хоть и мелких, но все равно приятных успехов в минуты, когда мозг освобождается от всяких мыслей.

Отчаявшись, Вильсон встал и подошел к окну.

Вид улицы, текущей мимо мрачных фасадов домов под черным небом, с которого яростно струились противные потоки дождя, наводил грусть. Проехал кеб, за ним другой. Вильсон на всякий случай записал в блокнот их номера. Кто знает, может, и понадобится когда-нибудь.

— Смотрите! — вдруг воскликнул он. — К нам идет почтальон!

Слуга проводил его в комнату.



— Два заказных письма. Распишитесь, пожа-

луйста.

Шолмс расписался в книге и, проводив почтальона до дверей, вернулся, распечатывая одно из писем.

— У вас очень довольный вид, — спустя некоторое время заметил Вильсон.

— В этом письме содержится весьма интересное предложение. Вы так просили какого-нибудь дела, так вот оно. Читайте.

Вильсон стал читать:

Месье, зная о Вашем опыте, прошу Вас о помощи. Я оказался жертвой весьма крупной кражи, и все предпринятые до сих пор поиски не привели пока к ожидаемому результату.

Посылаю Вам с этой почтой газеты, из которых Вы узнаете все об этом деле, и если соблаговолите взять расследование на себя, предоставляю в Ваше распоряжение свой особняк. Прилагаю подписанный мною чек, в который прошу Вас вписать по своему усмотрению сумму, необходимую Вам на дорожные расходы.

Не откажите в любезности телеграфировать свой ответ и примите, месье, уверения в моем глубоком к Вам уважении.

Барон Виктор д'Имблеваль. Улица Мюрийо, 18

— Ха-ха! — засмеялся Шолмс. — Все складывается как нельзя лучше… маленькое путешествие в Париж, а почему бы и нет? Со времени того самого поединка с Арсеном Люпеном у меня так и не было случая съездить туда. Вовсе не откажусь поглядеть на столицу мира в несколько более спокойной обстановке.

Он разорвал чек на четыре части и, пока Вильсон, чья рука не приобрела еще былой гибкости, довольно резко высказывался по поводу Парижа, надорвал второй конверт.

В тот же миг Шолмс, не сдержавшись, раздраженно хмыкнул, лоб его прорезала морщина, не исчезавшая все время, пока он читал письмо, а потом, смяв, скатал его в шарик и зашвырнул в угол.

— Что?! Что такое?! — в ужасе вскричал Вильсон.

Он подобрал шарик, развернул его и со все на-

растающим удивлением начал читать:

Мой дорогой мэтр,

Вам известно, с каким восхищением я к Вам отношусь и насколько дорожу Вашей репутацией. Прошу Вас поверить мне и не заниматься делом, об участии в котором будут Вас просить. Ваше вмешательство причинит большие неприятности, все усилия приведут лишь к жалкому результату, и придется Вам публично заявить о своей несостоятельности.

Искренне желая избавить Вас от подобного унижения, заклинаю – во имя связывающей нас дружбы спокойно оставаться возле Вашего камина.

Мои наилучшие пожелания господину Вильсону, а Вы, дорогой мэтр, примите уверения в уважении от преданного Вам

Арсена Люпена.

— Арсен Люпен, — в смятении повторил Вильсон.

Шолмс принялся колотить по столу кулаком:

— Он уже начинает мне надоедать, этот негодяй! Потешается надо мной, как над каким-нибудь мальчишкой! Публично заявить о моей

несостоятельности! Не я ли заставил его отдать голубой бриллиант?

— Он просто боится, — предположил Вильсон.

— Вы говорите глупости! Арсен Люпен никогда ничего не боится, и доказательство тому — эта провокация.

— Как же он узнал о письме к нам от барона д'Имблеваля?

— Откуда мне знать? Вы задаете дурацкие вопросы, мой дорогой!

— Я думал… предполагал…

— Что? Что я колдун?

— Нет, но я видел своими глазами, как вы творили такие чудеса…

— Никто не может творить чудеса… ни я, ни кто-либо другой. Я размышляю, делаю выводы, заключения, но никак не могу догадываться. Только дураки догадываются.

Вильсон согласился со скромной ролью побитой собаки и постарался, чтобы не выглядеть дураком, не догадаться, почему Шолмс вдруг раздраженно забегал по комнате. Но когда тот, позвонив, приказал слуге принести его чемодан, Вильсон посчитал себя вправе поразмышлять, сделать выводы и заключить, что Шолмс собирается отправиться в путешествие.

Вследствие той же самой работы мысли он и позволил себе утверждать, не опасаясь впасть в ошибку:

— Херлок, вы едете в Париж.

— Возможно.

— Вы едете туда, скорее чтобы принять вызов Люпена, нежели оказать любезность барону д'Имблевалю.

— Возможно.

— Херлок, я еду с вами.

— Ах, старый друг, — воскликнул Шолмс, прекратив свои хождения, — а вы не боитесь, что левая рука разделит участь правой?

— Что может со мной случиться? Ведь вы будете рядом.

— В добрый час, мой храбрец! Покажем этому господину, что он очень ошибается, полагая, что можно безнаказанно с такой наглостью бросить мне перчатку. Живее, Вильсон, встречаемся у первого же поезда.

— А вы не будете дожидаться газет, которые посылает вам барон?

— Зачем?

— Тогда, может быть, послать ему телеграмму?

— Не нужно. Арсен Люпен узнает о моем приезде. А я этого не хочу. На этот раз, Вильсон, мы

будем осмотрительнее.

После полудня друзья сели в Дувре на пароход. Поездка оказалась весьма приятной. В экспрессе Кале — Париж Шолмс позволил себе часа три крепко поспать, а Вильсон тем временем, на страже у дверей купе, задумался, рассеянно глядя перед собой.

Шолмс проснулся в хорошем настроении. В восторге от перспективы нового поединка с Арсеном Люпеном, он довольно потирал руки, будто готовился отведать все новых и новых радостей.

— Наконец-то, — воскликнул Вильсон, — представляется случай поразмяться!

И тоже стал потирать руки с точно таким же довольным видом.

На вокзале Шолмс взял пледы и в сопровождении Вильсона, тащившего чемоданы (каждому — своя ноша), предъявил билеты и радостно сошел с поезда.

— Чудесная погода, Вильсон! Какое солнце! Париж празднует наш приезд.

— Ну и толпа!

— Тем лучше, Вильсон! Так нас не смогут заметить. Никто не узнает меня среди такого множества людей.

— Если не ошибаюсь, господин Шолмс?

Возле них стояла женщина, даже скорее девушка, чей простой костюм подчеркивал изящную фигуру. Лицо ее выражало тревогу и страдание.

— Ведь вы господин Шолмс? — повторила она свой вопрос.

И поскольку он не отвечал, скорее растерявшись, нежели в силу обычной осторожности, она спросила в третий раз:

— Я имею честь говорить с господином Шолмсом?

— Что вам от меня надо? — рассердился он, опасаясь этой сомнительной встречи.

Она преградила ему путь:

— Послушайте, месье, это очень важно, я знаю, вы собираетесь ехать на улицу Мюрийо.

— Что вы говорите?

— Я знаю… знаю… на улицу Мюрийо… дом восемнадцать. Так вот, не надо… нет, вы не должны туда ехать… Уверяю вас, потом будете очень сожалеть. И если я вам это говорю, не думайте, что мне от этого какая-то выгода. Просто так будет разумнее, по совести.

Он попытался отстранить ее, но она не поддавалась.

— О, прошу вас, не упорствуйте! Если б я только могла вас убедить! Посмотрите на меня, взгляни-

те прямо мне в глаза… я не обманываю… не лгу.

Она подняла на него серьезный взгляд ясных красивых глаз, в котором, казалось, отражалась сама душа. Вильсон покачал головой:

— Похоже, мадемуазель говорит искренне.

— Да, да, — взмолилась она, — поверьте мне…

— Я верю, мадемуазель, — ответил Вильсон.

— Ах, как я счастлива! И ваш друг тоже, не правда ли? Я чувствую… Я уверена в этом! Какое счастье! Все уладится. Ну просто замечательная мысль — мне приехать сюда! Послушайте, месье, через двадцать минут отходит поезд на Кале. Вы еще успеете. Скорее, пойдемте со мной, перрон с этой стороны, будем там как раз вовремя.

Она попыталась взять его за руку, чтобы увести за собой. Но Шолмс, не отпуская ее руки, как только мог мягко произнес:

— Извините, мадемуазель, но я никогда не бросаю начатого дела.

— Умоляю… умоляю… О, если б вы могли понять!

Но он, обойдя ее, был уже далеко.

Вильсон попытался утешить девушку:

— Не теряйте надежды. Он-то доведет дело до конца. Еще не было случая, чтобы мы потерпели неудачу.

И бросился бегом вдогонку.

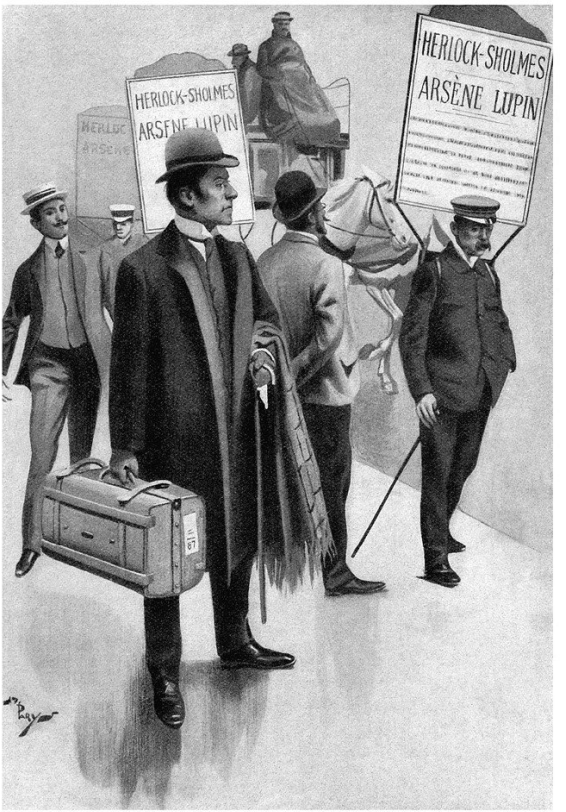
ХЕРЛОК ШОЛМС ПРОТИВ АРСЕНА ЛЮПЕНА!

На эти слова, написанные огромными черными буквами, они натолкнулись с первых же шагов. Друзья подошли поближе и увидели целую вереницу людей, вышагивавших друг за другом. Каждый держал в руке по толстой железной палке, которыми они равномерно стучали по асфальту, а на спинах у них красовались огромные афиши с надписями:

МАТЧ МЕЖДУ ХЕРЛОКОМ ШОЛМСОМ И АРСЕНОМ ЛЮПЕНОМ. ПРИЕЗД АНГЛИЙСКОГО ЧЕМПИОНА. ЗНАМЕНИТЫЙ СЫЩИК ТЩИТСЯ РАЗГАДАТЬ ТАЙНУ ИСТОРИИ НА УЛИЦЕ МЮРИЙО. ПОДРОБНОСТИ ЧИТАЙТЕ В «ЭКО ДЕ ФРАНС».

Вильсон покачал головой:

— Вы только подумайте, Херлок, мы-то считали, что удастся сохранить инкогнито! Не удивлюсь, если на улице Мюрийо нас будут встречать гвардейцы или устроят прием с тостами и шампанским.


HERLOCK-SHOLMES
ARSÈNE LUPIN
HERLOCK-SHOLMES
ARSÈNE LUPIN

— Когда вы стараетесь казаться остроумным, то стоите целых двух помощников, — процедил сквозь зубы Шолмс.

Он приблизился к одному из газетчиков с явным намерением схватить того своими железными руками и вместе с плакатом стереть в порошок. Но вокруг них уже начала собираться толпа. Люди шутили и смеялись.

Подавив дикий приступ бешенства, Шолмс спросил:

— Когда вас наняли?

— Сегодня утром.

— А когда вы вышли на улицы?

— Час назад.

— Значит, афиши были уже готовы?

— Да, конечно… Когда мы утром пришли в агентство, они уже там были.

Выходит, Арсен Люпен предвидел, что он, Шолмс, примет бой. Более того, его письмо свидетельствовало о том, что Люпен сам хотел этого боя, в его планы входило еще раз помериться силой с противником. Зачем? Какая причина побуждала его вновь начать борьбу?

Херлок на секунду заколебался. Видимо, Люпен был полностью уверен в победе, раз вел себя так нагло. Не попали ли они в ловушку, явившись по

первому зову?

— Пошли, Вильсон. Кучер, улица Мюрийо, восемнадцать! — вновь испытав прилив энергии, крикнул он.

И, до боли сжав кулаки, так что даже выступили вены, напружинившись, как боксер перед схваткой, он прыгнул в экипаж.

Вдоль улицы Мюрийо возвышались шикарные частные особняки, тыльной стороной обращенные к парку Монсо. На одном из красивейших зданий стоял номер 18. Его занимал барон д'Имблеваль с женой и детьми, обставивший особняк с пышностью, присущей его артистической натуре миллионера. Перед домом расстилался парадный двор, справа и слева располагались хозяйственные постройки, а позади, в саду, деревья сплетали свои ветви с ветвями деревьев из парка Монсо.

Позвонив, англичане пересекли двор и были встречены лакеем, проводившим их в маленькую гостиную.

Они уселись, окинув быстрым взглядом множество дорогих безделушек, заполнявших этот будуар.

— Красивые вещицы, — прошептал Вильсон, — со вкусом и большой фантазией. Можно

заключить, что те, кто дал себе труд раздобыть их, люди уже в возрасте… что-то около пятидесяти лет…

Но не успел он закончить, как дверь отворилась и вошли барон д'Имблеваль с супругой.

Наперекор умозаключениям Вильсона, оба оказались элегантными молодыми людьми, чрезвычайно живыми в движениях и словах. Они буквально рассыпались в благодарностях:

— Как это любезно с вашей стороны! Пришлось вам побеспокоиться! Мы почти рады, что с нами случилась эта неприятность, ведь благодаря ей с удовольствием…

«Ну что за очаровательные люди эти французы», — глубокомысленно заметил про себя Вильсон.

— Однако время — деньги, — воскликнул барон, — особенно ваше время, господин Шолмс. Перейдем к делу! Что вы думаете обо всей этой истории? Надеетесь ли в ней разобраться?

— Чтобы в ней разобраться, надо сначала узнать, о чем идет речь.

— А вы не знаете?

— Нет, и попросил бы вас подробно, ничего не упуская, изложить все факты. Так что же произошло?

— Нас обокрали.

— Когда это было?

— В прошлую субботу, — ответил барон, — точнее, в ночь с субботы на воскресенье.

— Значит, шесть дней назад. Теперь слушаю вас.

— Прежде всего, месье, я хочу сказать, что, следуя образу жизни, которого требует занимаемое нами положение, мы с женой все же редко куда-нибудь выходим. Воспитание детей, изредка приемы, украшение нашего дома — вот и все наши дела, и почти всегда по вечерам мы сидим в этой комнате, в будуаре моей жены, где находятся несколько собранных нами произведений искусства. Итак, в прошлую субботу, около одиннадцати вечера, я погасил свет и мы с женой, как обычно, удалились в спальню.

— Где она находится?

— Рядом, вот за этой дверью. На следующий день, то есть в воскресенье, я встал пораньше. Сюзанна (моя жена) еще спала, и я, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить ее, прошел в этот будуар. И каково же было мое удивление, когда я увидел, что окно распахнуто настежь, тогда как накануне вечером мы перед уходом его закрыли.

— Может, кто-то из слуг…

— Утром никто не заходит сюда до тех пор, пока мы не позвоним. К тому же я всегда из предосторожности запираю вот эту вторую дверь, выходящую в прихожую, на крючок. Значит, окно открыли именно снаружи. Есть и еще одно доказательство: кто-то распилил второй переплет справа от шпингалета.

— Куда выходит это окно?

— Оно выходит, как вы сами можете убедиться, на маленькую галерею с каменной оградой. Отсюда, со второго этажа, виден сад за домом и решетка, отделяющая его от парка Монсо. Совершенно ясно, что вор пришел из парка Монсо, по лестнице перелез через ограду и забрался на галерею.

— Совершенно ясно, говорите вы?

— С той и с другой стороны решетки обнаружили на влажной земле газона две ямки, оставленные ножками лестницы. Такие же углубления есть и внизу, у дома. И наконец, на каменной ограде виднеются две царапины, по-видимому, в тех местах, где лестницу приставляли к галерее.

— Значит, парк Монсо на ночь не закрывается?

— Конечно нет, да и к тому же рядом, под номером четырнадцать, строится особняк. Оттуда

тоже совсем нетрудно к нам попасть.

Херлок Шолмс ненадолго задумался и произнес:

— Вернемся к самой краже. Ее совершили в той комнате, где мы сейчас находимся, не так ли?

— Да. Между вот этой Девой двенадцатого века и дарохранительницей из чеканного серебра стояла маленькая еврейская лампа. Она и пропала.

— И это все?

— Все.

— Ага! А что вы называете еврейской лампой?

— Это такие медные лампы, ими пользовались в старину. На ножке укреплен сосуд, куда наливают масло. А от него отходят два или больше рожков с фитилями.

— В общем-то, вещь, не представляющая особой ценности.

— Особой ценности в ней нет. Но наша лампа служила тайником, куда мы обычно прятали великолепное старинное украшение, золотую химеру[14] с рубинами и изумрудами. Именно эта вещь и представляла особую ценность.

— А почему у вас была такая привычка?

— Да и сам не знаю, месье. Просто нам казалось

---

[14] Notes: 14

Химера — в древнегреческой мифологии чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом дракона. — *Примеч. ред.*

забавным использовать такой тайник.

— И никто о нем не знал?

— Никто.

— Кроме, разумеется, вора, — заметил Шолмс. — Иначе он не взял бы на себя труд похищать еврейскую лампу.

— Конечно. Но как он мог об этом узнать? Ведь мы и сами совершенно случайно обнаружили секретный механизм в лампе.

— Так же случайно мог узнать об этом и кто-либо еще, например слуга… или друг дома… Однако продолжим: вы вызвали полицию?

— Естественно. Следователь провел расследование. Каждый из репортеров больших газет, занимающихся криминальной хроникой, провел свое следствие. Но, как я вам уже говорил, непохоже, чтобы загадка эта имела шансы когда-нибудь быть разгаданной.

Шолмс встал, подошел к окну, осмотрел переплет, галерею, ограду, с лупой исследовал две царапины на камне и попросил господина д'Имблеваля проводить его в сад.

Там Шолмс как ни в чем не бывало уселся в плетеное кресло и мечтательным взглядом уставился на крышу дома. Потом, вскочив, вдруг направился к двум деревянным ящичкам, которыми, чтобы сохранить следы, накрыли два углубления под галереей, оставленные ножками лестницы. Он приподнял ящички, встал на колени и, весь изогнувшись, чуть не зарывшись носом в землю, стал вглядываться, что-то обмерять. Затем то же самое проделал и возле решетки сада, только там это заняло меньше времени.

На этом осмотр закончился.

Оба вернулись в будуар, где их ждала госпожа д'Имблеваль.

Шолмс еще некоторое время помолчал, а затем произнес такие слова:

— С самого начала вашего рассказа, господин барон, я был удивлен видимой простотой совершенной кражи. Приставили лестницу, распилили переплет, забрали вещь и ушли. Нет, так обычно эти дела не происходят. У вас все слишком ясно, четко.

— Это значит…

— Это значит, что кража еврейской лампы совершалась под руководством Арсена Люпена.

— Арсена Люпена? — удивился барон.

— Но сам он в ней не участвовал, в особняк даже никто не влезал. Лампу, возможно, взял слуга, спустившийся с мансарды на галерею по водосточной трубе, которую я заметил из сада.

— Но как вы это можете доказать?

— Арсен Люпен не ушел бы из будуара с пустыми руками.

— С пустыми руками? А лампа?

— Это не помешало бы ему прихватить еще и ту табакерку с бриллиантами или вот это колье из старинных опалов. Достаточно было бы протянуть руку. И если он этого не сделал, значит он не видел этих вещей.

— Но обнаруженные следы?

— Фарс! Инсценировка, чтобы отвести подозрения!

— А царапины на балюстраде?

— Тоже ложные! Их сделали наждачной бумагой. Смотрите, вот ее частицы, которые я там собрал.

— А ямки от ножек лестницы?

— Просто шутка! Посмотрите на прямоуголь-

ные углубления под галереей и сравните их с теми, что возле решетки. По форме они одинаковы, но здесь выемки идут параллельно, а там — нет. Измерьте расстояние между ними, оно тоже неодинаково. Под галереей одна ямка отстоит от другой на двадцать три сантиметра. А возле решетки между ними целых двадцать восемь сантиметров.

— И каковы же ваши выводы?

— Я считаю, поскольку форма углублений идентична, что все четыре были проделаны одним и тем же подходящим по форме куском дерева.

— Самым лучшим аргументом был бы этот самый кусок дерева.

— Вот он, — ответил Шолмс, — я подобрал его в саду, под кадкой с лавром.

Барону пришлось признать его правоту. Не прошло и сорока минут с тех пор, как англичанин переступил порог этого дома, а от всего, что считалось бесспорным и зиждилось на очевидных фактах, уже ничего не осталось. Начала вырисовываться истина, совсем другая истина, основанная на чем-то гораздо более весомом, а именно на рассуждениях Херлока Шолмса.

— Обвинение, которое вы выдвигаете против нашего персонала, весьма серьезно, месье, — ска-

зала баронесса. — Те, кто живет здесь, служат нашей семье уже давно. Никто из них не способен на предательство.

— Если никто из них вас не предал, то как объяснить, каким образом я получил одновременно с вашим еще и это письмо?

И он протянул баронессе письмо Арсена Люпена.

Казалось, мадам д'Имблеваль была поражена.

— Арсен Люпен? Как он узнал?

— Вы никому не говорили о своем письме?

— Никому, — ответил барон. — Эта мысль както вдруг пришла нам в голову, когда мы сидели за столом.

— А слуги при этом были?

— Нет, только двое наших детей. И еще… нет, Софи и Анриетта уже вышли из-за стола, не так ли, Сюзанна?

Мадам д'Имблеваль, подумав, подтвердила:

— Верно, они пошли к мадемуазель.

— Мадемуазель? — заинтересовался Шолмс.

— Их гувернантка, мадемуазель Алиса Демен.

— Эта особа не обедает вместе с вами?

— Нет, ей подают в комнату.

Вильсона вдруг осенило.

— Ведь ваше письмо к моему другу Херлоку

Шолмсу надо еще было отнести на почту.

— Разумеется.

— И кто его туда отнес?

— Мой камердинер, Доминик, он служит у нас вот уже двадцать лет. Уверяю вас, все поиски в этом направлении окажутся напрасной тратой времени.

— Когда человек ищет, он никак не может потерять время, — наставительно заметил Вильсон.

На этом предварительное следствие закончилось. Шолмс попросил разрешения удалиться.

Часом позже, за ужином, он впервые увидел детей д'Имблеваля, Софи и Анриетту, двух хорошеньких девочек восьми и шести лет. За столом говорили мало. На все любезности барона и его жены Шолмс отвечал с таким хмурым видом, что они сочли за лучшее помолчать. Подали кофе. Проглотив содержимое своей чашки, Шолмс поднялся.

В эту минуту вошедший в комнату слуга принес адресованное Шолмсу сообщение, переданное по телефону. Раскрыв листок бумаги, сыщик прочитал:

Примите мои горячие поздравления. Результаты, которых Вы добились за столь короткое время, просто поразительны. Я в растерянности.

Арсен Люпен

В раздражении всплеснув руками, он протянул записку барону:

— Не кажется ли вам, месье, что в этом доме стены имеют глаза и уши?

— Ничего не понимаю, — удивленно пробормотал господин д'Имблеваль.

— Я тоже. Ясно одно: все, что здесь делается, немедленно становится известным ЕМУ. Нельзя сказать ни слова, чтобы он не услышал.

В этот вечер Вильсон улегся спать с чистой совестью человека, выполнившего свой долг и у которого осталась лишь одна забота — уснуть. Что он и сделал довольно скоро. Ему приснился чудесный сон, будто он в одиночку преследовал Люпена и вот-вот собирался лично арестовать его. Ощущение погони было настолько сильным, что он даже проснулся.

Кто-то сидел на кровати. Вильсон схватился за револьвер:

— Не двигаться, Люпен, а то буду стрелять!

— Ну, ну, какой шустрый…

— Как, это вы, Шолмс? Вам что-то от меня понадобилось?

— Мне понадобились ваши глаза. Вставайте…

Он подвел его к окну.

— Смотрите… По ту сторону решетки…

— В парке?

— Да. Вы там ничего не заметили?

— Ничего.

— Неправда, вам что-то видно.

— Ах да, действительно, какая-то тень, даже две.

— Ну вот, видите? У самой решетки. Глядите, задвигались. Не будем терять времени.

На ощупь, держась за перила, они по лестнице спустились в комнату, из которой был выход на крыльцо и в сад. Сквозь стеклянную дверь было видно, что те два силуэта все еще там.

— Странное дело, — прошептал Шолмс, — похоже, в доме какой-то шум.

— В доме? Не может быть! Все спят.

— Все же прислушайтесь…

В этот момент со стороны решетки послышался слабый свист, и они увидели неясный свет, будто бы шедший из дома.

— Наверное, д'Имблевали зажгли у себя све-

чу, — пробормотал Шолмс. — Их комната как раз над нами.

— И слышали мы, конечно, тоже их, — добавил Вильсон. — Наверное, как и мы, наблюдают за решеткой.

Раздался второй, еще более слабый свист.

— Ничего не понимаю, ничего не понимаю, — раздраженно бормотал Шолмс.

— Я тоже, — сознался Вильсон.

Шолмс повернул в двери ключ, сбросил крючок и потихоньку начал приоткрывать створку.

И тут свистнули в третий раз, но теперь погромче и как-то по-другому. А над их головами в ту же минуту возник, усиливаясь, шум.

— Это не в спальне, а на галерее будуара, — прошипел Шолмс.

Он высунул было голову наружу, но в тот же миг отпрянул, выругавшись. Вильсон, в свою очередь, тоже выглянул. Совсем рядом с ними кто-то приставил лестницу к галерее.

— Ах, черт побери! — выругался Шолмс. — В будуаре кто-то есть! Их-то мы и слышали. Скорее уберем лестницу.

Однако в этот самый момент какая-то фигура скользнула вниз, лестницу отставили, и человек, схватив ее под мышку, понесся к решетке — туда,

где ждали его сообщники. Шолмс с Вильсоном, не раздумывая, кинулись следом. Они догнали грабителя в тот момент, когда он уже приставлял лестницу к решетке. Оттуда внезапно прогремели два выстрела.

— Вы ранены? — воскликнул Шолмс.

— Нет, — отвечал Вильсон и, обхватив беглеца, попытался его остановить. Однако тот, развернувшись, зажал Вильсона одной рукой, а другой нанес ему в грудь удар ножом. Вильсон с усилием выдохнул, зашатался и упал.

— Проклятие, — прорычал Шолмс, — если вы мне его убили, я тоже стану убивать!

Уложив Вильсона на лужайке, он бросился к лестнице. Но поздно… тот уже вскарабкался наверх и, соскочив на руки своих товарищей, убегал в кусты.

— Вильсон, Вильсон, ведь ничего серьезного, правда? Обычная царапина.

Двери особняка распахнулись. Первым выскочил господин д'Имблеваль, за ним — слуги со свечами.

— Что? Что такое? — вскричал барон. — Господин Вильсон ранен?

— Ничего особенного, простая царапина, — повторял Шолмс, успокаивая сам себя.

Но кровь текла ручьем, и лицо раненого побледнело.

Спустя двадцать минут врач констатировал, что острие ножа остановилось в четырех миллиметрах от сердца.

— В четырех миллиметрах от сердца? Этому Вильсону всегда везло, — позавидовал Шолмс.

— Повезло… повезло… — пробурчал доктор.

— А что вы думаете? Да с его крепким телосложением он поправится…

— За шесть недель в постели плюс два месяца на выздоровление.

— Не больше?

— Ну, если только не будет осложнений.

— А почему это, черт возьми, у него должны быть осложнения?

Окончательно успокоившись, Шолмс отправился в будуар к барону. На этот раз таинственный гость оказался не слишком скромным. Без стеснения наложил он лапу на табакерку с бриллиантами, опаловое колье, да и вообще на все, что заслуживает внимания честного вора.

Окно так и осталось открытым, переплет прекрасно распилили, и следствие, проведенное на заре, установило, что лестницу брали с соседней стройки, а значит, пришли именно оттуда.

— Следовательно, — не без иронии заметил господин д'Имблеваль, — это точное повторение кражи еврейской лампы.

— Да, если согласиться с первой версией полицейских.

— А вы все еще с ней не согласны? Вторая кража так и не поколебала вашего мнения о первой?

— Напротив, утвердила его.

— Невероятно! У вас есть неоспоримые доказательства того, что сегодняшнее ночное нападение было совершено извне, и все же вы продолжаете настаивать на том, что еврейскую лампу стащил кто-то из нашего окружения?

— Кто-то, живущий в самом доме.

— Как же вы все это объясняете?

— Я ничего не объясняю, месье, просто констатирую два факта, имеющие между собой видимую связь. Рассматривая их по отдельности, я и пытаюсь выявить, что именно их объединяет.

Сила его убеждения была так велика, а действия основывались на столь логичных рассуждениях, что барон в конце концов решил не настаивать.

— Хорошо. Придется предупредить комиссара…

— Ни за что на свете! — живо возразил англичанин. — Ни за что! К этим людям я обращусь

лишь тогда, когда это понадобится.

— Но ведь выстрелы…

— Не важно!

— А ваш друг?

— Мой друг всего лишь ранен. Потребуйте, чтобы доктор никому ни о чем не рассказывал. За все, что касается законности, я буду отвечать лично.

Следующие два дня протекли без всяких происшествий. Шолмс с великой тщательностью занимался своим делом, действуя более всего из самолюбия, уязвленного смелым нападением, совершенным прямо у него на глазах, несмотря на его присутствие, в то время как он не смог этому помешать. Англичанин неустанно обыскивал дом и сад, расспрашивал слуг и подолгу оставался в кухне и на конюшне. И хотя ему до сих пор не удалось обнаружить ни единой улики, проливающей свет на это дело, он не терял надежды.

«В конце концов найду что-нибудь, — думал он, — и именно здесь. Хорошо, что не приходится, как в истории с Белокурой дамой, действовать наугад и неведомыми путями идти к неизвестной цели. На этот раз я нахожусь на самом поле сражения. Враг перестал быть невидимым и неуловимым Люпеном, теперь это человек из плоти и крови, действующий в пределах этого

особняка. Достаточно одной самой крошечной детали, и я за нее уцеплюсь».

Об этой детали, из которой он собирался делать выводы, да с такой потрясающей ловкостью, что дело о краже еврейской лампы и по сей день считается типичным, потому что в нем с особой силой проявился его гениальный ум сыщика, — об этой детали он узнал совершенно случайно.

В конце третьего дня, зайдя в комнату, расположенную над будуаром, служившую классной комнатой девочек, он застал младшую из сестер, Анриетту. Та повсюду искала ножницы.

— Знаешь, — сказала девочка Шолмсу, — я хочу еще вырезать такие бумажки, какие ты получил позавчера вечером.

— Позавчера вечером?

— Да, в конце ужина. Тебе принесли бумагу с такими наклеенными полосками… ну телеграмму… вот я и хочу сделать такую же.

Она вышла. Будь на его месте кто-нибудь другой, он подумал бы, что это просто детские забавы, и сам Шолмс вначале не придал словам ребенка особого значения, продолжая свой осмотр. Но вдруг, припомнив последнюю фразу Анриетты, он кинулся за ней и догнал девочку уже наверху.

— Так, значит, ты тоже наклеиваешь на бумагу

полоски?

Гордая собой, Анриетта заявила:

— Да, вырезаю буквы и приклеиваю.

— А кто тебе показал, как это делается?

— Мадемуазель… моя гувернантка… я видела, как она сама клеила их. Вырезает из газет слова и приклеивает.

— И что потом с ними делает?

— Отсылает, как телеграммы, письма.

Живо заинтересовавшись признанием Анриетты, Херлок Шолмс вернулся в классную комнату, соображая, какие из этого можно бы сделать выводы.

На камине высилась стопка газет. Он развернул их и увидел, что кое-где действительно не хватает слов и целых строчек. Их кто-то аккуратно вырезал. Однако достаточно было прочитать предыдущие слова или следующие за ними строчки, чтобы убедиться, что вырезки были сделаны случайно, скорее всего, Анриеттой. Возможно, в стопке имелись и другие газеты, из которых буквы вырезала сама мадемуазель, но как их найти?

Машинально Херлок перелистал учебники, лежавшие на столе, и те, что стояли на книжных полках. Вдруг он вскрикнул от радости: в углу, под кучей старых тетрадей, валялся старый дет-

ский букварь, азбука с картинками, и на одной из страниц зияла дыра.

Он стал читать. В этом разделе шли названия дней недели: понедельник, вторник, среда… Слово «суббота» отсутствовало. А ведь еврейскую лампу украли именно в субботу ночью.

Херлок почувствовал, как у него на секунду сжалось сердце. Это было верным знаком того, что он добрался до сути всего дела. Он коснулся истины, почувствовал некую уверенность, а это ощущение никогда еще его не обманывало.

Разгоряченный, в надежде на успех, он принялся перелистывать букварь. И вскоре наткнулся на новый сюрприз.

Он раскрыл страницу с заглавными буквами. А внизу шел ряд цифр. Девять букв и три цифры были тщательно вырезаны.

Шолмс записал их в блокнот в том порядке, как они шли в букваре. Вот что у него получилось:

АВЕЙКОТЧЭ 237.

— Вот черт! — пробормотал он. — Сразу и не разберешь.

Можно ли было, использовав все эти буквы, переставив их, составить одно, два или три полных слова?

Шолмс попытался сделать это, но тщетно.

Тогда он подумал, что единственное верное решение — то, что он без конца писал в блокноте карандашом, и в конечном итоге оно показалось ему бесспорным, потому что отвечало логике событий и к тому же прекрасно согласовывалось с известными обстоятельствами.

Поскольку на странице букваря каждая из букв алфавита воспроизводилась лишь один раз, логично было заключить, что буквы с этой страницы составляли неполные слова, которые затем дополнили, вырезав буквы с других страниц. Взяв такое рассуждение за основу, можно было воспроизвести слово следующим образом:

ОТВЕЧАЙ — ЭК 237.

Первое слово казалось вполне ясным: «ОТВЕЧАЙТЕ», не хватало «Т» и «Е», так как эти буквы были уже задействованы в слове.

Что касается второго незаконченного слова, оно, вместе с числом 237, бесспорно, составляло адрес, сообщаемый получателю отправителем

письма. Сначала предполагалось назначить дело на субботу, а потом просили дать ответ по адресу ЭК 237.

Или ЭК 237 означали индекс почтового отделения, куда нужно было послать письмо до востребования, или буквы «ЭК» являлись частью какого-то слова. Шолмс снова перелистал букварь — на других страницах вырезок не оказалось. Значит, приходилось, пока не удастся узнать что-либо еще, придерживаться вышеописанных выводов.

— Забавно, правда?

Это вернулась Анриетта. Он ответил:

— Еще бы! Только… нет ли у тебя еще и других бумаг? Или вырезанных слов, которые можно было бы наклеить?

— Бумаг? Нет. И потом, мадемуазель будет недовольна.

— Мадемуазель?

— Да, она уже меня отругала.

— Почему?

— Потому что я вам кое-что рассказала… а она говорит, нельзя никогда рассказывать такие вещи о людях, которых любишь.

— Ты совершенно права.

Анриетта пришла в восторг от его одобрения и

вытащила из маленького полотняного мешочка, приколотого к платью, какие-то лоскуты, три пуговицы, два кусочка сахара и, наконец, квадратик бумаги, который и протянула Шолмсу.

— На, вот все-таки даю.

Это был номер фиакра: 8279.

— Откуда у тебя этот номер?

— Выпал у нее из кошелька.

— Когда?

— В воскресенье, после службы, когда она собиралась подать милостыню.

— Отлично! А теперь я скажу, как сделать, чтобы тебя больше не бранили. Не говори мадемуазель, что виделась со мной.

Шолмс отправился к господину д'Имблевалю и принялся дотошно расспрашивать его о мадемуазель.

Тот даже вскинулся от возмущения:

— Алиса Демен? Вы что, думаете… Этого не может быть!

— Сколько времени она у вас на службе?

— Только год, но я не знаю человека надежнее. Никому не стал бы доверять так, как ей.

— Как получилось, что я до сих пор ее не видел?

— Ее не было два дня.

— А теперь?

— Она, как только приехала, пожелала быть сиделкой у вашего больного. У нее есть для этого все качества: мягкая, предупредительная. Господин Вильсон от нее в восторге.

— Ага! — протянул Шолмс, и не подумавший до сих пор справиться о здоровье товарища.

И, поразмыслив, спросил:

— В воскресенье утром она куда-нибудь ходила?

— Да.

— Ведь это было на следующий день после кражи.

Барон позвал жену и задал ей тот же вопрос. Та ответила:

— Мадемуазель, как обычно, ходила с детьми к одиннадцатичасовой службе.

— А раньше?

— Раньше? Нет… Или, может быть… Ах, я так была взволнована из-за этой кражи… Теперь припоминаю, что накануне она просила разрешения отлучиться утром в воскресенье, чтобы увидеться с кузиной. Та, кажется, проездом была в Париже. Но, я думаю, вы не станете ее подозревать?

— Конечно нет… Однако хотел бы с ней увидеться.

Он поднялся в комнату Вильсона. Над постелью больного, подавая ему напиться, склонилась женщина, одетая, как все сиделки, в длинное серое полотняное платье. Когда она выпрямилась, Шолмс узнал девушку, заговорившую с ним на Северном вокзале.

Объяснения не последовало. Алиса Демен, нисколько не смутившись, кротко улыбнулась, глядя на него своими очаровательными серьезными глазами. Англичанин хотел было заговорить, но произнес нечто нечленораздельное и умолк. Тогда она снова стала заниматься своими делами, спокойно расхаживая под удивленным взглядом Шолмса, переставляла на тумбочке флаконы, размотала и смотала бинты и снова поглядела на него со своей светлой улыбкой.

Англичанин повернулся на каблуках, вышел и, заметив во дворе автомобиль господина д'Имблеваля, сел в него и приказал отвезти себя в Леваллуа, к стоянке фиакров, адрес которой значился на бланке, подобранном Анриеттой. Кучер Дюпре, работавший в воскресенье утром на фиакре № 8279, еще не вернулся, и, отослав автомобиль, Шолмс остался ждать до конца смены.

Кучер поведал, что и в самом деле «взял» какую-то даму неподалеку от парка Монсо, молодую

девушку в черном, под густой вуалью. Она казалась очень взволнованной.

— А был у нее в руках какой-нибудь пакет?

— Да, длинный такой сверток.

— Куда вы ее повезли?

— На авеню Терн, что на углу площади Сен-Фердинан. Там она ушла минут на десять, а потом мы снова поехали к парку Монсо.

— Вы смогли бы узнать дом на авеню Терн?

— А как же! Отвезти вас туда?

— Чуть погодя. Сначала отвезите меня на набережную Орфевр, к дому тридцать шесть.

В полицейской префектуре ему повезло: он сразу встретился с главным инспектором Ганимаром.

— Господин Ганимар, вы сейчас свободны?

— Если опять речь пойдет о Люпене, то нет.

— Речь идет о Люпене.

— В таком случае не сдвинусь с места.

— Как? Вы отказываетесь…

— Я отказываюсь от невозможного! Устал от неравной борьбы, в которой мы можем быть уверены, что проиграем. Я трус, поступаю неразумно, думайте как хотите… наплевать! Люпен сильнее нас. Следовательно, нужно смириться с этим.

— Я никогда не смирюсь.

— Он сам вас заставит, как и многих других.

— Пусть так, но ведь это зрелище может доставить вам столько удовольствия!

— Что верно, то верно, — хитро улыбнулся Ганимар. — Ладно, раз уж вы так хотите получить на орехи, едем.

Оба сели в фиакр. Велели кучеру остановиться на противоположной стороне авеню, не доезжая до нужного дома, и устроились на террасе маленького кафе, укрывшись за бересклетом и лавровым деревом. День клонился к вечеру.

— Гарсон, — позвал Шолмс, — принесите перо и бумагу.

Написав что-то, он снова подозвал официанта.

— Отнесите это письмо консьержу в доме напротив. Вон он стоит, в кепке, курит возле парадного.

Консьерж немедленно явился, и после того, как Ганимар предъявил ему свое удостоверение главного инспектора, Шолмс поинтересовался, не приходила ли в тот дом в воскресенье утром дама в черном.

— В черном! Да, приходила, около девяти, она поднялась на второй этаж.

— А часто она приходит?

— Нет, всего лишь несколько раз… но вот в последние две недели бывала чуть ли не каждый день.

— А с того воскресенья?

— Только один раз… не считая сегодняшнего дня.

— Ах, значит, она и сегодня приходила?

— Она и сейчас еще там.

— Еще там?!

— Да уж минут десять, как вошла. Экипаж, как обычно, ожидает на площади Сен-Фердинан. А с ней я столкнулся у подъезда.

— Кто живет на втором этаже?

— Там двое жильцов — мадемуазель Ланже, модистка, и еще один господин. Он в прошлом месяце снял две меблированные комнаты, назвавшись Брессоном.

— Почему вы говорите: «назвавшись Брессоном»?

— Я просто подумал, что это не его настоящее имя. Жена там убирается и видела, что у него не найдется и двух рубашек с одинаковыми инициалами.

— Какую жизнь он ведет?

— О, он почти никогда не бывает дома. Вот уже три дня совсем не показывается.

— А в ночь с субботы на воскресенье его тоже не было?

— В ночь с субботы на воскресенье? Погодите, дайте вспомнить. Нет-нет, в субботу вечером он пришел и больше уж не выходил.

— А как он выглядит, этот человек?

— Даже и не знаю, что сказать. Он выглядит всегда по-разному. То высокий, то маленький, то толстый, то худой, то брюнет, то блондин. Я каждый раз все не могу его узнать.

Шолмс с Ганимаром переглянулись.

— Это он, — шепнул инспектор, — это, конечно, он.

Старый полицейский вдруг не на шутку разволновался, даже нервно зевнул и судорожно сжал кулаки.

Да и сам Шолмс, хотя и прекрасно владел собой, почувствовал укол в сердце.

— Смотрите, — сказал консьерж, — вот эта девушка.

Действительно, из дверей выходила какая-то молодая особа. Она стала переходить площадь.

— А вот и господин Брессон.

— Господин Брессон? Который же?

— Вон тот, со свертком под мышкой.

— Но он и не глядит на девушку. Она одна идет

к экипажу.

— Так я их вместе никогда и не видел.

Оба полицейских одновременно вскочили. В свете фонарей им показалось, что они узнали силуэт Люпена, удалявшегося в противоположную от площади сторону.

— За кем пойдете? — спросил Ганимар.

— Конечно за ним! Это крупная дичь.

— Ну а я послежу за девицей, — предложил Ганимар.

— Нет, нет, — живо откликнулся англичанин, ни в коем случае не желая раскрывать Ганимару свои карты, — я знаю, где ее найти. Пойдемте со мной.

На расстоянии, то и дело прячась за спинами прохожих и позади киосков, крались они вслед за Люпеном. Вести слежку, впрочем, оказалось совсем нетрудно, так как он шел быстро, слегка приволакивая правую ногу, что, однако, можно было заметить, лишь напряженно вглядываясь опытным глазом. Ганимар сказал:

— Делает вид, что хромает.

И добавил:

— Ах, если б можно было заполучить двоих-троих полицейских и с ними попробовать прихватить голубчика! Ведь уйдет!

Однако у заставы Терн не было видно ни одного полицейского, и, оказавшись за городской чертой, они уже не могли больше надеяться на подмогу.

— Разделимся, — предложил Шолмс, — место тут безлюдное.

Они шли по бульвару Виктора Гюго, каждый по своей стороне, двигаясь вдоль рядов деревьев.

Минут через двадцать Люпен свернул влево и вышел к Сене. Им было видно, как он по берегу начал спускаться к воде. Побыл некоторое время внизу, но им не удалось различить, что он там делал. Потом стал карабкаться наверх и пошел обратно. Оба наблюдателя вжались в прутья какого-то ограждения. Люпен прошел прямо перед ними. Свертка у него в руках теперь не было.

Когда он отошел на некоторое расстояние, от стены соседнего дома отделилась какая-то тень и заскользила между деревьями.

— Похоже, за ним еще кто-то следит, — тихо сказал Шолмс.

— Да, мне кажется, когда мы шли туда, я уже его видел.

Охота возобновилась, но теперь, в присутствии третьего, действовать стало труднее. Люпен пошел той же дорогой, вошел обратно через Терн-

ские ворота и направился к дому на площади Сен-Фердинан.

Консьерж уже запирал дверь, когда появился Ганимар:

— Вы сейчас его видели?

— Да, как раз гасил свет на лестнице, когда он принялся отпирать дверь.

— С ним никого?

— Никого, даже слуг нет… Он здесь никогда не обедает.

— Есть в доме черная лестница?

— Нет.

Ганимар обернулся к Шолмсу:

— Самое простое — мне посторожить у дверей Люпена, пока вы сходите за комиссаром полиции с улицы Демур. Я сейчас вам дам записку к нему.

— А если он за это время сбежит? — возразил Шолмс.

— Но я же буду тут!

— Один на один? Это будет неравная борьба.

— Не можем же мы силой войти в его жилище? Просто не имеем права, особенно среди ночи.

Шолмс пожал плечами:

— Когда вы поймаете Люпена, вас никто не станет упрекать в нарушении правил ареста. Подумаешь! Ну давайте просто позвоним. И увидим,

что произойдет.

Они поднялись на этаж. Слева от лестницы находилась двустворчатая дверь. Ганимар позвонил.

Ни звука в ответ. Он снова нажал кнопку звонка. Никого.

— Войдем, — шепнул Шолмс.

— Ладно, давайте.

Ни один из них, однако, не сдвинулся с места. Струсив в последний момент, они не осмеливались предпринять решительные действия. Казалось попросту невозможным, чтобы Арсен Люпен находился здесь, за этой тонкой дверью, что не выдержит и удара кулаком. Оба слишком хорошо его знали, этого дьявола во плоти, чтобы предположить, что он так легко даст себя схватить. Нет, нет, тысячу раз нет, его уже там не было. Должно быть, успел сбежать, воспользовавшись потайным ходом в соседний дом, или пройдя по крышам, или еще как-нибудь, но ясно одно — у них в руках в который уж раз останется лишь его тень.

Оба вздрогнули. По ту сторону двери в тишине вдруг чуть слышно что-то зашуршало. И им показалось, да, сомнений быть не могло, он все-таки здесь, за этим тонким листом фанеры, прислуши-

вается, пытается узнать, что они замышляют.

Что делать? Положение было отчаянным. Несмотря на все хладнокровие бывалых полицейских волков, обоих охватило такое волнение, что, казалось, было слышно, как бьются их сердца.

Краем глаза Ганимар вопросительно взглянул на Шолмса и в тот же миг с силой стукнул в дверь кулаком.

Тут же послышались шаги, за дверью теперь уже не скрывались.

Ганимар затряс дверь. Шолмс, выставив плечо, одним мощным броском вышиб створку, и оба кинулись на штурм.

Но внезапно замерли на месте. Из соседней комнаты раздался выстрел. За ним — второй, а потом стук падающего тела.

Войдя, они увидели человека, лежавшего лицом к мраморному камину. Последняя конвульсия — и револьвер выпал из его руки.

Ганимар наклонился и поднял голову умершего. Из двух больших ран на виске и на щеке фонтаном била кровь, заливая лицо.

— Его невозможно узнать, — прошептал он.

— Вот черт! — выругался Шолмс. — Это не он.

— Откуда вы знаете? Ведь вы даже его не осмотрели.

— Вы что, думаете, Арсен Люпен может покончить жизнь самоубийством? — ухмыльнулся англичанин.

— Но ведь на улице мы его узнали…

— Мы решили, что это он, ведь нам так этого хотелось. Этот человек занимает все наши мысли.

— Значит, это кто-то из сообщников.

— Сообщники Арсена Люпена тоже не способны застрелиться.

— Так кто же он?

Они принялись обыскивать труп. В одном из карманов Херлок Шолмс обнаружил пустой кошелек, а в другом Ганимар нашел несколько монет. На белье никаких меток, на одежде тоже.

В чемоданах (большом и двух маленьких) — только личные вещи. На камине — стопка газет. Ганимар развернул их. Во всех говорилось о краже еврейской лампы.

Спустя час Ганимар с Шолмсом вышли на улицу, так ничего и не узнав о загадочном человеке, который из-за их вторжения покончил с собой.

Кто он был такой? Почему решился на самоубийство? Какое отношение имел к похищению еврейской лампы? Кто следил за ним ночью? Множество загадок, одна неразрешимее другой. Опять какие-то тайны…

Херлок Шолмс в тот день лег спать в отвратительном расположении духа. А когда проснулся, ему принесли письмо следующего содержания:

> *Арсен Люпен имеет честь уведомить Вас о своей трагической кончине в лице господина Брессона и покорно просит принять участие в кортеже, панихиде и похоронах, которые состоятся за государственный счет в четверг 25 июня.*

Глава вторая

— Видите ли, старина, — говорил Вильсону Шолмс, потрясая пневматичкой Арсена Люпена, — больше всего меня в этом деле раздражает то, что я все время чувствую на себе взгляд этого чертова джентльмена. От него не может укрыться ни одна моя самая сокровенная мысль. И получается, что я — словно актер, чьи действия заранее строго предопределены. Я иду туда-то и говорю то-то лишь потому, что так угодно некой высшей воле. Вы понимаете меня, Вильсон?

Вильсон, конечно же, все бы понял, если бы не спал глубоким сном человека, чья температура держится между сорока и сорока одним. Но слышал он или нет, для Шолмса это не имело ровно никакого значения.

— Нужно призвать на помощь всю мою энергию, мобилизовать все ресурсы, чтобы не впасть в отчаяние. Но, к счастью, для такого человека, как я, все эти удары — не более чем комариные укусы. Они даже меня подстегивают. Как только утихнет боль от укола и затянется рана, нанесенная самолюбию, я говорю себе: «Веселись пока, голубчик. В один прекрасный момент ты сам себя

выдашь». Потому что, Вильсон, именно Люпен, не так ли, своей первой телеграммой и тем, что сказала по этому поводу малышка Анриетта, сам выдал мне секрет своей переписки с Алисой Демен! Не забывайте об этом, старина.

Он, громко топая, расхаживал по комнате, рискуя разбудить «старину».

— В конце концов, дела идут не так уж плохо, и если я еще не вижу перед собой ясной дороги, то, во всяком случае, уже начинаю ориентироваться. Прежде всего займусь этим Брессоном. Мы с Ганимаром назначили встречу на берегу Сены, там, где Брессон бросил свой сверток. Скоро роль этого господина совсем прояснится. Останется лишь закончить партию между мной и Алисой Демен. На этот раз противница не особенно сильна, а, Вильсон? Не кажется ли вам, что очень скоро мне станет известна вся фраза из букваря, а заодно и то, что означают буквы «Э» и «К»? Ведь главная загадка — в них.

В это время вошла мадемуазель и, увидев размахивающего руками Шолмса, мягко заметила:

— Господин Шолмс, придется вас побранить, если разбудите больного. Нехорошо с вашей стороны его беспокоить. Доктор предписал полный покой.

Он, не говоря ни слова, пристально глядел на нее, как и в первый день, пораженный ее необъяснимым спокойствием.

— Что это вы так на меня смотрите, господин Шолмс? Ничего? Нет-нет… Ведь вы о чем-то подумали? Скажите о чем, прошу вас.

Спрашивая, она подняла к нему свое светлое лицо. Все в нем ждало ответа. Она подалась вперед, скрестив руки на груди, и выглядела так простодушно, что англичанин даже разозлился. Подойдя к ней поближе, он тихо сказал:

— Брессон вчера покончил жизнь самоубийством.

Она повторила, словно не понимая, о чем идет речь:

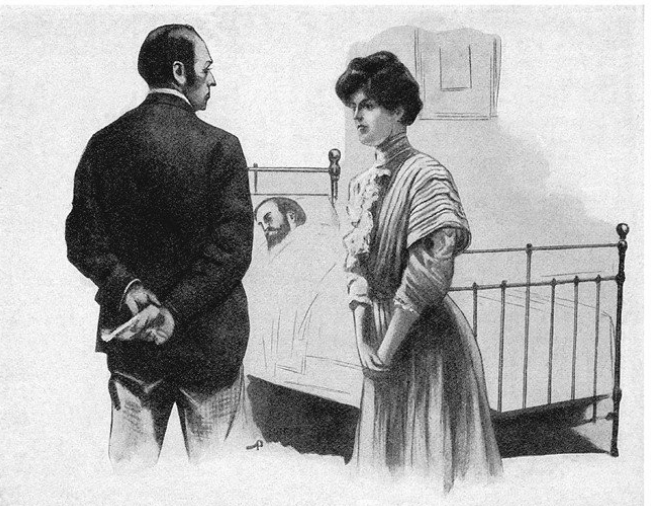
— Брессон вчера покончил жизнь самоубийством?

На лице ее не отразилось ничего, ни одной морщины, свидетельствующей о том, что она силится солгать.

— Вы это знали, — зло сказал он, — иначе бы, по крайней мере, вздрогнули. Да, вы сильнее, чем я думал. Однако к чему скрывать?

И, взявшись за букварь, лежавший на соседнем столике, он раскрыл его на изрезанной странице.

— Можете вы мне сказать, в каком порядке надо расположить недостающие здесь буквы, чтобы узнать истинное содержание записки, отправленной вами Брессону за четыре дня до кражи еврейской лампы?



— В каком порядке? Брессон? Кража еврейской лампы?..

Она медленно повторяла то, что он сказал, будто пытаясь понять, в чем дело.

Он продолжал настаивать:

— Да. Вот использованные вами буквы. Взгляните на этот листок. Что вы хотели передать Брессону?

— Использованные буквы… что хотела передать…

И вдруг весело рассмеялась.

— Ага, поняла! Я — сообщница вора! Какой-то господин Брессон забрал еврейскую лампу, а потом покончил жизнь самоубийством. А я — его подруга! Ой как смешно!

— К кому же вы ходили вчера вечером на второй этаж дома на авеню Терн?

— К кому? Да к модистке, мадемуазель Ланже. А что, модистка и мой друг Брессон — одно и то же лицо?

Поневоле Шолмс засомневался. Можно притвориться, чтобы выгородить себя, изобразить ужас, радость, беспокойство, любые чувства, но невозможно симулировать безразличие, и уж совсем нельзя притворно смеяться так счастливо и беззаботно.

И все-таки он сказал:

— Последнее: почему вы подошли ко мне в тот вечер на Северном вокзале? Почему умоляли немедленно уехать, не вмешиваться в это дело о краже лампы?

— О, вы слишком любопытны, месье Шолмс, — все так же естественно засмеялась она. — Придется вас наказать: вы ничего не узнаете и вдобавок посидите у постели больного, пока я сбегаю в аптеку. Срочно надо получить лекарство. Я скоро буду.

И вышла.

— Меня обвели вокруг пальца, — прошептал Шолмс. — Я не только ничего из нее не выжал, но, наоборот, сам раскрылся ей.

Он вспомнил дело о голубом бриллианте и допрос, которому подверг Клотильду Дестанж. Ведь с точно такой же безмятежностью отвечала ему и Белокурая дама! Возможно, перед ним снова одно из тех существ, которые, находясь под защитой и прямым влиянием Арсена Люпена, умеют сохранять, даже сознавая близкую опасность, просто поразительное спокойствие?

— Шолмс… Шолмс…

Подойдя к постели, он наклонился над очнувшимся Вильсоном:

— Что с вами, старый друг? Что-нибудь болит?

Вильсон пошевелил губами, но сказать ничего не смог. Потом, делая над собой неимоверные усилия, все же пробормотал:

— Нет… Шолмс… это не она… не может быть, чтобы она…

— Что это вы там несете? Говорю вам, это она! Только перед лицом созданного Арсеном Люпеном характера женщины, выдрессированной и подученной им, мог я потерять голову и поступить так глупо… Теперь ей известно все, что я знаю о букваре… Могу поспорить, что не пройдет и часа, как Люпен будет предупрежден. Не пройдет и часа! Да что там! Сию же секунду! Этот аптекарь, срочный рецепт… чепуха!

И, вылетев на улицу, он живо спустился по улице Мессины и увидел, как мадемуазель заходит в аптеку. Спустя десять минут она вновь появилась на улице с флаконами и бутылкой, завернутыми в белую бумагу. Но пока Алиса шла обратно, за ней увязался какой-то человек. Он что-то говорил ей, сняв кепку с просительным видом, как будто клянчил милостыню.

Остановившись на минуту, она подала ему монету, затем пошла дальше.

— Она с ним говорила, — решил англичанин.

Не будучи даже в этом уверенным, но скорее повинуясь интуиции, он решил изменить тактику и, оставив в покое девушку, отправился вслед за мнимым нищим.

Так, один за другим, дошли они до площади Сен-Фердинан. Человек долго бродил вокруг дома Брессона, время от времени поглядывая на окна второго этажа и наблюдая за людьми, входившими в дом.

Спустя почти час он залез на империал трамвая, идущего в Нёйи. Шолмс последовал за ним и занял место позади, рядом с каким-то господином, лица которого не было видно из-за раскрытой газеты. У выезда из города газета опустилась, Шолмс узнал Ганимара, а тот шепнул ему на ухо, указывая на оборванца:

— Это тот, который вчера вечером шел за Брессоном. Вот уже час болтается на площади.

— О Брессоне ничего нового? — поинтересовался Шолмс.

— Ему сегодня пришло письмо.

— Сегодня утром? Значит, его отнесли на почту вчера, до того, как узнали о смерти Брессона.

— Точно. Оно теперь у следователя. Но я запомнил наизусть: «Он не идет ни на какие сделки. Хочет все, первое, как и то, что было потом. Иначе

начнет действовать». Подписи не было, — добавил Ганимар. — Как видите, эти несколько строк ничем нам не помогут.

— А я думаю совершенно иначе, господин Ганимар, эти несколько строк, наоборот, кажутся мне весьма и весьма интересными.

— Да чем же, боже мой?

— Это касается только меня, — с бесцеремонностью, присущей его отношениям с коллегой, ответил Шолмс.

Трамвай остановился на улице Шато. Это была конечная остановка. Человек сошел и неторопливо двинулся вперед.

Шолмс шагал так близко от него, что Ганимар даже всполошился:

— Если обернется, все пропало.

— Теперь уж не обернется.

— Как вы можете знать?

— Это сообщник Арсена Люпена, и если он идет вот так, держа руки в карманах, значит, во-первых, что он чувствует за собой слежку и, во-вторых, что ничего не боится.

— Но ведь мы от него всего в двух шагах!

— Это ничего не значит, он прекрасно может за минуту проскользнуть у нас между пальцами. Он слишком в себе уверен.

— Поглядим! Поглядим! Возможно, вы и не правы. Вон там, у дверей кафе, двое полицейских с велосипедами. Если я позову их и подойду к этому типу, интересно, как ему удастся ускользнуть?

— Того типа, кажется, нисколько не волнуют ваши планы. Он сам идет к полицейским.

— Вот черт! — выругался Ганимар. — Какой нахал!

Тот и вправду подошел к полицейским в тот момент, когда они уже усаживались на велосипеды. Перебросившись с ними несколькими словами, он внезапно вскочил на третий велосипед, стоявший возле стены кафе, и укатил вместе с двумя агентами.

Англичанин захихикал:

— Ну, что я говорил? Раз, два, три — и нету! А с кем удрал? С вашими коллегами, господин Ганимар! Ничего себе, умеет устраиваться Арсен Люпен! У него на жалованье ваши велосипедисты! Я же сказал, тот тип что-то слишком спокоен.

— Ну а что мы могли сделать? — обиделся Ганимар. — Хорошо вам смеяться.

— Ладно, ладно, не сердитесь. Еще отомстим. А пока нам нужна подмога.

— Фолянфан ждет меня в конце бульвара

Нёйи.

— Заберите его и возвращайтесь обратно.

Ганимар ушел, а Шолмс отправился по следу велосипедов. Рифленые отпечатки колес были хорошо видны на пыльной дороге. Он вскоре заметил, что они вели к берегу Сены, значит, все трое завернули к реке в том же месте, где прошел вчера Брессон. Шолмс дошел до ограды, за которой прятался вчера вместе с Ганимаром, и чуть дальше увидел, что следы велосипедных колес пересекаются. Значит, в этом месте сделали остановку. Прямо напротив виднелся мысок, вдающийся в реку, на краю которого была привязана старая лодка.

Именно в этом месте Брессон бросил, а вернее, уронил в воду свой сверток. Шолмс спустился по камням к воде и увидел, что берег здесь был очень пологим. А поскольку место было неглубокое, он понял, что легко найдет сверток… если только те трое его не опередили.

«Нет, нет, — подумал он, — они бы не успели… ведь прошло всего лишь минут пятнадцать… а все-таки почему они пришли именно сюда?»

В лодке сидел какой-то рыбак. Шолмс подошел к нему:

— Вы не видели здесь троих на велосипедах?

Тот отрицательно покачал головой.

Англичанин не унимался:

— Ну вспомните… трое мужчин… Они остановились в двух шагах от вас…

Рыболов взял удочку под мышку, вытащил из кармана блокнот, что-то написал и, вырвав страничку, протянул Шолмсу.

Англичанин весь задрожал. Неожиданно на листке, оказавшемся у него в руке, он увидел буквы, вырезанные из букваря:

АВЕЙКОТЧЕОТ — 237.

Над рекой висело тяжелое солнце. Рыбак вернулся к своему занятию, спрятав голову под широким колоколом соломенной шляпы. Сложив рядом куртку и жилет, он внимательно глядел на неподвижно торчавший из воды поплавок.

Прошла минута, целая минута торжественной, жуткой тишины.

«Он ли это?» — мысленно вопрошал себя Шолмс, охваченный какой-то болезненной тревогой.

И словно вспышкой, озарил его правдивый ответ:

«Он! Он! Только ему под силу продолжать сидеть, даже и не вздрогнув от беспокойства, ничуть не страшась того, что произойдет… Да и кому еще может быть известна история с букварем? А ему все рассказал посланец Алисы».

Англичанин вдруг почувствовал, что его рука, его собственная рука взялась за рукоятку пистолета, глаза вонзились в спину незнакомца, чуть ниже затылка. Достаточно лишь одного движения — и наступит развязка, самым жалким образом прервется жизнь этого необыкновенного искателя приключений.

Рыбак все не двигался.

Шолмс нервно сжимал пистолет, охваченный жгучим желанием выстрелить и покончить с этим, в то же время понимая весь ужас подобного противоестественного поступка. Смерть будет верной. Все будет кончено.

«О, — подумал он, — хоть бы встал, начал защищаться… А так… тем хуже для него… еще секунда… и стреляю…»

Внезапно раздавшиеся шаги заставили его обернуться. В сопровождении двух инспекторов к ним подходил Ганимар.

Тогда, переменив решение, Шолмс, разбежавшись, прыгнул в лодку, которая от подобной встряски сорвалась с якоря, насел на противника и бросился в рукопашную. Оба скатились на дно лодки.

— Подумаешь! — хрипел Люпен, отбиваясь. — Что вы собираетесь этим доказать? Ну поколотит один из нас другого, чего мы этим добьемся? Вы не знаете, что делать дальше со мной, а я — с вами. Так и останемся, как два дурака…

Весла скользнули на воду. Лодку отнесло в сторону. С берега слышались крики. А Люпен не унимался:

— Ну что же это такое? Вы что, совсем ополоумели? Такие глупости в вашем возрасте! А ведь большой уже мальчик! Фу, как некрасиво!

Ему удалось вырваться.

Отчаявшись, решившись на крайнюю меру, Шолмс сунул руку в карман. Но тут же не удержался от проклятия: Люпен успел стащить его револьвер.

Встав на колени, он попытался добраться до весла, чтобы причалить к берегу, но Люпен налег

на второе весло с явным намерением отплыть подальше.

— Выйдет… Не выйдет, — продолжал шутить Люпен. — Кстати, это не имеет ровно никакого значения… У вас весло, но я попробую помешать вам им воспользоваться… И вы точно так же… Так и в жизни, силишься что-то предпринять… но это бессмысленно, ведь в конечном счете все решает судьба… Ну вот… видите… судьба решила в пользу старины Люпена… Победа! Течение тоже за меня!

Действительно, лодка начала отплывать.

— Поберегитесь! — крикнул Люпен.

Кто-то с берега целился из револьвера. Он пригнулся, прозвучал выстрел, позади них взлетели брызги. Люпен расхохотался:

— Да простит меня Господь, это мой дружок Ганимар! Нехорошо поступаете, Ганимар! Вы не имеете права стрелять, кроме как в случае необходимой обороны. Значит, бедный Арсен так разозлил вас, что вы и о долге позабыли? Ну надо же, снова начинает! Несчастный, вы же попадете в моего дорогого мэтра!

Встав в лодке во весь рост, загораживая собой Шолмса, он повернулся лицом к Ганимару.

— Вот так! Теперь я спокоен! Цельтесь сюда,

Ганимар, в самое сердце!.. Выше… Левее… Не попал… Вот растяпа… Еще раз? Да вы же дрожите, Ганимар! Давайте по команде… хладнокровно… Один, два, три, огонь! Мимо! Вот черт! Что вам, вместо пистолетов выдают детские игрушки?

Вытащив длинный, тяжелый и плоский револьвер, он, не целясь, выстрелил.

Инспектор схватился за шляпу: пуля пробила в ней дырку.

— Что скажете, Ганимар? Ага! Вот это сделали на совесть! Снимите шляпы, господа, это оружие моего благородного друга, мэтра Херлока Шолмса!

И одним движением выбросил револьвер к самым ногам Ганимара.

Шолмс не мог не улыбнуться и не восхититься им. Жизнь в нем била ключом. Какая юная, непосредственная жизнерадостность! Он так забавлялся! Можно было подумать, что ощущение опасности доставляло ему поистине физическое удовольствие. Для этого человека в жизни не было другой цели, кроме как непрестанный поиск приключений, из которых он вечно старался выйти победителем.

Однако на обоих берегах уже начала собираться толпа, люди Ганимара и он сам не сводили

глаз с лодки, качавшейся на волнах, постепенно уносимой течением. Поимка Люпена была неизбежной.

— Признайтесь, мэтр, — обернулся к англичанину Люпен, — вы не уступили бы свое место даже за все золото мира! Ведь вы же находитесь в первом ряду! Однако сначала и прежде всего — пролог… затем с ходу перескочим на пятый акт: поиск или побег Арсена Люпена. Итак, мой дорогой мэтр, разрешите задать вам один вопрос, умоляю, чтобы избежать недомолвок, ответить только «да» или «нет». Откажитесь от этого дела. Еще не все потеряно, и мне удастся исправить вред, причиненный вами. Позднее я уже ничего сделать не смогу. Так договорились?

— Нет.

Люпен поморщился. Видно было, как раздражало его подобное упорство. Но он не сдавался.

— И все же я настаиваю. Это скорее нужно для вас, нежели для меня. Я уверен: вы первый впоследствии пожалеете о том, что вмешались в это дело. В последний раз: да или нет?

— Нет.

Люпен присел на корточки, поднял одну из досок на дне лодки и принялся что-то там делать. Шолмс так и не понял, что именно. Затем под-

нялся и, усевшись рядом с англичанином, начал разговор:

— Мне кажется, мэтр, что оба мы явились к этим берегам с одной целью: выловить предмет, от которого избавился Брессон? Со своей стороны, я назначил здесь встречу нескольким друзьям и собирался, как об этом свидетельствует мой костюм, предпринять небольшое погружение в глубины Сены. Но в этот момент друзья предупредили меня о вашем появлении.

Скажу вам по секрету, я не очень удивился, так как был в курсе, осмелюсь доложить, каждого шага вашего расследования. Это было так несложно! Как только на улице Мюрийо происходит что-либо представляющее для меня хоть малейший интерес, сразу телефонный звонок — и я все знаю. Вы, конечно, поймете, что в подобных условиях…

Он умолк. Оторванная доска приподнялась, а вокруг нее били фонтанчики воды.

— Дьявольщина! Сам не знаю, как это получилось, но есть все основания полагать, что в днище этой старой посудины образовалась течь. Вам не страшно, мэтр?

Шолмс пожал плечами, а Люпен между тем продолжал:

— Вы, конечно, поймете, что в подобных условиях, зная заранее, что вы ищете случая со мной сразиться тем более истово, чем более я, со своей стороны, пытаюсь избежать боя, мне очень приятно вступить с вами в игру, исход которой предрешен, ведь у меня на руках все козыри. И я пожелал придать нашему поединку возможно более широкую огласку, чтобы все узнали о вашем поражении и в будущем какая-нибудь графиня де Крозон или другой барон д'Имблеваль не испытывали искушения прибегнуть к вашему содействию в борьбе со мной. Не усмотрите, впрочем, в этом, дорогой мэтр…

Он вновь осекся и, приставив ладонь козырьком ко лбу, стал обозревать окрестности.

— Ага, они наняли отличное судно, настоящий военный корабль, и теперь вовсю налегли на весла. Еще пять минут — и пойдут на абордаж, тогда я пропал. Господин Шолмс, разрешите дать вам один совет: бросайтесь на меня, свяжите и выдайте властям моей страны. Ну как, подходит такая программа? Разве что до тех пор мы потерпим бедствие, в этом случае остается лишь подготовить наши завещания. Так что вы об этом думаете?

Взгляды их встретились. Шолмсу наконец стало

ясно, что сделал Люпен: он пробил в днище дыру. Вода все прибывала.

Вот она дошла уже до подошв их ботинок. Покрыла и ноги, но оба так и не сдвинулись с места.

Когда воды уже было по щиколотку, англичанин схватил кисет и, набив трубку, закурил.

А Люпен все говорил:

— И не усмотрите в этом, мой дорогой мэтр, что-либо иное, нежели признание собственной несостоятельности по сравнению с вами. Именно преклоняясь перед вами, я и избираю лишь те сражения, победа в которых мне обеспечена, избегая прочих, что могут произойти в невыгодных для меня условиях. Выражая беспокойство и желая устранить Шолмса с моего пути, я тем самым признаю, что вы — единственный противник, которого следует опасаться. Все это, дорогой мэтр, я хотел вам сказать, поскольку судьбе было угодно оказать мне честь встретиться с вами. Жалею лишь об одном — о том, что наша беседа происходит в то время, как оба мы принимаем ножную ванну! Во всем этом как-то не хватает торжественности, не правда ли? Да что там ножная ванна. Сидячая, если хотите!

Действительно, вода достигла уже скамьи, на

которой они сидели. Лодка погружалась все глубже и глубже.

Шолмс, невозмутимо покуривая трубку, казалось, полностью погрузился в созерцание небосклона. Ни за что на свете перед этим человеком, живущим в постоянной опасности, окруженным злобной толпой, преследуемым тучей полицейских и тем не менее сохраняющим прекрасное настроение, ни за что на свете он не согласился бы проявить хоть малейшую суетливость.

«Подумаешь! — своим видом будто заявляли оба. — Стоит ли волноваться из-за таких пустяков? Ведь каждый день кто-нибудь тонет в реке! Разве это можно считать событием, достойным внимания?» Итак, один болтал, другой мечтал, и под напускной беззаботностью угадывалась великая гордость обоих.

Еще минута — и они пойдут ко дну.

— Главное, — заключил Люпен, — узнать, потонем мы до или после прибытия полицейских чемпионов. В этом все дело. Потому что вопрос о том, потерпим ли мы бедствие, отпал сам собой. Мэтр, наступает торжественная минута завещания. Я оставляю все, что имею, Херлоку Шолмсу, гражданину Англии, и поручаю… Бог мой, как же они торопятся, наши полицейские чемпионы! Ай,

молодцы! Приятно посмотреть. Какая точность ударов веслом! Ах, так это вы, капрал Фолянфан? Браво! Идея зафрахтовать военный корабль просто великолепна. Я замолвлю о вас словечко перед начальством, капрал Фолянфан. Хотите медаль? Идет. Она уже у вас в кармане. А где же ваш товарищ Дьези? Не правда ли, на левом берегу, с сотней туземцев? Это затем, чтобы, если мне удастся спастись, меня бы подобрали слева Дьези и его туземцы, а справа Ганимар вместе с населением Нёйи. Ничего себе, дилемма…

Лодку закачало. Вдруг она так закрутилась, что Шолмсу пришлось ухватиться за уключину.

— Мэтр, — попросил Люпен, — умоляю, снимите куртку. Так вам будет удобнее плыть. Нет? Не хотите? Ну тогда я надену свою.

И, натянув куртку, застегнувшись, как Шолмс, на все пуговицы, он вздохнул:

— Ну что за тяжелый человек! Как досадно, что вы упрямо лезете в дело… в котором, конечно, покажете все свои способности, да только напрасно! Честное слово, просто зря расходуете такой гениальный ум!

— Господин Люпен, — нарушив наконец молчание, произнес Шолмс, — вы слишком много разговариваете и нередко грешите избытком

доверчивости и легкомыслием.

— Серьезный упрек.

— Из-за этого, сами того не ведая, вы только что открыли мне то, о чем я до сих пор не мог догадаться.

— Как! Вы хотели о чем-то догадаться и ничего мне не сказали?

— Я не нуждаюсь ни в ком. Не пройдет и трех часов, как я посвящу господина и госпожу д'Имблеваль в вашу тайну. Вот мой единственный ответ…

Он не успел закончить. Лодка мигом ушла под воду, увлекая обоих за собой. И спустя мгновение вынырнула, перевернувшись днищем вверх. С обоих берегов раздались крики, затем наступила тревожная тишина, и вдруг снова вопли: один из утопающих показался над водой.

Это был Херлок Шолмс.

Прекрасный пловец, он широкими саженками поплыл к шлюпке Фолянфана.

— Смелее, господин Шолмс! — прокричал капрал. — Мы здесь… соберитесь с силами… потом мы сами им займемся… он у нас в руках… ну давайте… еще немного, господин Шолмс, держите веревку.

Англичанин ухватился за протянутый канат.

Но пока он залезал на борт, позади его окликнули:

— Тайну, да, дорогой мэтр, вы ее им откроете. Я даже удивлен, как это вы до сих пор не догадались… Ну и что из этого? Чем это вам поможет? Ведь именно тогда вы и проиграете бой…

Верхом на днище, на которое он взобрался, продолжая болтать, устроившись поудобнее, Арсен Люпен возобновил свою речь, патетически размахивая руками, словно еще надеялся переубедить противника.

— Поймите же, мой дорогой мэтр, тут ничего не поделаешь… абсолютно ничего… Вы оказались в пренеприятном положении…

Фолянфан решил призвать его к порядку:

— Сдавайтесь, Люпен.

— Вы грубиян, капрал Фолянфан, перебили меня на полуслове. Так я говорил…

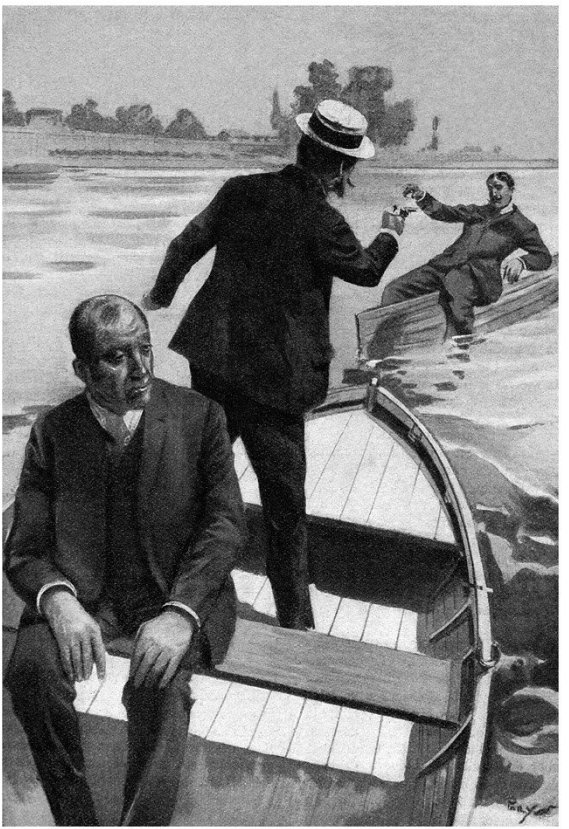
— Сдавайтесь, Люпен.

— Но, черт возьми, капрал Фолянфан, люди сдаются, когда они в опасности. Не станете же вы утверждать, что я подвергаюсь хотя бы малейшей опасности?

— В последний раз, Люпен, говорю вам: сдавайтесь.

— Капрал Фолянфан, вы вовсе не собираетесь

меня убивать, ну разве что раните… Ведь вы так боитесь, что я сбегу. А если рана случайно окажется смертельной? Нет, вы только подумайте, какие вас ждут угрызения совести! Отравленная старость…



Раздался выстрел.

Люпен закачался, ухватился на мгновение за борт лодки и, выпустив его из рук, скрылся под водой.

Эти события произошли в три часа дня. Ровно в шесть, как и обещал, Херлок Шолмс в одолженных у одного трактирщика из Нёйи слишком коротких брюках и узкой куртке, в кепке на голове и фланелевой рубашке с шелковым шнуром вошел в будуар на улице Мюрийо, попросив передать господину и госпоже д'Имблеваль, что желает с ними переговорить.

Когда они вошли, он расхаживал по комнате из угла в угол. В своем странном наряде Шолмс выглядел так забавно, что оба едва удержались, чтобы не расхохотаться. Ссутулив спину, о чем-то задумавшись, он, как автомат, шагал от окна к двери, затем от двери к окну, каждый раз проделывая одинаковое количество шагов и поворачиваясь лишь в одну сторону.

Вдруг остановившись, Шолмс взял какую-то безделушку, машинально повертел ее в руках и, поставив на место, снова заходил.

Подойдя наконец к ним, он задал вопрос:

— Мадемуазель здесь?

— Да, в саду с детьми.

— Господин барон, поскольку нас ожидает окончательное объяснение, мне хотелось бы, чтобы при беседе присутствовала мадемуазель Демен.

— Так вы все еще…

— Чуть-чуть терпения, месье. Из фактов, которые я изложу вам с максимальной точностью, легко будет выявить истину.

— Хорошо. Сюзанна, будь добра…

Мадам д'Имблеваль быстро вышла и почти тотчас же вернулась в сопровождении Алисы Демен. Мадемуазель, чуть бледнее обычного, осталась стоять у стола, даже не спросив, зачем ее позвали.

Шолмс, казалось, ее не замечал и, резко обернувшись к господину д'Имблевалю, тоном, не допускающим возражений, отчеканил:

— В результате продолжительного расследования, в ходе которого, признаюсь, мне приходилось не раз менять свою точку зрения, все же повторю то, что говорил вам в самый первый день: еврейскую лампу украл тот, кто живет в этом особняке.

— Его имя?

— Оно мне известно.

— А доказательства?

— Их будет вполне достаточно, чтобы виновник сознался.

— Одного признания мало. Нужно еще, чтобы он возвратил нам…

— Еврейскую лампу? Она находится у меня.

— А опаловое колье? А табакерка?

— И опаловое колье, и табакерка, короче говоря, все, что украли у вас во второй раз, находится у меня.

Шолмс очень любил театральные приемы, обожая сухо и официально объявлять о своих победах.

И правда, барон и его жена, казалось, были бесконечно удивлены. Они взирали на него с молчаливым любопытством, и это было для него самым лучшим признанием заслуг.

Итак, он во всех подробностях начал излагать то, что сделал за прошедшие три дня. Рассказал о том, как нашел букварь, написал на бумаге слово, получившееся из вырезанных букв, поведал о походе Брессона к берегам Сены и о самоубийстве этого искателя приключений и наконец перешел к описанию своего сражения с Люпеном, потопления лодки и исчезновения самого Люпена.

Когда он закончил, барон тихо сказал:

— Остается лишь назвать имя виновника. Кого

же вы обвиняете?

— Я обвиняю человека, вырезавшего буквы из этой азбуки, который с помощью этих букв сносился с Арсеном Люпеном.

— А как вы узнали, что он сносился именно с Люпеном?

— Мне сам Арсен Люпен это сказал.

Он протянул барону мокрую, смятую бумажку. Это был тот самый листок, который Люпен в лодке вырвал из своего блокнота, написав на нем таинственное слово.

— Заметьте, — самодовольно добавил Шолмс, — никто не заставлял его давать мне этот листок и таким образом обнаруживать себя. С его стороны это было обычное ребячество, и мне оно помогло.

— Вам помогло… — удивленно протянул барон. — Но мне неясно чем…

Шолмс взял карандаш и переписал буквы и цифры:

АВЕЙКОТЧЭЕОТ 237.

— Ну и что? — не понял господин д'Имблеваль. — Ведь это слово вы уже нам показывали раньше.

— Нет. Если бы вы вгляделись хорошенько, то сразу бы увидели, как увидел я, что это слово

отличается от того, что вам показывал я.

— Чем же?

— В нем на три буквы больше, добавлены «Е», «О» и «Т».

— Действительно, а я и не заметил…

— Теперь объедините буквы, оставшиеся после того, как мы составим слово «отвечайте», и у вас получится одно-единственное слово: «эко».

— А что это значит?

— Оно означает «Эко де Франс», то есть газета Люпена, его официальный орган, в котором он всегда печатает свои «коммюнике». «Отвечайте в „Эко де Франс“, раздел объявлений, номер 237». Вот разгадка, которую я так долго искал. Люпен сам любезно мне ее предоставил. А сегодня я только что был в редакции «Эко де Франс».

— И что вы там нашли?

— Нашел подробное описание истории отношений между Люпеном и его сообщницей.

И Шолмс разложил на столе семь газет, открытых на четвертой странице. В каждой было выделено по одной строчке.

1. АРС. ЛЮП. Дама умол. о защ. 540.

2. 540. Жду объяснений. А. Л.

3. А. Л. Во вл. врага. Погибаю.

4. 540. Напишите адрес. Проведу следствие.

5. А. Л. Мюрийо.

6. 540. Парк три часа. Фиалки.

7. 237. Согласен суб. Буду воскр. утр. парк.

— И вы называете это подробным описанием? — воскликнул господин д'Имблеваль.

— Да, господи, конечно, и вы сами, взглянув повнимательнее, тоже все поймете. Во-первых, дама, подписывающаяся числом пятьсот сорок, умоляет Арсена Люпена о защите, на что Люпен отвечает просьбой дать объяснения. Дама отвечает, что находится во власти врага, вне сомнения Брессона. Она погибнет, если к ней не придут на помощь. Недоверчивый Люпен пока не решается связаться с незнакомкой, он просит дать адрес и предлагает провести следствие. Дама сомневается целых четыре дня — взгляните на даты, — но в конце концов, подгоняемая обстоятельствами, напуганная угрозами Брессона, сообщает название улицы: Мюрийо. На следующий день Арсен Люпен объявляет, что в три часа будет в парке Монсо, и просит незнакомку в качестве опознавательного знака держать в руках букетик фиалок. Затем следует восьмидневный перерыв. Арсену Люпену и даме нет надобности сноситься через газету, так как они видятся или переписываются напрямую. Они подготовили такой план: чтобы

удовлетворить Брессона, дама должна похитить еврейскую лампу. Остается лишь назначить день. Дама, из осторожности пользующаяся письмами, составленными из вырезанных и наклеенных слов, решается устроить все в субботу и добавляет: «Отвечайте „Эко — двести тридцать семь“». Люпен пишет, что согласен и будет в воскресенье утром в парке. Итак, в ночь с субботы на воскресенье была совершена кража.

— Действительно, все сходится, — признал барон, — теперь все ясно.

— В общем, лампу украли, — продолжил Шолмс. — Дама утром в воскресенье идет в парк, рассказывает Люпену, как все произошло, и относит Брессону еврейскую лампу. Все идет так, как предвидел Люпен. Полицейские, сбитые с толку открытым окном, четырьмя ямками на земле и царапинами на ограде, сразу же склоняются к версии о краже со взломом. Дама может быть спокойна.

— Хорошо, — сказал барон, — я согласен с вашим, таким логичным объяснением. Но вторая кража…

— Вторая кража была вызвана первой. Поскольку в газетах подробно описывалось, каким образом похитили еврейскую лампу, у кого-то

возникла мысль повторить ограбление, чтобы забрать то, что осталось. На этот раз произошла не инсценировка, а настоящая кража, с настоящим взломом, лестницей и всем прочим.

— Конечно, Люпен…

— Нет. Люпен не станет поступать столь неразумно. И Люпен никогда не будет стрелять в людей просто так.

— Так кто это был?

— Конечно же Брессон. Он забрался к вам без ведома дамы, которую шантажировал. Именно с Брессоном я и столкнулся здесь, его и преследовал. Это он ранил моего бедного Вильсона.

— А вы уверены?

— Абсолютно. Один из сообщников Брессона написал ему вчера, еще до самоубийства, письмо, подтверждающее переговоры, которые велись между этим сообщником и Люпеном по поводу возврата всех вещей, украденных из вашего особняка. Люпен требовал все, «первое», то есть еврейскую лампу, «как и то, что было потом». Люпен же и организовал слежку за Брессоном. Когда тот вчера вечером ходил на берег Сены, вместе с нами за ним наблюдал и его человек.

— А что было делать Брессону на берегу?

— Предупрежденный о ходе моего следствия…

— Кем же?

— Все той же дамой, справедливо опасавшейся, что поиски еврейской лампы в конце концов раскроют ее секрет… Итак, предупрежденный Брессон связал все компрометирующие его вещи в один сверток и забросил в то место, откуда потом, когда минет опасность, можно было бы его забрать. Но на обратном пути, преследуемый Ганимаром и мной, он испугался, а так как, по всей видимости, имел на совести и другие грешки, то потерял голову и покончил с собой.

— А что было в свертке?

— Еврейская лампа и прочие ваши побрякушки.

— Ведь вы говорили, что они у вас?

— Сразу после исчезновения Люпена я решил воспользоваться тем, что он заставил меня искупаться, и велел грести к месту, которое вечером выбрал Брессон, а там как раз и обнаружил завернутые в тряпки и клеенку украденные у вас вещи. Вот они, на этом столе.

Не говоря ни слова, барон разрезал веревки и, рванув мокрые тряпки, вытащил из свертка лампу. Отвинтив гайку под подставкой, он, поворачивая обеими руками половинки сосуда, раскрыл его и вынул оттуда золотую химеру,

украшенную рубинами и изумрудами.

Она была цела.

Во всей этой с виду обычной беседе, заключавшейся в простом изложении фактов, было нечто трагичное, ужасное. В каждом слове Шолмса сквозило категорическое, прямое и неопровержимое обвинение в адрес мадемуазель. А сама Алиса Демен хранила гордое молчание.

Все долгое время, пока нанизывались на невидимую нить жестокие улики, ни один мускул не дрогнул на ее лице. В безмятежном, ясном взгляде не промелькнуло и тени тревоги, страха. О чем она думала? И главное, что собиралась сказать в ту торжественную минуту, когда придется отвечать, защищаться? Как разорвать железное кольцо, в которое так ловко зажал ее Херлок Шолмс?

Час пробил, но девушка оставалась безмолвной.

— Скажите! Ну скажите же хоть что-нибудь! — воскликнул господин д'Имблеваль.

Но она молчала.

Он стал настаивать:

— Хоть слово в свое оправдание… Лишь возмутитесь — я поверю вам…

Но она не сказала ни слова.

Барон пробежался по комнате, вернулся обратно, снова забегал и, оборотясь к Шолмсу, всплеснул руками:

— Нет и нет, месье! Не могу поверить, что это правда! Такое преступление невозможно! Оно идет вразрез со всем, что я знаю, что вижу вот уже целый год.

Он положил руку англичанину на плечо.

— А вы-то сами, месье, вы абсолютно, окончательно уверены в том, что не ошибаетесь?

Шолмс смутился, словно его застали врасплох, тогда как у него еще не сложилось определенного мнения. Однако с улыбкой ответил:

— Только та особа, которую я обвиняю, могла, в силу положения, занимаемого ею в вашем доме, знать, какая драгоценность спрятана в еврейской лампе.

— Не хочу, не хочу верить, — шептал барон.

— Спросите у нее самой.

Действительно, это было последним средством, и, хотя он слепо доверял девушке, теперь уже нельзя было не смириться с очевидностью.

Подойдя к Алисе, барон заглянул ей в глаза:

— Это сделали вы, мадемуазель? Вы взяли драгоценность? Вы переписывались с Арсеном Люпеном и инсценировали кражу?

— Да, я, — ответила она, не опуская головы. На лице девушки не отразилось ни смущения, ни стыда.

— Не может быть, — прошептал господин д'Имблеваль. — Я никогда бы не мог подумать… Вы — последняя, кого можно было бы заподозрить… Как же вам это удалось, несчастная?

— Я сделала все так, как рассказал господин Шолмс, — ответила она. — В ночь с субботы на воскресенье спустилась в будуар, взяла лампу, а утром… отнесла ее тому человеку.

— Нет, что вы, — возразил барон. — Это никак невозможно.

— Невозможно? Почему?

— Потому что утром, когда я вышел, дверь будуара была заперта на крючок.

Она покраснела, растерявшись, и взглянула на Шолмса, будто спрашивая у него совета.

А тот был поражен не столько замечанием барона, сколько смущением Алисы Демен. Ей что, нечего ответить? Значит, признание, подтверждавшее данное им, Шолмсом, объяснение кражи еврейской лампы, было ложным, если могло разрушиться от такого незначительного возражения?

А барон все настаивал:

— Эта дверь была закрыта. Я утверждаю, что крючок был наброшен именно так, как я это делаю каждый день вечером. Если бы вы, как говорите, прошли через эту дверь, кто-то изнутри должен был вам открыть, из будуара или из спальни. Но в этих двух комнатах не было никого… кроме меня и моей жены.

Шолмс вдруг согнулся, закрыв лицо руками, чтобы никто не заметил, как он покраснел. Как будто промелькнула какая-то яркая вспышка, ослепившая его. Ему внезапно сделалось не по себе. Вмиг все стало ясно, так с наступлением дня разом принимают четкие очертания маячившие в темноте предметы.

Алиса Демен была невиновна.

Алиса Демен невиновна. В этом и заключалась режущая глаза правда. Вот почему с самого первого дня, как только начал выстраивать против девушки ужасное обвинение, он чувствовал какую-то неловкость. Теперь все становилось понятным. Он знал. Достаточно одного лишь движения, и он сразу получит неопровержимое доказательство.

Шолмс поднял голову и, с минуту помедлив, самым естественным образом обернулся и взглянул на мадам д’Имблеваль.

Она была бледна той непривычной белизной, что заливает лицо в самые беспощадные минуты человеческой жизни. Руки, которые она пыталась куда-то спрятать, чуть заметно дрожали.

«Еще мгновение, — подумал Шолмс, — и она себя выдаст».

Тогда он встал между нею и мужем, охваченный желанием отвести страшную опасность, по его вине грозившую этим мужчине и женщине. Но, взглянув на барона, весь содрогнулся. То же внезапное озарение, ослепившее его минуту назад, читалось теперь на лице господина д'Имблеваля. Мозг его работал в том же направлении. Он, в свою очередь, тоже начал понимать! Он все понял…

Алиса Демен в отчаянии попыталась бороться с очевидной истиной:

— Вы правы, месье, я просто забыла… Я входила не здесь… Я прошла через вестибюль, потом по саду и с помощью лестницы…

Величайшая самоотверженность! Но она была уже напрасна. Слова звучали неискренне, голос был нетверд, и взгляд этого милого создания потерял свою ясность и искренность. Сраженная, она опустила глаза.

Настало жуткое молчание. Госпожа д'Имбле-

валь ждала, мертвенно-бледная, оцепенев от ужаса и тревоги. Барон, казалось, все еще боролся с собой, не решаясь поверить в крушение своего счастья.

Наконец он пробормотал:

— Говори!.. Объяснись…

— Мне нечего сказать тебе, мой бедный друг, — произнесла она очень тихо, с исказившимся от боли лицом.

— Но тогда… мадемуазель…

— Мадемуазель меня спасла… из преданности… любви… Она наговорила на себя…

— Спасла от чего? От кого?

— От этого человека.

— От Брессона?

— Да, это мне он угрожал… Я познакомилась с ним у одной подруги… и была настолько глупа, что доверилась ему… О, ничего такого, чего ты не мог бы простить… но были два письма… ты их увидишь… я выкупила их… ты знаешь как… О, сжалься надо мной… я так страдала!

— Ты! Ты, Сюзанна!

Он поднял сжатые кулаки, словно готовый ударить ее, убить. Но в тот же миг руки его опустились, и он снова прошептал:

— Ты, Сюзанна! Ты!.. Возможно ли это?

Запинаясь, она принялась рассказывать обычную грустную историю, свое приключение, а потом пробуждение от иллюзий, гнусность шантажиста, угрызения совести, безумную тревогу, сказала и о прекрасном поведении Алисы, о том, как девушка, догадавшись о беде хозяйки, вырвала у нее признание, а потом написала Люпену и устроила эту кражу, чтобы спасти ее из когтей Брессона.

— Ты, Сюзанна, ты, — только и мог повторять господин д'Имблеваль, сраженный, согнувшись пополам, будто от удара. — Как ты могла?

Вечером того же дня пароход «Лондон-сити», курсирующий между Кале и Дувром, тихо скользил по неподвижной водной глади. Темная ночь выдалась спокойной. Наверху, над кораблем, в небе угадывались мирно плывущие тучи, а вокруг легкие клубы тумана отделяли его от бесконечного пространства, куда струился бледный свет луны и звезд.

Большинство пассажиров вернулись в каюты и салоны. Только некоторые, самые стойкие, все еще прогуливались по палубе или дремали в глубоких шезлонгах, накрывшись толстыми одеялами. То тут, то там время от времени мелькал огонек сигары, а тихое дуновение ветерка доносило шепот голосов, не решавшихся в торжественной тишине заговорить громко.

Один из пассажиров, прохаживавшийся широкими шагами вдоль бортовых сеток, остановился возле дамы, лежавшей в шезлонге, вгляделся и, заметив, что она шевелится, тихо сказал:

— Я думал, вы спите, мадемуазель Алиса.

— Нет, нет, господин Шолмс, совсем не хочется спать. Я все думаю.

— О чем? Не будет ли нескромным задать вам такой вопрос?

— Я думала о госпоже д'Имблеваль. Должно быть, ей так грустно. Ведь жизнь ее разбита.

— Нет, что вы, — живо возразил он. — Ее вина не из тех, которые не прощают. Господин д'Имблеваль забудет об этой ее слабости. Когда мы уходили, он уже глядел на нее менее сурово.

— Может быть… Но это будет так не скоро… а она страдает.

— Вы очень ее любите?

— Очень. Это и дало мне силы улыбаться, когда я дрожала от страха, смотреть вам прямо в глаза, когда лучше было бы отвести взгляд.

— Вам жаль ее покидать?

— Очень жаль. Ведь у меня нет ни родных, ни друзей. У меня была только она.

— У вас будут еще друзья, — тронутый ее горем, сказал Шолмс. — Обещаю вам. У меня есть связи… влияние… уверяю вас, вы ни о чем не пожалеете.

— Может быть, но госпожи д'Имблеваль уже там не будет…

Больше они ни о чем не говорили. Херлок Шолмс сделал еще два-три круга по палубе и затем уселся возле своей попутчицы.

Завеса тумана понемногу начала рассеиваться,

тучи в небе расступились. Засверкали звезды.

Шолмс вытащил из кармана плаща трубку, набил ее и попытался чиркнуть спичкой. Но одна за другой все четыре спички погасли, и он так и не смог прикурить. Спички кончились. Пришлось ему встать и обратиться к сидевшему рядом господину:

— Не найдется ли у вас огня?

Тот вынул коробок, чиркнул. Заплясал язычок огня. В свете его Шолмс узнал Арсена Люпена.

Если бы англичанину удалось удержаться и не сделать неприметного движения, не отступить чуть-чуть, Люпен мог бы подумать, что Шолмсу было известно заранее о его присутствии на борту. Сыщик прекрасно владел собой и с самым естественным видом протянул противнику руку:

— Рад видеть вас в добром здравии, господин Люпен.

— Браво! — воскликнул тот, восхищаясь подобным самообладанием.

— Браво? Почему?

— Как почему? Я вдруг, подобно призраку, появляюсь перед вами, после того как вы своими глазами видели мое падение в Сену, а вы из гордости, я бы даже сказал, истинно британской, необыкновенной гордости каким-то чудом смог-

ли ни словом, ни жестом не выразить своего удивления. Так что повторяю, браво, это достойно восхищения!

— Это не достойно восхищения. По вашему падению с лодки я сразу увидел, что вы это сделали нарочно и пуля капрала вас даже не задела.

— И все-таки уехали, даже не узнав, что со мною стало?

— Что с вами стало? Я и так это знал. Пятьсот человек на протяжении километра сторожили на обоих берегах. И если бы вы избежали смерти, то неминуемо попались бы им в лапы.

— И все-таки я здесь.

— Господин Люпен, в мире есть только два человека, имея дело с которыми я не удивлюсь ничему. Во-первых, это я, а во-вторых — вы.

Мир был заключен.

И если Шолмс, что-то затевая против Арсена Люпена, неизменно терпел поражение, если Люпен продолжал оставаться необычайным врагом, от поимки которого следовало окончательно отказаться, если из всех сражений ему каждый раз удавалось выйти победителем, то англичанин тем не менее в силу своего замечательного упорства смог отыскать еврейскую лампу, а еще раньше — голубой бриллиант. Возможно, на этот

раз результаты оказались менее блестящими, особенно с точки зрения широкой публики: ведь Шолмсу пришлось скрыть обстоятельства, при которых была найдена еврейская лампа, и заявить, что ему неизвестно имя похитителя. Но в поединке двух людей, Люпена и Шолмса, сыщика и взломщика, невозможно было с уверенностью определить, кто победитель, а кто побежденный. Каждый из них в равной степени мог претендовать на победу.

И вот они любезно беседовали, как сложившие оружие враги, испытывая друг к другу заслуженное уважение.

По просьбе Шолмса Люпен рассказал о своем побеге.

— Если только это можно назвать побегом, — добавил он. — Все было так просто! Мои друзья были начеку, ведь мы условились встретиться, чтобы попытаться выловить еврейскую лампу. Так вот, добрых полчаса просидев под перевернутой лодкой, я воспользовался случаем, когда Фолянфан со своими людьми отправились искать мой труп у берегов, и выбрался на поверхность. Друзьям оставалось лишь подобрать меня, проплывая мимо на моторной лодке, и скрыться на глазах у изумленных пятисот зрителей, Ганимара

и Фолянфана.

— Красиво, ничего не скажешь, — одобрил Шолмс. — Настоящая удача! А что вы собираетесь делать в Англии?

— Уладить некоторые дела с оплатой счетов. Совсем забыл, а как там господин д'Имблеваль?

— Теперь он знает все.

— Ах, дорогой мэтр, что я вам говорил? Зло уже не исправишь. Не лучше ли было предоставить мне действовать по своему усмотрению? Еще день или два, и я бы отнял у Брессона еврейскую лампу и побрякушки, отправил бы их д'Имблевалям, и эти славные люди счастливо зажили бы друг с другом. А вместо этого…

— Вместо этого, — усмехнулся Шолмс, — я спутал все карты и принес раздор в семью, которой вы протежировали.

— Да, боже мой, протежировал! Нельзя же всю жизнь только воровать, обманывать и причинять зло!

— Значит, вы не против совершить и доброе дело?

— Когда есть время. И потом, мне это просто нравится. Довольно забавно, не правда ли, в этом деле я выступаю в роли доброго гения, а вы, напротив, злой дух, приносящий лишь слезы и

отчаяние.

— Слезы? Какие слезы? — запротестовал англичанин.

— Ну как же? Семейная жизнь д'Имблевалей разбита, Алиса Демен плачет.

— Ей нельзя было там оставаться. Ганимар в конце концов напал бы на ее след, а через нее вышел бы на мадам д'Имблеваль.

— Совершенно согласен с этим, мэтр, но кто тут виноват?

Мимо них по палубе прошли двое, и Шолмс слегка изменившимся голосом спросил у Люпена:

— Вам известно, кто эти джентльмены?

— По-моему, один из них — капитан корабля.

— А второй?

— Не имею понятия.

— Это мистер Остин Жилетт. Он занимает в Англии такое же положение, как у вас господин Дюдуи, шеф Сюрте.

— Что вы говорите? Какая удача! Не будете ли вы так любезны представить меня? Господин Дюдуи — один из моих добрых друзей, буду счастлив, если в числе их окажется и мистер Остин Жилетт.

Оба джентльмена показались снова.

— А если я поймаю вас на слове, господин Люпен? — произнес Шолмс, вставая.

И, схватив Люпена за запястье, сжал его руку мертвой хваткой.

— К чему так сильно, мэтр? Я и так готов пойти с вами.

Он и вправду послушно, без малейшего сопротивления шел за ним. Двое джентльменов удалялись.

Шолмс зашагал быстрее, буквально впиваясь ногтями в руку Люпена.

— Пошли… пошли… — глухо рычал он как в бреду, торопясь скорее покончить с этим. — Пошли… Быстрее!

Но вдруг резко остановился: за ними шла Алиса Демен.

— Что вам здесь надо, мадемуазель? Не ходите за нами!

Ему ответил сам Люпен:

— Обратите внимание, мэтр, мадемуазель идет за нами не совсем по своей воле. Я сжимаю ее руку почти с той же силой, с какой вы мою.

— Но почему?

— Как почему? Ведь я обязательно хочу ее тоже представить. Роль мадемуазель Демен в деле о еврейской лампе гораздо значительнее моей.

Сообщница Арсена Люпена, сообщница Брессона, она должна будет также рассказать и о приключении баронессы д'Имблеваль, ведь это так заинтересует правосудие! И таким образом вы доведете свое благое дело до конца, добрейший Шолмс.

Англичанин выпустил руку своего пленника. Люпен отпустил мадемуазель.

Так, друг против друга, они стояли молча несколько минут. Затем Шолмс вернулся на свое место. Люпен с девушкой тоже уселись.

Настала гнетущая тишина. Потом Люпен сказал:

— Видите ли, мэтр, что бы с нами ни было, мы всегда останемся по разные стороны баррикад. Вы — с одного края, я — с другого. Можно здороваться, пожимать руки, даже беседовать, но между нами всегда будет пролегать пропасть. Навсегда вы останетесь сыщиком Херлоком Шолмсом, а я — взломщиком Арсеном Люпеном. И каждый раз Херлок Шолмс пусть и помимо воли, пусть и некстати, но все равно будет покоряться инстинкту детектива, заставляющему бежать по следу взломщика, и пытаться посадить его. И каждый раз Арсен Люпен с душой взломщика будет стараться избежать когтей детектива

и потешаться над ним, насколько позволят обстоятельства. А обстоятельства на этот раз еще как позволяют! Ха-ха-ха!

Послышался вдруг издевательский, злой и жестокий смех.

Потом, посерьезнев, Люпен склонился к девушке:

— Поверьте, мадемуазель, даже доведенный до последнего предела, я не выдал бы вас. Арсен Люпен никогда не предает, особенно тех, кого любит и кем восхищается. И позвольте сказать вам, что я люблю и восхищаюсь таким храбрым и милым человеком, как вы.

Вынув из бумажника визитную карточку, он разорвал ее надвое и, протянув девушке половинку, сказал почтительно и с волнением:

— Если господину Шолмсу не удастся преуспеть в том, что он собирается предпринять, зайдите к леди Стронборуг (адрес ее вы найдете без труда) и передайте этой даме половину карточки со словами «верная память». Леди Стронборуг станет преданной вам, как сестра.

— Спасибо, — ответила девушка, — завтра же пойду к ней.

— А теперь, мэтр, — удовлетворенно заключил Люпен с видом человека, выполнившего свой

долг, — желаю вам спокойной ночи. Плыть нам еще час. Попробую воспользоваться этим.

И, растянувшись в шезлонге, скрестил руки под головой.

Небо раскрылось навстречу луне. Вокруг звезд и у кромки моря разливался ее бледный свет. И казалось, что он владел бесконечным пространством, в котором уже исчезали последние тучи.

От темного горизонта отделилась линия берегов. На палубу поднялись пассажиры. Стало многолюдно. Вот прошел мистер Остин Жилетт в сопровождении двоих, в которых Шолмс узнал агентов английской полиции.

А в шезлонге спал Люпен…